

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Вестник
Российского мониторинга
экономического
положения
и здоровья населения
НИУ ВШЭ
(RLMS-HSE)**

Выпуск 9

*Ответственный редактор
П. М. Козырева*

Москва 2019

УДК 316.4
ББК 60.5
В38

*Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований
НИУ ВШЭ*

Редакционная коллегия:

П. М. Козырева, М. С. Косолапов, В. В. Радаев,
С. Ю. Роцин, Я. М. Рощина

Вестник Российского мониторинга экономического положения
и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 9 [Электронный
ресурс] : сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. — Электрон. текст. дан.
V38 (объем 2,46 Мб). — М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2019. —
188 с.: илл. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM), 12 см. — ISBN 978-5-7598-2038-3

В девятый выпуск электронного издания «Вестник Российского мониторинга
экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE)» вошли работы,
подготовленные на основании данных 26 волн панельного обследования российских
домохозяйств RLMS-HSE за 1992–2017 гг.

В работах представлен сравнительный анализ социально-экономического
положения и поведения российских домохозяйств в 2017 г., а также исследования
потребления алкоголя и питания, школьной успеваемости и доверия к институтам.
Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов и открыты к дальнейшему
обсуждению и дополнению.

Издание адресовано исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто
интересуется результатами мониторинга RLMS-HSE.

УДК 316.4
ББК 60.5

doi:[10.17323/978-5-7598-2038-3](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2038-3)

ISBN 978-5-7598-2038-3

©Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Институт социальной политики,
Центр лонгитюдных обследований, 2019

Содержание

Введение	5
<i>Воронин Г. Л., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э., Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И., Евграфова К. О.</i> Социально-экономическое поведение российских домохозяйств в 1994–2017 гг.....	7
<i>Рощина Я. М.</i> Рискованное потребление алкоголя в России	108
<i>Рощина Я. М., Бычкова Т. Ю.</i> Структура питания россиян в 2011 г.....	134
<i>Богданов М. Б., Лебедев Д. В.</i> Структура успеваемости российских школьников и группы школьников с высокой успеваемостью	157
<i>Демин П. А.</i> Экономический кризис и доверие институтам в России	175
Сведения об авторах	186

Contents

Introduction	5
<i>Voronin G. L., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Nizamova A. E., Sivkova I. V., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I., Evgrafova K. O.</i>	
Socio-Economic Behavior of Russian Households in 1994–2017	7
<i>Roshchina Ya. M.</i>	
Risky Alcohol Consumption in Russia	108
<i>Roshchina Ya. M., Bychkova T. Yu.</i>	
Food Consumption in 2011 Russia	134
<i>Bogdanov M. B., Lebedev D. V.</i>	
The Factors of Education Attainments in Russia: High Archives Among Russian Children and Teenagers	157
<i>Demin P. A.</i>	
Economic Crisis and Trust in Institutions in Russia	175
Contributors	186

ВВЕДЕНИЕ

В девятом выпуске «Вестника Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE)» представлены результаты научных исследований, основанных на данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE). RLMS-HSE представляет собой уникальное панельное обследование российских домохозяйств, которое проводится ежегодно по вероятностной, стратифицированной, многоступенчатой территориальной выборке. Полученные данные являются репрезентативными для всего населения Российской Федерации. Последняя волна обследования RLMS-HSE была проведена в октябре 2018 г. — январе 2019 г. В результате база данных обследования включила в себя информацию о различных аспектах жизни российских домохозяйств (экономическом поведении, демографической структуре, здоровье и др.) за период с ноября 1994 по январь 2019 г.

Представленные в выпуске работы основаны на данных RLMS-HSE за 1994—2017 гг. и посвящены как общему анализу социально-экономического положения и поведения российских домохозяйств, так и отдельным, более частным аспектам жизни россиян. В выпуск вошли исследования практик потребления пищи и алкоголя, факторов успеваемости на начальных этапах школьного образования, доверия к экономическим и политическим институтам. В работах, посвященных потреблению алкоголя и институциональному доверию, использованы дополнительные модули обследования RLMS-HSE (2012, 2016 и 2017 гг.), содержащие информацию по рассматриваемым авторами вопросам.

Выпуск открывает коллективная статья, где дана общая характеристика социально-экономического положения российских домохозяйств в 1994—2017 гг. Как показывают данные RLMS-HSE, в 2017 г. продолжился рост реальных доходов населения. Впервые после 2011 г. наметилось снижение доли государственных трансфертных платежей и увеличение доли заработной платы в доходах россиян. Несмотря на то что рост реальных доходов затронул все слои населения, доходы бедных и малообеспеченных домохозяйств росли медленнее, чем доходы более обеспеченных семей. Продолжился рост ежемесячных расходов домохозяйств, однако темпы роста расходов на непродовольственные товары замедлились. Уровень дифференциации домохозяйств по расходам продолжал снижаться. Безработица в 2017 г. затронула 3,5% россиян; коэффициент участия в рабочей силе составил 81,9% взрослого населения. Как и в предыдущие годы, мужчины заметно превосходили женщин и по доле лиц, получающих тот или иной вид дохода, и по величине среднего размера дохода от трудовой деятельности. В 2017 г., впервые за последние пять лет,

среди россиян выросла общая удовлетворенность жизнью и удовлетворенность материальным положением, снизилась обеспокоенность проблемами занятости, а уровень удовлетворенности своей работой стабилизировался.

Выпуск продолжает статья Я. М. Рощиной, посвященная потреблению алкоголя в России в 2006–2017 гг. В статье представлено подробное описание методологии, при помощи которой на основании данных RLMS-HSE конструируются достоверные и сопоставимые показатели уровня потребления алкоголя. Используя сконструированные показатели, автор демонстрирует снижение уровня потребления алкоголя среди россиян в 2006–2017 гг., особенно заметное в младших возрастах (14–25 лет), а также среди мужчин. Анализ потребления алкоголя в 2017 г. свидетельствует о том, что злоупотребляют спиртными напитками 5,3% россиян, еще 6,5% находятся в зоне риска. При этом 46,7% населения являются трезвенниками или не употребляют алкоголь по другим причинам. Представленные результаты, по мнению автора, позволяют отнести Россию к странам с умеренным уровнем потребления алкоголя.

В статье Я. М. Рощиной и Т. Ю. Бычковой рассматриваются практики питания россиян в 2011 г. Авторы отмечают, что в большинстве своем россияне предпочитают традиционный тип питания. При этом питание женщин, людей пожилого возраста, жителей сельской местности и представителей малообеспеченных слоев населения менее разнообразно, чем питание мужчин, молодых, горожан, людей со средним уровнем достатка. Более современные типы питания распространены среди молодых мужчин с хорошим здоровьем («нездоровый» тип, наиболее склонный к потреблению готовых блюд и к перекусам) и молодых женщин с хорошим здоровьем и высшим образованием (смешанный тип, включающий как практики здорового питания, так и некоторые нездоровые пищевые привычки).

В статье М. Б. Богданова и Д. В. Лебедева представлен анализ успеваемости российских школьников в возрасте до 14 лет. На основании данных RLMS-HSE за 2013–2017 гг. авторы показывают, как высокая успеваемость связана с полом ребенка, местом жительства, уровнем образования родителей, среднедушевым доходом семьи, типом школы, размером класса, в котором учится ребенок, а также наличием дополнительных занятий вне школы и разнообразным досугом. Составленный авторами профиль школьника с высокой успеваемостью показывает, что важными факторами успеваемости на данном этапе получения образования являются пол ребенка (девочки в среднем более успешны, чем мальчики), использование Интернета в учебных целях (в случае девочек), наличие дополнительных занятий вне школьной программы (в случае мальчиков).

Выпуск завершает статья П. А. Демина, посвященная анализу институционального доверия в России до и после экономического кризиса 2014 г. Опираясь на данные специализированного блока вопросов RLMS-HSE за 2012 и 2017 гг., автор показывает, что экономический кризис не оказал непосредственного влияния на уровень доверия россиян различным экономическим и политическим институтам. В целом доверие к институтам также не зависело от возраста и материального положения, однако женщины были более склонны доверять институтам по сравнению с мужчинами. В 2017 г. наибольшим доверием пользовались вооруженные силы, а частному бизнесу россияне доверяли в наименьшей степени независимо от своего материального положения.

Представленные работы выполнены при поддержке программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

*Воронин Г. Л., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э.,
Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И., Евграфова К. О.*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В 1994–2017 гг.

doi:10.17323/978-5-7598-2038-3_7-107

Аннотация. В 2017 г. продолжился рост реальных доходов населения. К концу года рост средних реальных доходов домохозяйств составил 10,6%. Впервые с 2011 г. наметилось снижение доли государственных трансфертных платежей и увеличение доли заработной платы в доходах домохозяйств. Рост реальных доходов затронул все домохозяйства независимо от уровня среднедушевого дохода. Однако если в 2016 г. доходы бедных и малообеспеченных домохозяйств росли быстрее, чем доходы более обеспеченных и богатых, то в 2017 г. наблюдалась обратная тенденция. Ежемесячные расходы домохозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров в 2017 г. выросли на 9,3%. При этом заметно снизились темпы роста расходов на непродовольственные товары. Тем не менее доля расходов на продукты питания в общей структуре расходов домохозяйств продолжала снижаться. Наблюдалось дальнейшее снижение дифференциации домохозяйств по уровню расходов, начавшееся в 2014 г. К концу 2017 г. уровень безработицы снизился до 3,5%. Коэффициент участия в рабочей силе практически не изменился и составил 81,9% взрослого населения. Как и в предыдущие годы, мужчины заметно превосходили женщин и по доле лиц, получающих тот или иной вид дохода, и по величине среднего размера дохода от трудовой деятельности. В 2017 г. средний размер трудового дохода женщин составил 70,8% среднего трудового дохода мужчин. В 2017 г. наблюдалось улучшение ряда базовых показателей, характеризующих социальное самочувствие россиян. Впервые за последние пять лет выросла доля лиц, в той или иной степени удовлетворенных жизнью. Вырос и уровень удовлетворенности материальным положением. Удельный вес респондентов, заметивших ухудшение материального положения своих семей, увеличившийся между 2012 и 2016 гг. с 15,5 до 31,5%, в 2017 г. упал до 25%. Снизилась обеспокоенность населения проблемами занятости. Доля респондентов, обеспокоенных угрозой потери работы, снизилась до 63,3%. Наблюдалась стабилизация уровня удовлетворенности занятых своей работой в целом и отдельными сторонами трудоустройства. Доля работников, полностью или скорее удовлетворенных своей работой, составила 66,8%.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, домохозяйство, доходы, расходы, потребление, занятость, безработица, социальное неравенство, социальные установки.

Вступление России десять лет назад в длительную полосу экономической нестабильности и неопределенности, обусловленных чередой экономических кризисов, повлияло на все стороны жизни общества и актуализировало проблемы обеспечения его устойчивости и повышения запаса прочности, ресурсообеспеченности различных групп населения. За эти годы в стране произошло немало важных событий, породивших как позитивные, так и негативные последствия, которые привели к значительным переменам в социально-экономическом положении широких слоев населения, существенно изменили весь комплекс условий жизни россиян. Несмотря на трудности кризисного периода, на качественно новый уровень поднялось благосостояние населения, выросли доходы и расходы домохозяйств. Новые черты приобрел жизненный уклад самых разных слоев и групп населения. Перемены, происходившие в социально-экономическом положении российских граждан, вносили в массовое сознание новые элементы, в значительной мере меняющие представления об окружающей действительности и своих возможностях, о своем настоящем и будущем.

Последний экономический кризис стал самым длительным в новейшей истории России и оказал значительное влияние на повседневную жизнь семей и отдельных граждан, так или иначе затрагивая большинство из них. Как и во время предыдущего кризиса, в наибольшей степени от него пострадали наименее благополучные низкодоходные группы. В 2017 г. российская экономика начала постепенно выходить из кризиса, оттолкнувшись от дна, вблизи которого находилась в течение двух предыдущих лет. Но если из кризиса 2008–2009 гг. экономика выходила довольно быстрыми темпами, то выход из кризиса 2014–2016 гг. оказался довольно медленным и менее уверенным. Восстановительный рост начался в первой половине 2016 г. и поначалу был крайне вялым. Однако в течение первых двух кварталов 2017 г. темпы роста оказались практически эквивалентны интенсивной динамике роста во время выхода из предыдущего экономического кризиса. Достаточно уверенный рост в этот период настраивал на позитивный лад и позволял делать оптимистические прогнозы, но закрепить достигнутый успех не удалось, и во втором полугодии рост замедлился. В конце года уместнее было даже говорить не о росте, а о рецессии, когда экономика страны уходит в очень пологий и долгий подъем.

Темп прироста ВВП в 2017 г. составил 1,5%, что было, однако, вдвое меньше среднемировых темпов. Кроме сельского хозяйства, где сильнее, чем в других отраслях, сработал эффект импортозамещения и наблюдалась активная поддержка со стороны государства, к наиболее динамичным секторам экономики можно было отнести розничное кредитование, и прежде всего ипотечное. Это было вызвано не только рекордным снижением ипотечных ставок, но и влиянием фактора отложенного спроса на фоне постепенного роста позитивных настроений в обществе. Потребительский спрос, который продолжил расширяться в условиях ускорения роста реальной заработной платы и розничного кредитования, стал одним из основных драйверов роста экономики. В данном случае ключевыми отраслевыми драйверами выступили оптовая и розничная торговля, транспортировка и хранение, финансовая и страховая деятельность. Но в целом 2017 г. не стал годом интенсивного экономического роста в России. Скромные показатели во многом объясняются отсутствием положительных структурных изменений, без

которых устойчивый рост вообще невозможен. Немаловажную роль сыграло также сокращение выпуска продукции в промышленности и объемов транспортных перевозок за счет разовых факторов. Промышленный подъем, возобновившийся в начале 2016 г., закончился уже в середине 2017 г. На протяжении всех летних месяцев наблюдалась стабилизация, которая с началом осени сменилась все более ускоряющимся спадом. Добавленная стоимость в обрабатывающих производствах увеличилась всего лишь на 0,4%, а в строительстве и вовсе снизилась.

Поэтому говорить об улучшении экономической ситуации в России можно было лишь с большой натяжкой. Но при этом было ясно, что острая фаза, характеризующаяся стремительным падением практически всех экономических показателей, обесцениванием национальной валюты, резким накоплением проблем в финансовом секторе и психологической напряженностью у большей части населения, миновала. Более того, по отдельным секторам экономики наметился определенный рост. К позитивным факторам, способствующим развитию экономики, можно было отнести устойчивость ситуации на рынке недвижимости, сравнительно невысокую долговую нагрузку бизнеса и домохозяйств, рекордный уровень уверенности предприятий, рост потребления электроэнергии, рост железнодорожных перевозок и др.¹ Но утверждать, что уже обозначился основательный экономический рост или начинается новая волна устойчивого подъема, т. е. что он будет продолжаться ускоряющимися темпами, было нельзя. К числу важнейших причин, которые были способны помешать развитию российской экономики в ближайшем будущем, можно было отнести новые санкции США, неопределенность цен на нефть и газ, обострение демографической ситуации (возврат к убыли населения, рост числа пенсионеров относительно числа работающих) и бедность.

Динамика, структура и дифференциация доходов домохозяйств

В ситуации экономического кризиса наиболее распространенной формой его влияния на повседневную жизнь граждан становится рост цен. В 2014–2016 гг. он затронул большую, чем кризис 2008–2009 гг., часть населения страны и оказался во многом сопоставимым по степени болезненности с ситуацией 1998–1999 гг.² Но с началом выхода из кризиса проблема роста цен начинает ослабевать. В связи с этим важно отметить, что одним из важнейших позитивных результатов 2017 г. стало заметное снижение инфляции. По данным Росстата, в 2017 г. инфляция снизилась до 2,5%, что явилось минимумом за всю новейшую историю России. Такая низкая инфляция была неожиданной не только для обычных граждан, но и для очень многих специалистов, которые стали объяснять ее различными обстоятельствами, в том числе снижением теневой оплаты труда и отказом от индексации зарплат в государственном секторе, из-за чего вклад потребительского

¹ Обухова Е., Пахунев К. Эта волна будет повыше // Эксперт. 2017. № 17. С. 33.

² Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. С. 363.

фактора в рост цен оказался практически отрицательным. Предыдущий рекордный минимум был установлен в 2016 г., когда инфляция составила 5,4%. По итогам 2015 г. она достигла 12,9%, в 2014 г. — 11,4%, в 2013 г. — 6,5%, в 2012 г. — 6,6%, в 2011 г. — 6,1%.

По мнению большинства экспертов, наиболее существенными причинами, обусловившими крайне низкую инфляцию в 2017 г., стали умеренно-жесткая денежно-кредитная политика, проводимая Центробанком, низкие доходы населения и хороший урожай. Продовольственные товары в 2017 г. подорожали всего лишь на 1,1% (4,6% в 2016 г., 14% в 2015 г.). Причем если на одни виды продуктов питания бы отмечен рост цен (плодоовощная продукция, рыба, сливочное масло, молоко, хлеб и др.), то на другие — снижение (сахар, крупы, подсолнечное масло, мясо, птица и др.). В то же время цены на непродовольственные товары выросли на 2,8% (6,5% в 2016 г., 13,7% в 2015 г.). Прирост цен на услуги в 2017 г. также оказался минимальным за весь период наблюдений — 4,4% (4,9% в 2016 г., в 2015 г. — 10,2%).

На рис. 1 представлены данные об уровне инфляции за каждые двенадцать месяцев, начиная с 1996 г. Рассматривая эти данные, следует учитывать, что в тот период инфляция была значительно менее острой, чем в 1992–1995 гг., когда показатели годовой инфляции оказывались постоянно выше 100%, а в ряде случаев превышали 1000% и 2000%. Начиная с 2000 г. постоянно наблюдались умеренные годовые уровни инфляции. В этот период уровень инфляции в России в целом снижался, за исключением 2007–2008 гг. и 2014–2015 гг., когда были отмечены инфляционные всплески, обусловленные экономическими кризисами, которые, однако, не привели к достижению чрезмерно высокого уровня инфляции.

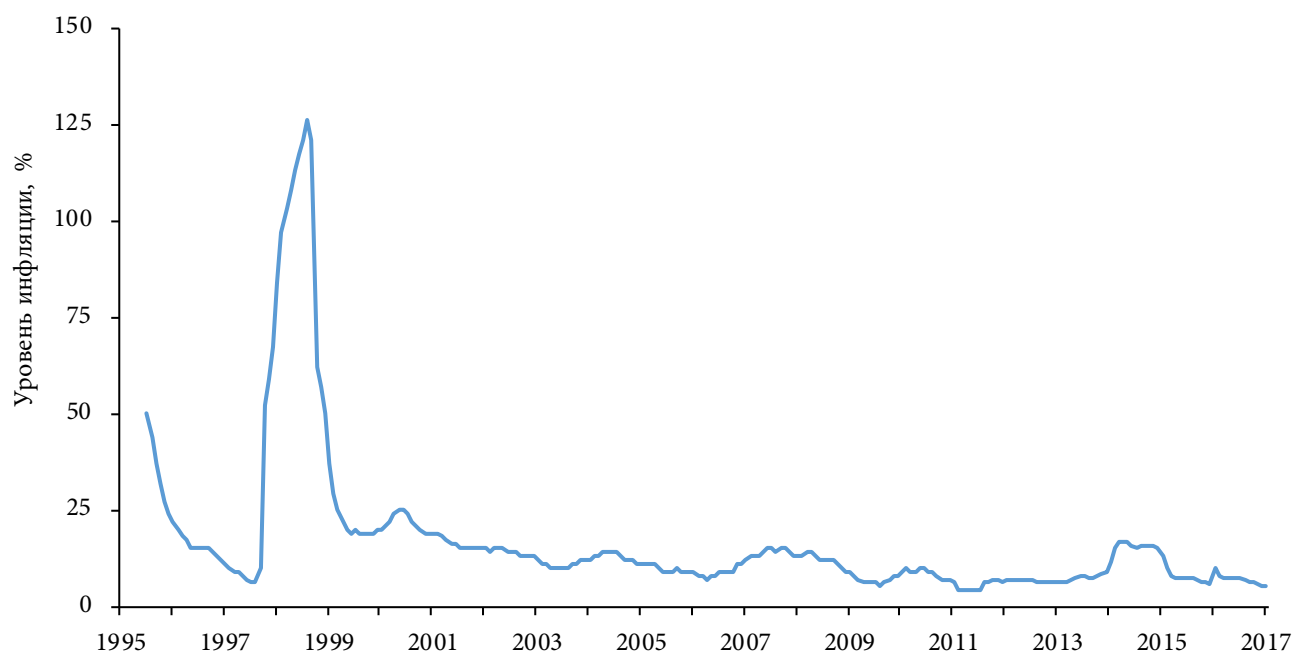

Рис. 1. Годовые (12 месяцев) уровни инфляции (июнь 1996 г. — декабрь 2017 г., в % к соответствующему периоду предыдущего года, все товары и услуги (Росстат)

В связи с умеренным уровнем инфляции показатели доходов, зарплат и расходов в опросах RLMS-HSE в период с октября 2000 по декабрь 2017 г. достаточно точно отражают реальные экономические условия. Однако сведения о доходах и расходах в RLMS-HSE за 1998 г. и многие предшествующие годы соби-

рались в период самой высокой и изменчивой инфляции. Об этом следует помнить, обращаясь к данным RLMS-HSE за 1998 г. и ряд предшествующих лет при анализе и истолковании изменений в размерах реальных рублевых доходов и расходов.

На рис. 2 сравниваются индекс потребительских цен, который отражает изменения общей стоимости жизни для всех россиян, и прожиточный минимум для взрослого мужчины, составленный по среднероссийским ценам, за весь период проведения RLMS-HSE. При обращении к рисунку необходимо учитывать, что вертикальная ось представляет собой логарифмическую шкалу. Увеличение значений по этой шкале отражает соответствующие пропорциональные изменения.

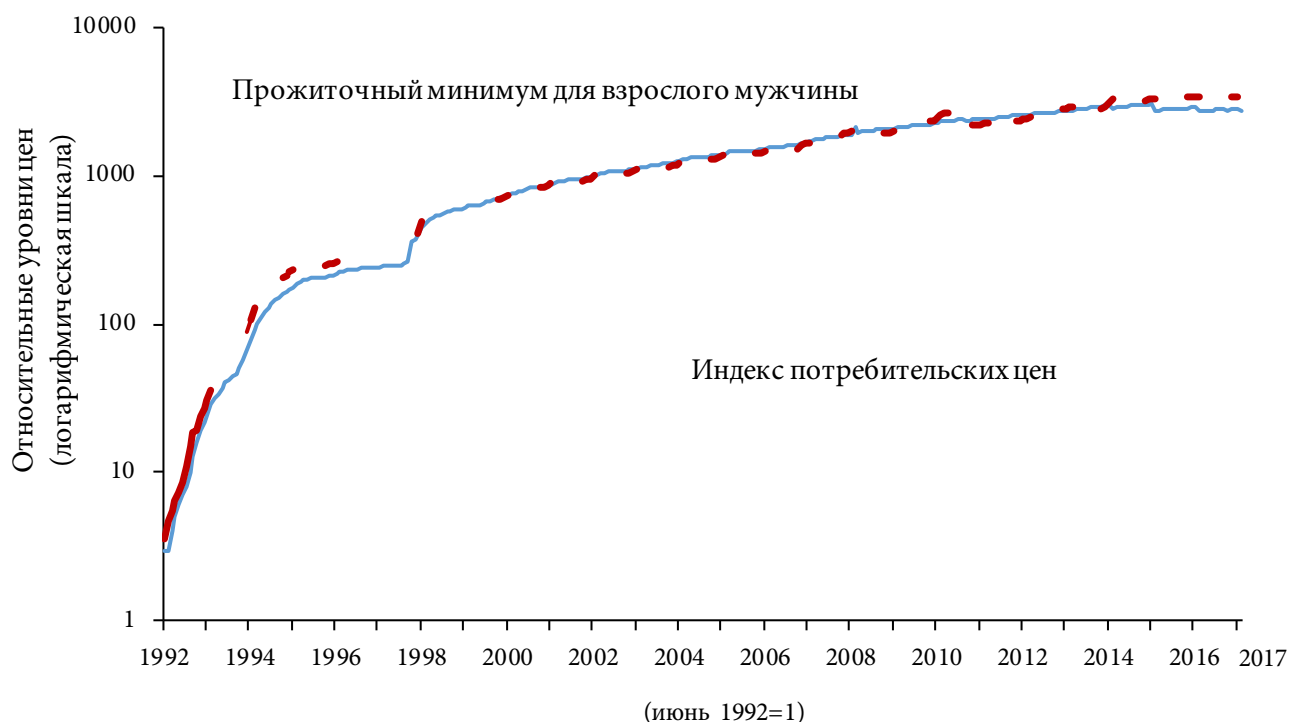

Рис. 2. Уровень цен по месяцам, июнь 1992 г. — декабрь 2017 г. (Росстат)

Анализ данных, представленных на рис. 2, показал, что с декабря 2016 по декабрь 2017 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины увеличился приблизительно на 1%, тогда как общий индекс потребительских цен — на 2,5%. И это был наименьший рост за все последние годы. Так, с декабря 2012 по декабрь 2013 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины увеличился на 17,3%, что было намного больше роста общего индекса потребительских цен, равного 6,5%. Затем с декабря 2013 по декабрь 2014 г. черта бедности для взрослого мужчины повысилась на 9%, тогда как общий индекс цен вырос на 11,4%. Аналогичная картина наблюдалась и в следующем году. С декабря 2014 по декабрь 2015 г. черта бедности для взрослого мужчины повысилась только на 7%, в то время как общий индекс потребительских цен вырос на 12,9%. И наконец, с декабря 2015 по декабрь 2016 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины увеличился только на 3,7%, тогда как общий индекс потребительских цен — на 5,4%.

В данной статье размер доходов, расходов и платежей за все годы проведения опроса приведен в ценах декабря 2017 г. с использованием ценового дефлятора Росстата (ИПЦ). В ряде случаев при выведении средних показателей не принимались во внимание экстремальные величины доходов и расходов. При этом следует помнить,

что в начале 1998 г. произошла деноминация рубля, когда все старые цены в рублях были уменьшены в 1000 раз. В декабре 2014 г. случилось резкое ослабление рубля. На фоне валютной паники, вызванной действием совокупности мощных экономических факторов, главными из которых были экстремальное падение цен на нефть и введение экономических санкций со стороны западных государств, обменный курс рубля в середине декабря 2014 г. по сравнению с началом месяца вырос приблизительно с 49 до 67 руб. за один доллар и с 61 до 85 руб. за один евро. Затем последовал постепенный откат до 60 руб. за один доллар и до 64 руб. за один евро в декабре 2015 г.

Как следует из данных, приведенных в таблице 1, в декабре 2017 г., как и годом ранее, был выявлен существенный рост доходов домохозяйств. Если в декабре 2015 г. по сравнению с декабрем 2014 г. средние реальные доходы российских домохозяйств сократились на 1,1%, то в декабре 2016 г. по сравнению с декабрем 2015 г. они выросли на 11,1%, а в декабре 2017 г. по сравнению с декабрем 2016 г. — еще на 10,6%¹. До этого два года подряд реальные доходы семей только сокращались. В целом с декабря 2013 по декабрь 2015 г. это снижение составило 6,4%. В результате дальнейшего роста средние реальные доходы домохозяйств оказались в декабре 2017 г. на 21,5% выше, чем в декабре 2008 и декабре 2014 г. Рост доходов в декабре 2017 г., как и в декабре предыдущего года, был обусловлен увеличением заработной платы в различных секторах экономики, повышением социальных выплат, а также ростом продуктивности подсобного хозяйства и увеличением помощи от родственников.

Таблица 1

Структура совокупного дохода домохозяйств в 1992–2017 гг., в руб. декабря 2017 г.

Источники дохода	Период сбора данных							
	1992	1998	2004	2008	2011	2014	2016	2017
Доход от работы на государственных предприятиях	13 438	4273	7880	13 395	13 110	14 298	13 646	14 636
Доход от работы на частных предприятиях	848	2057	7416	14 028	14 654	13 930	15 543	18 280
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	1719	1236	1852	2097	1765	1495	1851	1795
Общий доход от заработной платы	16 005	7565	17 148	29 715	29 815	29 723	31 040	34 711
Государственные трансфертные платежи	4449	3206	5807	9573	11 666	14 151	17 123	18 199
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	1789	1404	2912	4256	2392	2326	2915	3764
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	1855	2511	1351	1461	1100	1152	1299	1238
Доход от продажи личного имущества	1239	450	739	464	457	403	107	137
Доход от сдачи личной собственности в аренду	20	40	129	232	222	301	270	369
Дивиденды	–	76	659	126	70	130	118	113
Помощь от родственников и благотворительная помощь	3418	1269	1881	3958	3124	2371	2691	2898
Общая сумма месячного дохода	28 771	16 522	30 626	50 540	49 480	50 558	55 562	61 429

¹ Под «домохозяйством» или «семьей» в данном исследовании понимаются люди, проживающие вместе и имеющие общие доходы и расходы.

Примечательно, что, по данным Росстата, в то время когда среднедушевые денежные доходы населения в последние годы росли, денежные доходы в реальном выражении (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен) падали. Так, в 2014 г. они сократились на 0,7%; в 2015 г. — на 3,2%; в 2016 г. — на 5,8% и в 2017 г. — на 1,7%. Хотя до этого, начиная с 2008 г., доходы россиян постоянно росли. Причем в 2008 г. был отмечен рост реальных доходов на 2,4%, а в 2009 г. — на 3%. Для лучшего понимания ситуации отметим также, что в декабре 2017 г. по сравнению с декабрем 2016 г. реальные располагаемые денежные доходы населения уменьшились на 1,8%. При этом в декабре 2014 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года они упали на 7,6%; в декабре 2015 г. — увеличились на 5%, а в декабре 2016 г. — вновь уменьшились на 7,3%. Ранее сокращение данного показателя за анализируемый период отмечалось только в декабре 2008 г., когда реальные располагаемые денежные доходы населения по сравнению с декабрем 2007 г. уменьшились на 10,7%.

В 2017 г., как и во все предыдущие годы, доминирующее положение в структуре доходов российских домохозяйств занимали доходы от заработной платы и государственных трансфертных платежей, т. е. социальных трансфертов, которые предоставляются населению из федеральных, региональных и местных бюджетов, государственных внебюджетных социальных фондов (пенсии, стипендии, социальные пособия, компенсационные выплаты, льготы и т. п.).

Согласно данным RLMS-HSE, заработная плата — основной источник доходов большинства россиян — второй год подряд демонстрировала существенный рост. При этом совокупный месячный доход домохозяйств от заработной платы после сокращения в 2014–2015 гг. на 9,1% в декабре 2016 г. вырос на 10,6%, а в декабре 2017 г. — еще на 11,8%. В результате такого значительного роста совокупный доход российских домохозяйств от заработной платы достиг нового максимального значения за все время наблюдений в рамках мониторинга. В декабре 2017 г. величина этого дохода была более чем в 4,5 раза больше, чем в 1998 г. Рост зарплат в 2017 г. в немалой степени обеспечивался повышением зарплат бюджетников, что оказало существенное влияние на увеличение доходов населения в регионах. Именно с повышением зарплат в государственном секторе для выполнения майских указов президента связывался опережающий рост доходов населения в дотационных и слаборазвитых регионах.

Примечательно, что если в декабре 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. доход от работы на государственных предприятиях сократился на 11,8%, то в декабре 2016 г. он увеличился на 8,2%, а в декабре 2017 г. — еще на 7,3%. После этого повышения он оказался только на 2,4% больше, чем в декабре 2014 г. Доход домохозяйств от работы на частных предприятиях в декабре 2015 г. по сравнению с декабрем 2014 г. уменьшился на 1,9%, но в декабре 2016 г. по сравнению с декабрем 2015 г. он вырос на 13,8% и затем в декабре 2017 г. — еще на 17,6%, достигнув максимального значения за все время наблюдений. При этом обращает на себя внимание тот интересный факт, что если в 2013–2014 гг. доход от работы на государственных предприятиях немного превышал доход от работы на частных предприятиях, то в 2015–2017 гг. была выявлена противоположная картина. Так, в декабре 2015 г. превышение дохода российских домохозяйств от работы на частных предприятиях над доходом от работы на государственных предприятиях

составило 8,2%, в декабре 2016 г. — 13,9%, тогда как в декабре 2017 г. — уже 24,9%. Что касается величины дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то она в последние годы менялась разнонаправлено: 2014 г. — сокращение на 4,3%; 2015 г. — рост на 19,4%; 2016 г. — рост на 3,7%; 2017 г. — сокращение на 3%. В декабре 2017 г. она была на 14,4% меньше, чем в декабре 2008 г., когда было зафиксировано максимальное значение.

Исследование выявило дальнейшее повышение весомости доходов от работы на частных предприятиях в общей структуре доходов домохозяйств от заработной платы. Так, в декабре 2017 г. почти 53% всех доходов российских домохозяйств от заработной платы поступало исключительно из частных источников, что было существенно больше, чем 50% в декабре 2016 г., 49% в декабре 2015 г. или 47% в декабре 2014 г. Доход от заработной платы на предприятиях государственной формы собственности в декабре 2017 г. составил только около 42% всех доходов от указанного источника, тогда как в декабре 2016 г. данный показатель приближался к 44%, в декабре 2015 г. составил около 45%, а в декабре 2014 г. — почти 48%. И наконец, на доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности в декабре 2017 г. приходилось только около 5% общего дохода от заработной платы. Это было лишь немного меньше, чем 6%, зафиксированных в предыдущие два года.

Заметим, что данные Росстата выявили в 2017 г. по сравнению с 2016 г. рост реальной среднемесячной начисленной заработной платы в целом по России на 3,5%, что было, однако, больше, чем 0,8% роста в 2016 г. по сравнению с 2015 г. А еще годом ранее, т. е. в 2015 г. по сравнению с 2014 г., было отмечено существенное ее падение на 9%. При этом во II квартале 2017 г. по сравнению с I кварталом реальная среднемесячная начисленная заработная плата выросла на 10,5%, в III квартале по сравнению со II кварталом она уменьшилась на 6%, но в IV квартале по сравнению с III кварталом вновь выросла на 13,3%.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в среднем за год, по данным Росстата, в 2017 г. по сравнению с 2016 г. выросла на 6,6% (с 36,7 до 39,1 тыс. руб.). Примечательно, что в 2016 г. по сравнению с 2015 г. она увеличилась на 7,9% (с 34 до 36,7 тыс. руб.), в то время как за 2014 г. этот рост составил 9,1% (с 29,8 тыс. до 32,5 тыс. руб.), а за 2015 г. — на 4,7% (до 34 тыс. руб.). Во II квартале 2017 г. по сравнению с I кварталом этого же года среднемесячная начисленная заработная плата выросла на 11,4%, но в III квартале снизилась на 5,9%, а в IV квартале по сравнению с III кварталом вновь выросла более чем на 13,5%. Аналогичные тенденции наблюдались и годом ранее.

По федеральным округам показатели среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в 2017 г. выглядели следующим образом: Дальневосточный ФО — 49 тыс. руб. (рост на 7,1 против 6% в 2016 г.), Центральный ФО — 48,4 тыс. руб. (рост на 5,2 против 9,3% в 2016 г.), Уральский ФО — 44 тыс. руб. (рост на 5,8 против 6,1% в 2016 г.), Северо-Западный ФО — 44,7 тыс. руб. (рост на 8,8 против 6,1% в 2016 г.), Сибирский ФО — 33,8 тыс. руб. (рост на 7,1 против 6,8% в 2016 г.), Приволжский ФО — 29,2 тыс. руб. (рост на 7 против 6,6% в 2016 г.), Южный ФО — 28,7 тыс. руб. (рост на 6,3 против 5,9% в 2016 г.), Северо-Кавказский ФО — 24,3 тыс. руб. (ежегодный рост на 6%). Максимальные величины среднемесячной номинальной заработной платы были зафиксированы в Чукотском автономном округе — 92,4 тыс. руб. (рост на 6,6 против 8,9% в 2016 г.),

Ямало-Ненецком автономном округе – 89,8 тыс. руб. (рост на 7,9 против 7,6% в 2016 г.), Магаданской области – 74,9 тыс. руб. (рост на 7,3 против 5,8% в 2016 г.), Москве – 73,3 тыс. руб. (рост на 2,7 против 11% в 2016 г.), Сахалинской области – 68,8 тыс. руб. (рост на 6% ежегодно), тогда как минимальными эти величины оказались в Республике Дагестан – 21,8 тыс. руб. (рост на 5,5 против 7,3% в 2016 г.), Карачаево-Черкесской Республике – 22,9 тыс. руб. (рост на 6,5 против 4,7% в 2016 г.), Кабардино-Балкарской Республике – 22,2 тыс. руб. (рост на 3,3 против 1,9% в 2016 г.), Республике Ингушетия – 22,1 тыс. руб. (сокращение на 1,8 против роста на 4,5% в 2016 г.), Алтайском Крае – 22,7 тыс. руб. (рост на 7,2 против 5,5% в 2016 г.).

Дальнейший анализ данных RLMS-HSE выявил в 2017 г. новый рост государственных трансфертных платежей (второго по значимости источника доходов россиян), не прекращающийся с 1998 г. Но если с декабря 2015 по декабрь 2016 г. они выросли на 11,8%, то в конце 2017 г. – только на 6,3%. Темпы данного роста были существенно выше, чем 1,5% в 2013 г. и 4% в 2014 г., но меньше, чем 8,2% в 2015 г. После такого роста доход домохозяйств от государственных трансфертов стал почти в 6 раз больше, чем в конце 1998 г.

Как и в предыдущие годы, рост государственных трансфертных платежей обеспечивался главным образом повышением пенсий, составляющих их основную часть. В 2017 г. пенсии повышались несколько раз. В соответствии с Постановлением правительства РФ от 19 января 2017 г. об индексации фиксированной выплаты к страховой пенсии с 1 февраля она была проиндексирована на 5,4%, т. е. на уровень инфляции. Это повышение пенсии коснулось только неработающих пенсионеров. Затем, в соответствии с Постановлением правительства РФ от 16 марта 2017 г. о повышении социальных пенсий, в апреле была проведена дополнительная индексация пенсий на 1,5%. С 1 апреля страховые пенсии увеличились еще раз на 0,38% (в рамках законодательства, без специального постановления), причем повышение было сделано как для неработающих, так и для работающих пенсионеров. Кроме того, в январе пенсионеры получили единовременные выплаты в размере 5 тыс. руб. Данная норма была предусмотрена Федеральным законом от 22 ноября 2016 г. № 385-ФЗ «О единовременной денежной выплате гражданам, получающим пенсию». Выплату получили все получатели страховых пенсий, государственных пенсий всех видов – по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца. С учетом февральской и апрельской индексаций размер пенсии по старости в 2017 г. превысил отметку 13 650 руб., тогда как социальные пенсии после индексации на 1,5% достигли рубежа 8774 руб.

По данным Росстата, средний размер назначенной ежемесячной пенсии в России в декабре 2017 г. вырос в номинальном выражении на 4,2% по сравнению с декабрем 2016 г. и составил 13 304 руб. В реальном выражении (с поправкой на инфляцию) средний размер пенсий в декабре 2017 г. вырос на 1,6% по сравнению с декабрем 2016 г. В среднем за 2017 г. рост пенсий в реальном выражении составил 3,6%, в номинальном – 7,4% (с учетом единовременной выплаты пенсионерам в размере 5 тыс. руб. в январе 2017 г.). Средний размер назначенных пенсий в декабре 2017 г. составил 25,6% от средней начисленной зарплаты по стране против 26,1% в декабре 2016 г. В целом за 2010–2017 гг. средний номинальный размер назначенных пенсий вырос в 2,15 раза в рублевом эквиваленте: с 6177,4 до 13 336 руб.

В 2017 г. величина официально установленного прожиточного минимума, размер которого необходим для определения стипендий, пособий и других социальных выплат и является ориентиром для региональных и федеральных надбавок к пенсиям, менялась так же, как и в предыдущем году: в первой половине она росла, а во второй половине снижалась. Величина прожиточного минимума на душу населения в целом по России во II квартале по сравнению с I кварталом выросла на 4,2% (с 9909 до 10 329 руб.), в III квартале по сравнению со II кварталом практически не изменилась (уменьшилась до 10 328 руб.), а в IV квартале по сравнению с III кварталом уменьшилась на 5,2% (до 9786 руб.). Снижение прожиточного минимума в конце года было обусловлено уменьшением стоимости продуктов питания в составе величины прожиточного минимума (на душу населения на 3,4%). При этом индекс потребительских цен на продукты питания, по данным Росстата, составил 99,5%. В связи с этим стоит также обратить внимание на то, что за IV квартал величина прожиточного минимума уменьшилась для трудоспособного населения на 5,3% (с 11 160 до 10 573 руб.), для пенсионеров – на 4,9% (с 8496 до 8078 руб.) и для детей – на 5,7% (с 10 181 до 9603 руб.).

Согласно данным RLMS-HSE, в декабре 2017 г. произошел очередной рост совокупного денежного и натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора, составивший около 19%, что было существенно больше, чем около 10% в декабре 2015 г. и декабре 2016 г., но меньше, чем 25%, зафиксированных в декабре 2014 г. Заметим, что максимальной величина данного дохода была в 2008 г., которая, однако, лишь немного превышала уровень 2017 г.

Денежный доход обследованных домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора после снижения в конце 2014 г. почти на треть, а именно на 30,7%, в конце 2015 г. вырос на 10,3%, в конце 2016 г. – на 13,6% и в конце 2017 г. – еще на 29,1%. Но даже после такого значительного роста он оставался в 2017 г. почти на 12% меньше, чем в более благополучном 2008 г.

В то же время натуральный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора после снижения в декабре 2014 г. на 9,6% в декабре 2015 г. вырос на 9,7% и затем в декабре 2016 г. – еще на 2,8%. Но в декабре 2017 г. вновь было зафиксировано его снижение, которое составило 4,7%. Сокращение натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора, включающего потребляемые в домашнем хозяйстве продукты, полученные в личном подсобном хозяйстве, садоводствах, огородничествах, а также натуроплату от сельскохозяйственных предприятий, может свидетельствовать о том, что в ситуации постепенного выхода из кризиса и роста доходов у части семей снизилась необходимость экономить на покупке продовольствия и постоянно обращаться к натуральному хозяйству как источнику выживания. В результате этого у многих домохозяйств появилась возможность увеличить часть продуктов, производимых в целях реализации на рынке, о чем свидетельствует рост денежного дохода от домашнего производства и неформального сектора, т. е. дохода от продажи произведенных продуктов. Если в декабре 2016 г. денежный доход от домашнего производства и неформального сектора превышал аналогичный натуральный доход более чем в 2 раза, в декабре 2017 г. – уже более чем 3 раза.

Помощь от родственников и благотворительная помощь после сокращения на протяжении довольно длительного кризисного периода в течение последних двух лет демонстрировала заметный рост: в декабре 2016 г. — на 16,4% и в декабре 2017 г. — еще на 7,7%. Но, несмотря на такой существенный рост, в 2017 г. величина дохода российских домохозяйств от частных трансфертов все еще была почти в полтора раза меньше, чем в 2008 г., когда было зафиксировано максимальное значение данного показателя.

В декабре 2017 г. впервые после длительного периода сокращения был выявлен существенный рост величины дохода домохозяйств от продажи личного имущества, который составил 28%. В декабре 2016 г. по сравнению с декабрем 2015 г. она уменьшилась на 14,6%, а по сравнению с декабрем 2008 г. — почти в 7 раз. Величина дохода от сдачи личной собственности в аренду в декабре 2017 г. по сравнению с декабрем 2016 г. выросла на 37%. В результате было достигнуто максимальное значение данного показателя за все время наблюдений в рамках мониторинга. Прежний максимум, зафиксированный в декабре 2014 г., был превышен на 22,6%. Как и во все предыдущие годы, в декабре 2017 г. очень низкими оказались доходы обследованных домохозяйств от дивидендов, что во многом объясняется тем, что лишь некоторые респонденты в ходе опросов указывали значения данного источника дохода, тогда как абсолютное большинство опрошенных постоянно сообщали, что они не имеют доходов в виде дивидендов или страховых платежей.

Сведения RLMS-HSE, отражающие процентное соотношение различных источников дохода обследованных домохозяйств в период с 1992 по 2017 г., показывают, что основными источниками доходов населения на протяжении всех лет мониторинга являлись заработная плата и государственные трансфертные платежи (см. табл. 2; рис. 3–6¹). Но при этом особого внимания заслуживает тот важный факт, что длительное время весомость дохода домохозяйств от трансфертных платежей росла, тогда как значимость их дохода от заработной платы снижалась. Так, за 2011–2016 гг. доля дохода домохозяйств от государственных трансфертных платежей выросла на 6,6 п. п. — с 35,4 до 42%, тогда как доля дохода от заработной платы уменьшилась на 6,1 п. п. — с 51,1 до 45%. И только в декабре 2017 г., когда наметился выход из экономического кризиса и начался постепенный рост зарплат, были отмечены противоположные изменения: доля дохода домохозяйств от государственных трансфертов сократилась на 1,1 п. п. — с 42 до 40,9%, в то время как доля дохода от заработной платы увеличилась на 1 п. п. — с 45 до 46%. В результате этих изменений разрыв между долями месячного дохода российских домохозяйств от заработной платы и долями их аналогичного дохода от государственных трансфертных платежей увеличился с минимальных 3 п. п. в декабре 2016 г. до 5,1 п. п. в декабре 2017 г.

¹ Данные, приведенные в таблице 2 и на рис. 3–6, основаны на средних данных о структуре дохода по домохозяйствам и не могут быть напрямую выведены из данных о среднем доходе, содержащихся в таблице 1. При использовании цифр из таблицы 1 соотношение среднего дохода из одного источника к среднему доходу в целом будет соответствовать средневзвешенным долям дохода домохозяйства, где веса пропорциональны общему доходу каждого домохозяйства.

Таблица 2

Распределение доходов по источникам, 1992–2017 г., %

Источники доходов	Период сбора данных								
	1992	1998	2004	2008	2011	2014	2015	2016	2017
Доход от работы на государственных предприятиях	41,5	22,3	22,9	23,9	24,0	24,0	21,3	20,8	20,6
Доход от работы на частных предприятиях	2,3	8,0	16,9	21,1	24,1	21,4	21,2	21,6	23,2
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	5,1	5,3	4,7	3,3	3,0	2,3	2,7	2,6	2,2
Общий доход от заработной платы	48,9	35,6	44,5	48,3	51,1	47,7	45,1	45,0	46,0
Государственные трансфертные платежи	30,9	30,9	34,7	34,6	35,4	40,1	42,1	42,0	40,9
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	1,6	5,6	7,1	5,3	3,9	3,5	4,1	4,2	4,6
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	7,8	17,8	5,5	3,9	2,6	2,4	2,6	2,5	2,0
Доход от продажи личного имущества	1,2	1,0	0,5	0,4	0,4	0,4	0,1	0,1	0,1
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,0	0,2	0,3	0,3	0,3	0,4	0,3	0,3	0,4
Дивиденды	–	0,3	0,3	0,3	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2
Помощь от родственников и благотворительная помощь	9,7	8,5	7,1	6,9	6,3	5,4	5,3	5,6	5,8
Общая сумма месячного дохода	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Анализ данных мониторинга также показал, что в декабре 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. доля совокупного дохода домохозяйств от работы на государственных предприятиях сократилась на 0,2 п. п. – с 20,8 до 20,6%, тогда как доля дохода от работы на предприятиях частного сектора выросла на 1,6 п. п. – с 21,6 до 23,2%. До этого, в течение 2014–2016 гг., доля совокупного дохода домохозяйств от работы на государственных предприятиях уменьшилась на 3,2 п. п. – с 24 до 20,8%, в то время как доля дохода от работы на частных предприятиях практически не изменилась, увеличившись лишь на 0,2 п. п. – с 21,4 до 21,6%. Доля дохода обследованных домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности все последние годы оставалась небольшой. С 2008 по 2017 г., т. е. в течение кризисного периода последнего времени, она колебалась в пределах 2,2–3,3%. При этом с декабря 2016 по декабрь 2017 г. эта доля сократилась с 2,6 до 2,2%, т. е. на 0,4 п. п.

Совокупная доля дохода российских домохозяйств от государственных или смешанных частно-государственных источников, включая трансферты и заработные платы, с декабря 2016 по декабрь 2017 г. уменьшилась с 65,4 до

63,7%, т. е. на 1,7 п. п. В декабре 2015 г. она составляла 66,1%, что было на 0,3 п. п. меньше, чем годом ранее. Общая доля денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора с декабря 2014 по декабрь 2015 г. увеличилась на 0,8 п. п. (с 5,9 до 6,7%) и за 2016 г. не изменилась. В декабре 2017 г. по сравнению с декабрем 2016 г. она уменьшилась на едва заметные 0,1 п. п. — до 6,6%. В то же время доля дохода домохозяйств от помощи родственников и благотворительной помощи после небольшого уменьшения с 5,4% в декабре 2014 г. до 5,3% в декабре 2015 г. за 2016 г. увеличилась до 5,6% и далее к концу 2017 г. — до 5,8%. Но если рассматривать анализируемую ситуацию в целом, то говорить о каких-либо серьезных изменениях в данном случае не приходится. Можно ли считать началом новой тенденции хотя и последовательный, но небольшой рост в течение 2015–2017 гг. на 0,5 п. п., покажут следующие исследования.

Данные RLMS-HSE, характеризующие динамику изменения удельного веса доходов от заработной платы и постоянно растущих государственных трансфертных платежей в совокупном доходе российских домохозяйств за период 1992–2017 гг., представлены на рис. 3. Данные, в частности, еще раз подтверждают, что в кризисные периоды роль заработной платы в формировании совокупного дохода домохозяйств падает, а значимость государственных трансфертных платежей растет. Это убедительно показывают данные мониторинга, характеризующие изменение величины разрыва между долями дохода домохозяйств от заработной платы и долями дохода от государственных трансфертных платежей.

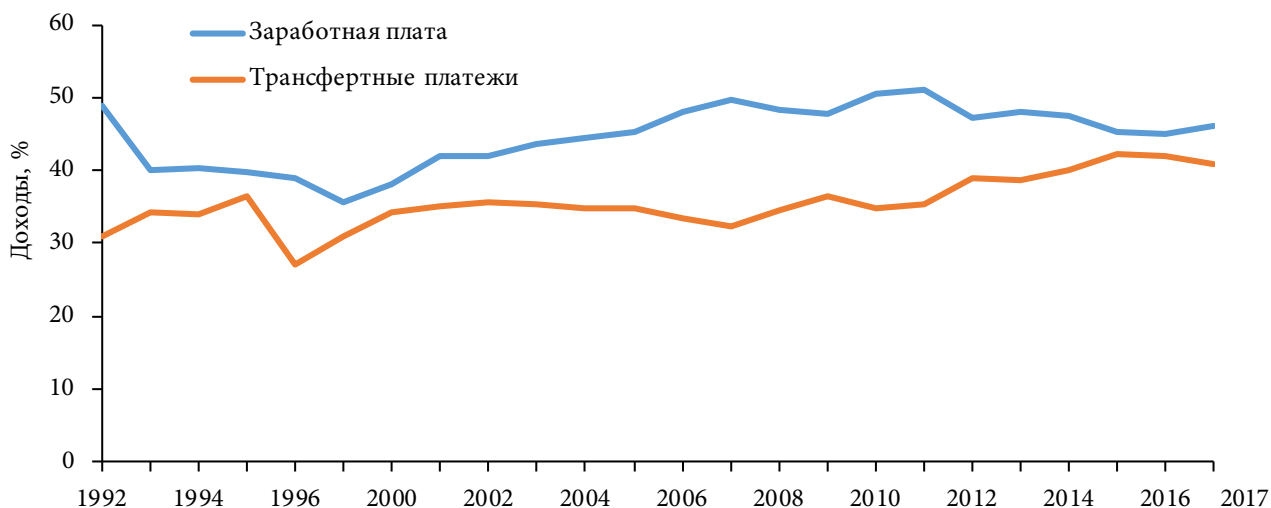

Рис. 3. Распределение доходов по источникам: заработная плата, трансфертные платежи, 1993–2017 гг., %

Так, если в кризисном 1998 г. эта разница составляла всего лишь 4,7 п. п., то затем, по мере улучшения социально-экономической ситуации в стране, сопровождавшегося ростом заработков, она довольно последовательно выросла до 17,2 п. п. в 2007 г. В кризисном 2008 г. разрыв между долями совокупного дохода домохозяйств от заработной платы и долями дохода от государственных трансфертных платежей уменьшился до 13,8 п. п., а в 2009 г. — до 11,3 п. п., однако затем он вновь начал расти, достигнув 15,8 п. п. в более благополучные 2010–2011 гг. Но

начиная с 2012 г., когда наметилось очередное нарастание кризисных явлений в экономике, эта разница опять стала постепенно сокращаться. В 2015–2016 гг. она достигала минимального значения, составляющего 3 п. п., что было даже меньше, чем в крайне сложном для населения 1998 г. Однако в 2017 г. наметился новый рост данного показателя, составивший 5,1%.

Из данных, представленных на рис. 4, хорошо видно, что доля дохода от работы на предприятиях и в организациях государственного сектора в совокупном доходе российских домохозяйств до недавнего времени менялась очень мало, колеблясь в пределах от 22 до 25%. Но начиная с 2013 г. она стала постепенно сокращаться, уменьшившись с 24,1 до 20,6% в 2017 г., т. е. на значительные 3,5 п. п. В то же время доля дохода домохозяйств от работы на предприятиях частного сектора, нараставшая до 2011 г., затем несколько уменьшилась до уровня лишь немного превышающего 21-процентную отметку. Однако в последние два года эта доля вновь стала поступательно расти, увеличившись на 2 п. п. (с 21,2% в 2015 г. до 23,2% в 2017 г.) и с лихвой компенсировав предыдущее сокращение. Самые последние изменения могут свидетельствовать о некотором росте частного сектора и/или о повышении его доходности, равно как о сокращении государственного сектора и/или снижении его доходности в непростой экономической ситуации, характерной для длительного кризисного периода. Что касается доли дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности в совокупном доходе домохозяйств, то она в последние годы находилась на минимально низком уровне, меняясь в пределах от 2 до 3%. Причем за последние два года эта доля уменьшилась на достаточно солидные для нее 0,5 п. п. — с 2,7% в 2015 г. до 2,2% в 2017 г.

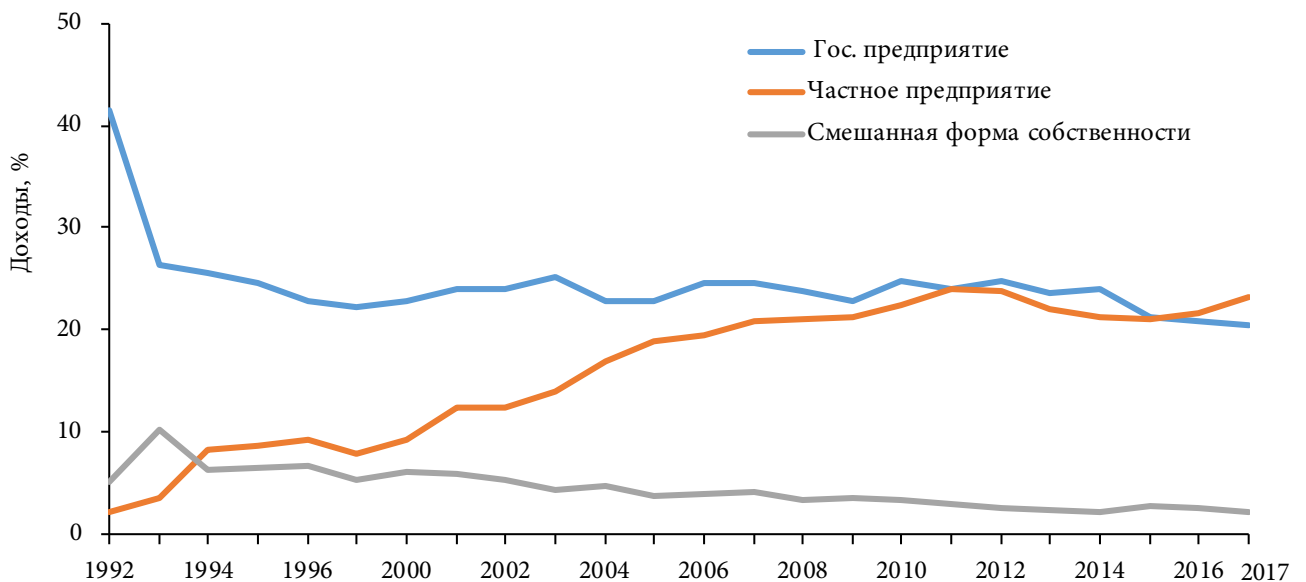

Рис. 4. Распределение доходов по источникам: государственные и частные предприятия, предприятия смешанной формы собственности, 1992–2017 гг., %

На рис. 5 отражены данные мониторинга, которые характеризуют изменение весомости денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора, а также дохода от помощи родственников

и благотворительной помощи в формировании совокупного дохода российских домохозяйств. Из них, в частности, видно, что доля денежного дохода от домашнего производства и неформального сектора в совокупном доходе домохозяйств после длительного периода сокращения с 7,5% в 2000 г. до 3,9% в 2011 г. в последние годы менялась разнонаправлено и не столь существенно. При этом в 2012 г. она выросла до 4,3%, в 2014 г. снизилась до 3,9%, а затем последовательно выросла до 4,6% в 2017 г., т. е. на 0,7 п. п. за три последних года. Аналогичные тенденции наблюдались и в изменении доли натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора в совокупном доходе российских домохозяйств. С 2000 по 2012 г. она уменьшилась на 9,1 п. п. — с 11,5 до 2,4%, а затем колебалась в очень узком коридоре значений. И только в 2017 г. по сравнению с 2016 г. она уменьшилась до 2%, т. е. на 0,5 п. п., достигнув минимального уровня за все время наблюдений. Что касается частных трансфертов, то их значимость в совокупном доходе домохозяйств после 2006 г. постоянно снижалась. С 2006 по 2015 г. она сократилась на 2,4 п. п. — с 7,7 до 5,3%. Но за последние два года увеличилась на 0,5 п. п. — до 5,8% в 2017 г.

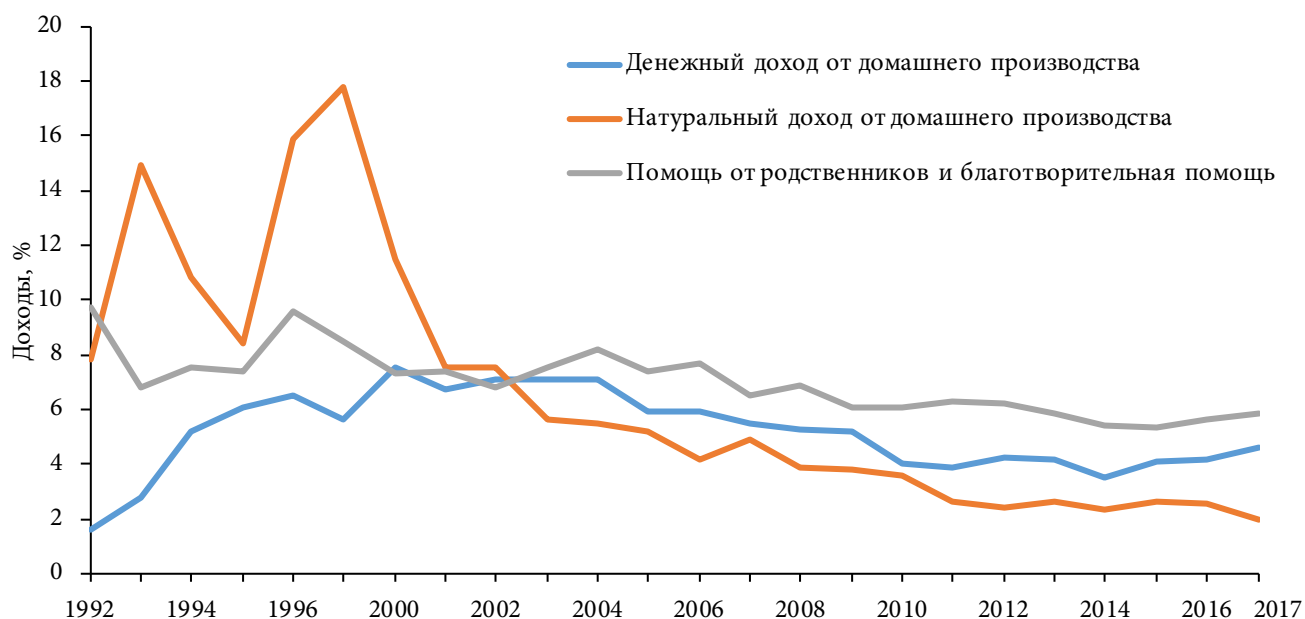

Рис. 5. Распределение доходов по источникам: денежный и натуральный доходы от домашнего производства, помощь родственников и благотворительная помощь, 1992–2017 гг., %

Значимость ряда источников, играющих наименее важную роль в формировании совокупного дохода российских домохозяйств (доход от продажи личного имущества, доход от сдачи личной собственности в аренду и дивиденды), на протяжении всех последних лет менялась несущественно. Так, из данных мониторинга, представленных на рис. 6, следует, что в течение 2006–2017 гг. суммарная доля дохода домохозяйств от этих источников не превышала 1%. Причем в 2015–2017 гг. эта доля практически не менялась и составляла всего лишь 0,7% (доход от продажи личного имущества — 0,1%; доход от сдачи в аренду личного имущества — 0,4%; дивиденды — 0,2%).

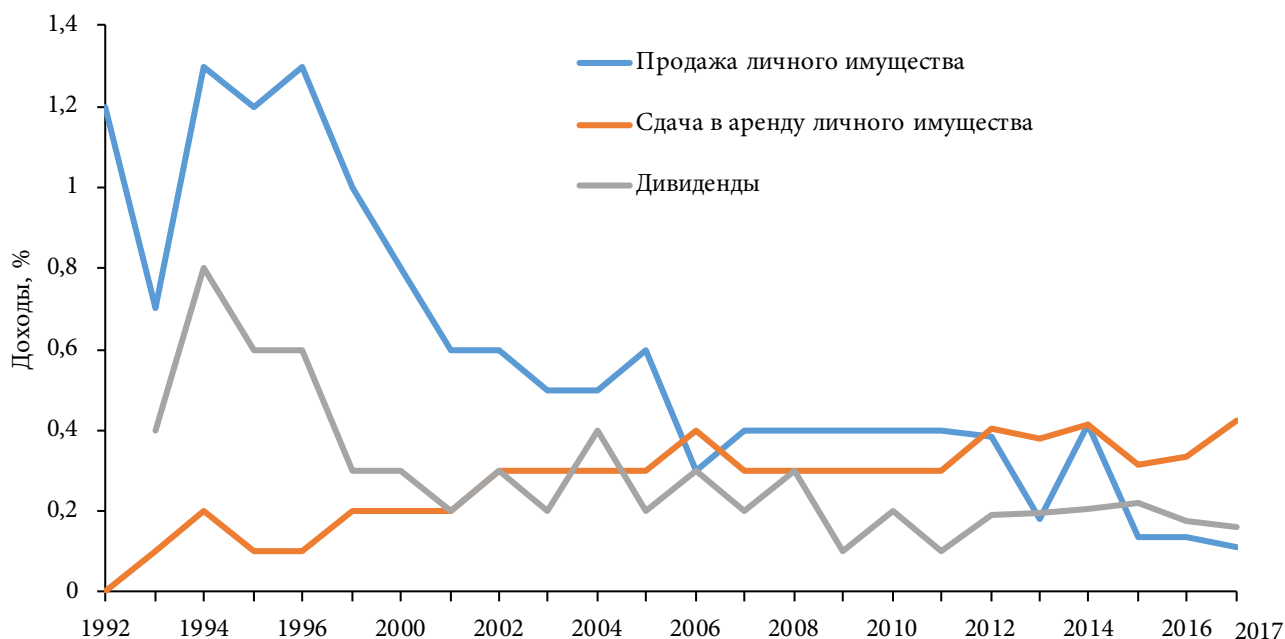

Рис. 6. Распределение доходов по источникам: продажа и сдача в аренду личного имущества, дивиденды, 1992–2017 гг., %

Что касается длительных трендов, охватывающих весь период наблюдений, то они свидетельствуют о снижении до минимума значимости дохода от продажи личного имущества и постепенном, хотя и небольшом, росте весомости дохода от сдачи в аренду личного имущества в формировании совокупного дохода российских домохозяйств. Эти изменения, хотя они были и невелики, являются одним из свидетельств повышения уровня жизни населения: люди стали меньше нуждаться в продаже личных вещей для пополнения своих доходов.

В таблице 3 представлены данные RLMS-HSE о процентном соотношении обследованных домашних хозяйств, имеющих доходы из разных источников.

Анализ данных таблицы 3 показывает, что после продолжительного периода сокращения доли домашних хозяйств, имеющих какой-либо доход от заработной платы (с 71,4% в 2010 г. до 63,8% в 2016 г., т. е. на 7,6 п. п.), в 2017 г. отмечен ее рост на 0,5 п. п. — до 64,3%. Подобная ситуация наблюдалась в середине 1990-х годов. Но затем доля таких домохозяйств вполне последовательно увеличилась на 13,8 п. п. — с 57,6% в 1998 г. до 71,4% в 2010 г., вплотную приблизившись к наибольшему значению, достигающему 72,4%, которое было зафиксировано еще в период первого опроса в 1992 г.

Выявленный в конце 2017 г. рост удельного веса домашних хозяйств, получающих какой-либо доход от заработной платы, произошел полностью за счет увеличения доли домохозяйств с доходом от работы на предприятиях частного сектора — с 35,1% в 2016 г. до 37,9% в 2017 г., т. е. на 2,8 п. п. По сравнению с 2015 г. этот рост составил 3 п. п. В то же время доля домохозяйств с доходом от работы на государственных предприятиях сократилась на 0,5 п. п. — с 38,8% в 2016 г. до 38,3% в 2017 г., а доля домохозяйств, имеющих доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности, за последний год снизилась на 0,7 п. п. — с 5,3 до 4,6%, продолжив длительный нисходящий тренд и достигнув минимального значения за все время наблюдений. При этом, рассматривая долговременные тенденции, сле-

дует обратить внимание на то, что доля домохозяйств, имеющих доход от работы на государственных предприятиях, сократилась за 2008–2017 гг. на 6,4% – с 44,7 до 38,3%. Характерно, что самые высокие темпы спада данного показателя были зафиксированы в кризисном 2015 г., когда они составили 4,1 п. п., – с 43,7 до 39,6%.

Таблица 3

Доля домохозяйств с доходом из данного источника, 1992–2017 гг., %

Источники доходов	Период сбора данных								
	1992	1998	2004	2008	2011	2014	2015	2016	2017
Доход от работы на государственных предприятиях	64,9	42,1	43,0	44,7	44,0	43,7	39,6	38,8	38,3
Доход от работы на частных предприятиях	5,3	16,0	28,4	35,7	38,9	36,0	34,9	35,1	37,9
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	10,5	10,7	9,0	6,8	5,7	4,8	5,2	5,3	4,6
Общий доход от заработной платы	72,4	57,6	64,1	67,2	69,9	66,4	64,1	63,8	64,3
Государственные трансфертные платежи	86,5	60,3	76,8	73,1	68,9	73,0	74,6	74,7	73,4
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	15,2	24,1	24,4	17,8	14,8	13,8	15,2	15,2	14,7
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	56,3	62,9	50,5	44,3	37,9	39,9	40,4	40,5	37,9
Доход от продажи личного имущества	3,8	2,8	1,4	0,9	1,1	1,5	0,8	0,6	0,5
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,6	1,3	1,5	1,3	1,6	1,3	1,5	1,8
Дивиденды	–	1,1	1,1	1,0	0,9	2,3	2,2	1,4	1,9
Помощь от родственников и благотворительная помощь	34,7	25,5	29,0	27,8	27,5	26,9	26,9	26,9	26,5

Анализируя данные таблицы 3, важно также обратить внимание на достаточно последовательное сокращение разрыва между удельным весом домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях государственного и на предприятиях частного секторов. Так, если в 2004 г. этот разрыв достигал 14,6 п. п., в 2008 г. – 9 п. п., в 2011 г. – 5,1 п. п., то в 2016 г. – только 3,7 п. п., а в 2017 г. – всего лишь минимальные 0,4 п. п.

Примечательно, что удельный вес домохозяйств, получающих доход от государственных трансфертов, за последние десять лет практически не изменился, увеличиваясь или сокращаясь от года к году на ту или иную величину. Так, если в 2008 г. эта величина составляла 73,1%, то в 2017 г. – 73,4%. Это говорит о том, что сегодня доходы россиян зависят от различных государственных выплат примерно в той же степени, что и в 2008 г. Но в то же время нельзя не заметить, что в отдельные периоды данный показатель менялся весьма существенно. Так, с 2008 по 2011 г.

доля таких домохозяйств сократилась с 73,1 до 68,9%, т. е. на 4,2 п. п., но затем к концу 2014 г. она увеличилась до 73%, т. е. на 4,1%, и далее к концу 2016 г. — до 74,7%, т. е. еще на 1,7 п. п.

На протяжении всех лет мониторинга количество домашних хозяйств с натуральным доходом от домашнего производства и неформального сектора намного превосходило число домохозяйств, располагающих соответствующим денежным доходом. При этом на протяжении первых двух десятков лет наблюдалось сокращение удельного веса таких домохозяйств, но начиная с 2011 г. данные показатели менялись не столь определенно. Так, с 2011 по 2015 г. доля домохозяйств, располагающих денежным доходом от домашнего производства и неформального сектора, увеличилась с 14,8 до 15,2%, но к концу 2017 г. вновь уменьшилась до 14,7%, в том числе за последний год на 0,5 п. п. В то же время доля домохозяйств, имеющих аналогичный натуральный доход, за 2011–2015 гг. выросла с 37,9 до 40,4%, а затем к концу 2017 г. она сократилась до тех же 37,9%, в том числе за последний год на 2,6 п. п.

Очень мало также меняется на протяжении уже многих лет картина, характеризующая масштабы помощи домохозяйствам со стороны родственников и поступлений от различных источников благотворительной помощи. Исключение составляет только первая половина 1990-х годов, когда удельный вес таких домашних хозяйств достигал одной трети. Но в дальнейшем доля домохозяйств с доходом от помощи родственников и благотворительной помощи, т. е. частных трансфертов, остановилась на уровне, близком к 27%, меняясь в узком коридоре значений. В 2017 г. она составила 26,5%, что было лишь на 0,4 п. п. меньше, чем в 2014–2016 гг.

В 2017 г., как и во все предыдущие годы, количество домохозяйств, получающих какой-либо доход от продажи личного имущества, сдачи личной собственности в аренду и в виде дивидендов, было относительно небольшим. Но с 2014 по 2017 г. доля обследованных домохозяйств, получающих доход от продажи личного имущества, уменьшилась в три раза — с 1,5 до 0,5%, в том числе за последний год на 0,1 п. п. В то же время удельный вес домохозяйств, получающих доход от сдачи личной собственности в аренду, достиг в 2017 г. максимального значения, увеличившись за последний год на 0,3 п. п. Доля домохозяйств, имеющих доход в виде дивидендов, после сокращения в 2016 г. по сравнению с 2015 г. на 0,8 п. п. (с 2,2 до 1,4%) в 2017 г. выросла на 0,5 п. п. — до 1,9%.

В таблице 4 доходы обследованных домашних хозяйств классифицированы по квинтилям душевого дохода. В ней приводится обобщенная информация об уровне реальных доходов внутри квинтилей. В последней строке верхней части таблицы показан средний доход по квинтилям распределения доходов в 2017 г. Нижняя часть содержит обобщенные сведения за 2016 г. о размерах и источниках доходов за этот год по квинтилям.

Из данных, представленных в таблице 4, следует, что за 2017 г., как и за предыдущий год, рост реальных доходов произошел у домохозяйств всех квинтилей. Но если в 2016 г. доходы бедных и малообеспеченных домохозяйств росли немного быстрее, чем доходы более обеспеченных и богатых, то в 2017 г. наблюдалась противоположная картина. Так, в декабре 2017 г. по сравнению с декабрем 2016 г. средняя сумма месячного дохода у домохозяйств первого квинтиля выросла на

7,1%, у домохозяйств второго квинтиля – на 5,4%, тогда как у домохозяйств третьего квинтиля – уже на 11,5%, у домохозяйств четвертого квинтиля – на 10,2%, а у 20% самых обеспеченных домохозяйств – на 14,3%. В декабре 2016 г. по сравнению с декабрем 2015 г. данный рост составил для домохозяйств нижнего, т. е. малообеспеченного, квинтиля 13,9%; для домохозяйств второго квинтиля – 13,1%; для домохозяйств третьего квинтиля – 15%; тогда как для домохозяйств четвертого квинтиля – 11,1%; а для домохозяйств верхнего, т. е. самого богатого квинтиля, – только 7,1%. В предыдущие годы наблюдалась во многом иная картина, хотя основные тренды принципиально не изменились. Так, в декабре 2015 г. по сравнению с декабрем 2014 г. средняя сумма месячного дохода двадцати процентов наименее обеспеченных домохозяйств увеличилась почти на 2%, домохозяйств второго квинтиля – на 4,2%, домохозяйств третьего квинтиля – на 2,7%, тогда как средняя сумма месячного дохода домохозяйств четвертого квинтиля уменьшилась на 2,1%, а двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств сократилась на 6,1%.

Таблица 4

Распределение источников дохода в зависимости от квинтилей душевого дохода, декабрь 2017 г., %

Источники доходов	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Доход от работы на государственных предприятиях	23,7	17,7	18,2	18,5	25,0
Доход от работы на частных предприятиях	21,5	20,1	22,6	24,2	27,9
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	1,6	1,7	2,2	2,4	3,3
Общий доход от заработной платы	46,8	39,5	43,0	45,2	56,2
Государственные трансфертные платежи	36,4	48,5	47,2	43,3	27,9
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	6,4	3,9	3,9	3,4	5,6
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	2,1	2,0	1,8	1,9	2,2
Доход от продажи личного имущества	0,0	0,1	0,0	0,1	0,4
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,3	0,2	0,5	1,0
Дивиденды	0,0	0,0	0,0	0,2	0,5
Помощь от родственников и благотворительная помощь	8,1	5,7	3,8	5,5	6,2
Средняя сумма месячного дохода, декабрь 2017 г., в руб. 2017 г.	34 992	46 410	58 308	68 732	100 060
Общий доход от заработной платы, декабрь 2016 г.	45,7	41,2	40,7	40,7	57,5
Государственные трансфертные платежи, декабрь 2016 г.	36,4	48,3	49,0	47,7	27,5
Средняя сумма месячного дохода, декабрь 2016 г., в руб. 2017 г.	32 676	44 015	52 289	62 325	87 516

В 2017 г., как и в предыдущем году, преобладание дохода от заработной платы над доходами от других источников было в наибольшей мере характерно для домохозяйств полярных нижнего и верхнего квинтилей. При этом наибольшую роль заработная плата играла в ходе формирования доходов домохозяйств, принадлежащих к самому богатому квинтилю. Заметим, что в течение 2009–2011 гг. заработная плата являлась наиболее значимым источником для домохозяйств всех квинтилей. Но в 2012–2014 гг. для домохозяйств второго и третьего квинтилей наиболее весомым источником дохода стали постоянно растущие государственные трансфертные платежи.

С декабря 2016 по декабрь 2017 г. доля общего дохода от заработной платы наиболее значительно увеличилась у домохозяйств третьего и четвертого квинтилей (на 2,3 п. п. — с 40,7 до 43% и на 4,5 п. п. — с 40,7 до 45,2% соответственно), тогда как у домохозяйств самого бедного квинтиля — только на 1,1 п. п. — с 45,7 до 46,8%. Примечательно, что у домохозяйств второго квинтиля она сократилась на 1,7 п. п. — с 41,2 до 39,5%, а у двадцати процентов самых богатых домохозяйств — на 1,3 п. п. — с 57,5 до 56,2%. Напомним, что годом ранее доля общего дохода от заработной платы у двадцати процентов наименее состоятельных домохозяйств уменьшилась всего лишь на 0,3 п. п. — с 46 до 45,7%; у домохозяйств второго квинтиля сократилась также на 0,3 п. п. — с 41,5 до 41,2%; тогда как у домохозяйств третьего квинтиля эта доля увеличилась на 1,9% — с 38,8 до 40,7%; у домохозяйств четвертого квинтиля уменьшилась на 3,3% — с 44 до 40,7%, а у двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств эта доля увеличилась на 1,3 п. п. — с 56,2 до 57,5%.

В декабре 2017 г., как и годом ранее, у домохозяйств крайних квинтилей, т. е. у наименее и наиболее обеспеченных, доля месячного дохода от работы на государственных предприятиях была существенно выше, чем у домохозяйств трех средних квинтилей. При этом самые богатые двадцать процентов домохозяйств превосходили по данному показателю двадцать процентов беднейших домохозяйств на 1,3 п. п. (25 против 23,7%). И в то же время по доле дохода от работы на частных предприятиях двадцать процентов наиболее состоятельных домохозяйств намного превосходили домохозяйства всех остальных квинтилей. Причем у домохозяйств первых четырех квинтилей эта доля месячного дохода увеличилась, и только у домохозяйств верхнего квинтиля немного уменьшилась. Примечательно также, что если у домохозяйств беднейшего квинтиля доля дохода от работы на государственных предприятиях существенно превосходила долю дохода от работы в частном секторе (23,7 против 21,5%), то у домохозяйств самого богатого квинтиля наиболее значительной была доля дохода от работы на частных предприятиях (27,9 против 25% от работы на государственных предприятиях). Что касается дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то различия между домохозяйствами разных квинтилей по доле дохода от данного источника были минимальными. Но при этом отмечается ее последовательный рост с 1,6% у домохозяйств беднейшего квинтиля до 3,3% у домохозяйств самого богатого квинтиля.

Как и в предыдущие годы, в 2017 г. государственные трансфертные платежи были наиболее важным источником дохода для домохозяйств трех средних квинтилей, а наименее значимым для двадцати процентов домохозяйств с самыми высокими доходами. При этом они составляли более трети общей суммы месячного

дохода домохозяйств нижнего квинтиля и только немногим более четверти аналогичного дохода домохозяйств верхнего квинтиля. Но наиболее зависимыми от государственных трансфертных платежей оставались домохозяйства трех средних квинтилей, которые от 43 до 49% своего общего месячного дохода получали за счет пенсий, различных социальных пособий, стипендий и т. д. Причем за последний год доля дохода от государственных трансфертов у домохозяйств нижнего и верхнего квинтилей практически не изменилась, составив 36,4 и 27,9% соответственно. Иными словами, зависимость домохозяйств полярных квинтилей от доходов, формируемых за счет пенсий, стипендий, различных социальных пособий и других государственных выплат, осталась на прежнем уровне.

Характерно, что в прошедшем году денежный доход от домашнего производства и неформального сектора продолжал оставаться для обследованных домохозяйств всех квинтилей более важным источником, чем аналогичный натуральный доход. При этом денежный доход от домашнего производства и неформального сектора, как и в предыдущие годы, был более важен для домохозяйств первого и последнего квинтилей (6,4 и 5,6% соответственно), тогда как натуральный доход практически в одинаковой мере был важен для домохозяйств всех квинтилей (от 1,8 до 2,2% по квинтилям). Помощь от родственников и благотворительная помощь была наиболее значимым источником дохода для наименее и наиболее обеспеченных домохозяйств. В 2017 г. по сравнению с 2016 г. доля дохода от данного источника у домохозяйств первого квинтиля выросла с 7,5 до 8,1%, тогда как у домохозяйств последнего квинтиля уменьшилась с 6,5 до 6,2%. Поступление доходов в бюджет домохозяйств от продажи личного имущества, от сдачи в аренду личной собственности и в виде дивидендов, как и во все предыдущие годы, в наибольшей мере было характерно для домохозяйств самого высокодоходного квинтиля. Но роль этих источников в формировании бюджетов домохозяйств всех квинтилей оставалась минимальной.

Дальнейший анализ показал, что в декабре 2017 г. средняя сумма месячного дохода двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств в 2,9 раза превышала среднюю сумму месячного дохода двадцати процентов наименее обеспеченных, что было немного больше, чем 2,7 раза, зафиксированных в декабре 2016 г. Этот разрыв был примерно таким же в 2014–2015 гг., но гораздо меньшим, чем четырехкратное превышение, выявленное в декабре 2013 г. Напомним, что уменьшение разрыва в уровне доходов, но с определенными перепадами, отмечается с 1998 г., когда доходы домохозяйств в верхнем доходном квинтиле были в 7,5 раза больше доходов двадцати процентов беднейших домохозяйств. В 2005 г. этот разрыв составлял 5,2 раза, но к 2008 г. вырос до 6,7 раза. В дальнейшем он сократился до 4,1 раза в 2011 г., но в 2012 г. вновь вырос до 4,6 раза.

Практически не изменился за последний год разрыв по уровню доходов между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля. С 2008 по 2011 г. он сократился с 2,2 до 1,8 раза, но в 2012 г. был выявлен новый рост этого разрыва до 2 раз, который, однако, в 2013 г. сменился снижением до 1,8 раза и в 2014–2015 гг. – до 1,5 раза. В 2016 г. было выявлено, хотя и небольшое, но все же очередное сокращение данного разрыва до 1,4 раза, тогда как в 2017 г. он увеличился лишь символически – до 1,5 раза. В 2017 г. отрыв по уровню доходов домохозяйств верхнего квинтиля от домохозяйств третьего квинтиля составил

1,7 раза, а от домохозяйств второго квинтиля – 2,2 раза. Отрыв второго квинтиля от домохозяйств первого квинтиля по уровню доходов в последние годы колеблется в пределах 1,3–1,5 раза.

В таблице 5 представлено распределение домохозяйств, получающих доход от заработной платы из разных источников, по квинтилям душевого дохода. Представленные данные демонстрируют наличие довольно устойчивой картины квинтильной дифференциации домохозяйств по доходам от заработной платы, которая сложилась в последние годы.

Таблица 5

Доля домохозяйств с доходом из данного источника, по квинтилям дохода, 2006–2017 гг., %

Источники дохода	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Октябрь 2006 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	35,4	36,9	45,2	52,1	54,4
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	22,3	29,0	40,9	50,5
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,9	6,5	8,0	10,6	8,9
Ноябрь 2008 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	34,0	36,8	44,6	56,5	51,7
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	23,2	36,5	44,3	53,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,4	5,5	6,6	8,3	9,4
Ноябрь 2010 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	40,4	32,9	43,1	48,6	52,5
Доход от работы на частных предприятиях	26,0	27,9	33,2	39,7	52,7
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,8	5,2	8,5	9,5	8,2
Декабрь 2016 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	40,7	35,3	33,8	37,0	47,9
Доход от работы на частных предприятиях	29,9	32,6	33,9	34,3	45,5
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,7	4,3	4,8	5,8	7,0
Декабрь 2017 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	39,1	32,9	34,6	37,5	47,8
Доход от работы на частных предприятиях	35,2	32,4	36,7	41,0	44,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,1	3,7	4,5	5,3	6,4

Из данных таблицы 5 следует, в частности, что удельный вес домохозяйств с доходом от работы на предприятиях и в организациях частного сектора более или менее последовательно нарастал по мере повышения уровня материальной обеспеченности семей. В 2017 г., как и в 2014–2016 гг., домохозяйства с наибольшими доходами указывали работу на частном предприятии в качестве основного источника своего дохода почти в полтора раза чаще, чем домохозяйства с наименьшими доходами. Обращает на себя внимание существенный рост за последний год доли домохозяйств, получающих доход от работы на частных предприятиях, в нижнем и четвертом квинтилях (соответственно, с 29,9 до 35,2%, т.е. на 5,3 п. п., и с 34,3 до 41%, т. е. на 6,7 п. п.). Что касается удельного веса домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях государственного сектора, то данный показатель изменился по квинтильным группам незначительно. В 2017 г. доля домохозяйств, получающих доход от заработков на смешанных государственно-частных предприятиях, нарастала с 3,1% в первом квинтиле до 6,4% в последнем. В целом для более обеспеченных домохозяйств доход от заработной платы являлся более значимым источником дохода, чем для менее обеспеченных.

Данные Росстата демонстрировали в 2017 г. дальнейшее снижение показателей, характеризующих неравенство по доходам. Так, за прошедший год децильный коэффициент фондов, т. е. разрыв в доходах между десятью процентами самых богатых граждан и десятью процентами самого бедного населения, снизился с 15,5 до 15,3 раза. Это снижение продолжило длительный тренд, наблюдающийся с 2007 г. Характерно, что до наступления кризисной полосы, начавшейся в 2008 г., данный показатель постепенно рос, увеличившись с 13,9 раза в 2000 г. до 16,7 раза в 2007 г. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), свидетельствующий о степени расслоения общества, в 2017 г. по сравнению с 2016 г. также уменьшился с 0,412 до 0,410. И это тоже было очередное снижение, наблюдающееся с 2007 г., когда данный показатель достигал максимального значения, равного 0,422. Эти данные показывают, что вопреки широко распространенному мнению, в кризисные периоды экономическое неравенство в России не растет, а сокращается. В 2017 г. очень мало изменились показатели, характеризующие распределение денежных доходов по двадцатипроцентным группам населения. Так, доля денежных доходов, приходящихся на первую группу (с наименьшими доходами), составила 5,4%; приходящихся на вторую группу – 10,1%; на третью группу – 15,1%; на четвертую группу – 22,6% и на пятую группу (с наибольшими доходами) – 46,8%. Таким образом, согласно данным официальной статистики, как и годом ранее, объем денежных доходов двадцати процентов россиян с наибольшими доходами был почти в 9 раз больше, чем объем денежных доходов двадцати процентов граждан с наименьшими доходами.

Согласно данным RLMS-HSE, доля домохозяйств с доходом ниже официального прожиточного минимума в декабре 2017 г. составляла 1,8%, что было немного больше, чем 1,6%, зафиксированных в декабре 2016 г., и ровно столько же, сколько было в декабре 2015 г. Доля домохозяйств из числа обследованных с доходом меньше половины прожиточного минимума увеличилась за последний год с 0,8 до 1%, тогда как доля домохозяйств с доходом от половины до 100% прожи-

точного минимума не изменилась, составив 0,8%. Наибольшая доля домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума зафиксирована в Северном, Северо-Западном регионах, в Сибири и на Дальнем Востоке (езде по 2,9%).

К наиболее социально уязвимым группам во всех странах обычно относятся семьи с детьми, сельские жители, пожилые, безработные, инвалиды. По данным мониторинга, в 2017 г. жили в семьях с доходом ниже прожиточного минимума только 1,8% российских детей в возрасте до 7 лет, что было меньше 2%, зафиксированных годом ранее. В результате такого сокращения данный показатель снизился до минимального значения за все время наблюдений. Доля пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума, увеличилась за последний год с 0,5 до 0,7%. Рассматривая эти данные, важно учитывать, что в России немало бедных людей встречаются не только среди пожилых, инвалидов и других граждан, попавших в трудную ситуацию, но и среди работающих. И в то же время многие граждане, считающие себя бедными, официально таковыми не являются, что объясняется крайне низким порогом бедности, установленным в России. Как показывает практика, многие объективно бедные россияне не воспринимают свою жизнь как пребывание в бедности и одновременно значительная часть небедных, наоборот, относит себя к бедным.

По данным Росстата, число россиян с доходами ниже прожиточного минимума с 2012 по 2016 г. выросло с 15,4 млн до 19,5 млн человек, или с 10,7 до 13,3% населения. Однако в 2017 г. число таких граждан сократилось до 19,3 млн человек, или до 13,2% населения.

На рис. 7 показаны изменения в распределении душевого дохода в период с декабря 2016 по декабрь 2017 г. Здесь отражено соотношение реального дохода от каждого перцентиля в 2017 г. к реальному доходу того же перцентиля в 2016 г. Рассматривая представленные данные, следует иметь в виду, что на рисунке представлены данные душевого дохода, в то время как в предыдущих графиках и таблицах использованы данные по доходам домохозяйств. В 2017 г. реальный душевой доход сначала очень быстро рос, а затем медленно уменьшался и столь же неспешно увеличивался (в сравнении с доходами в 2016 г.).

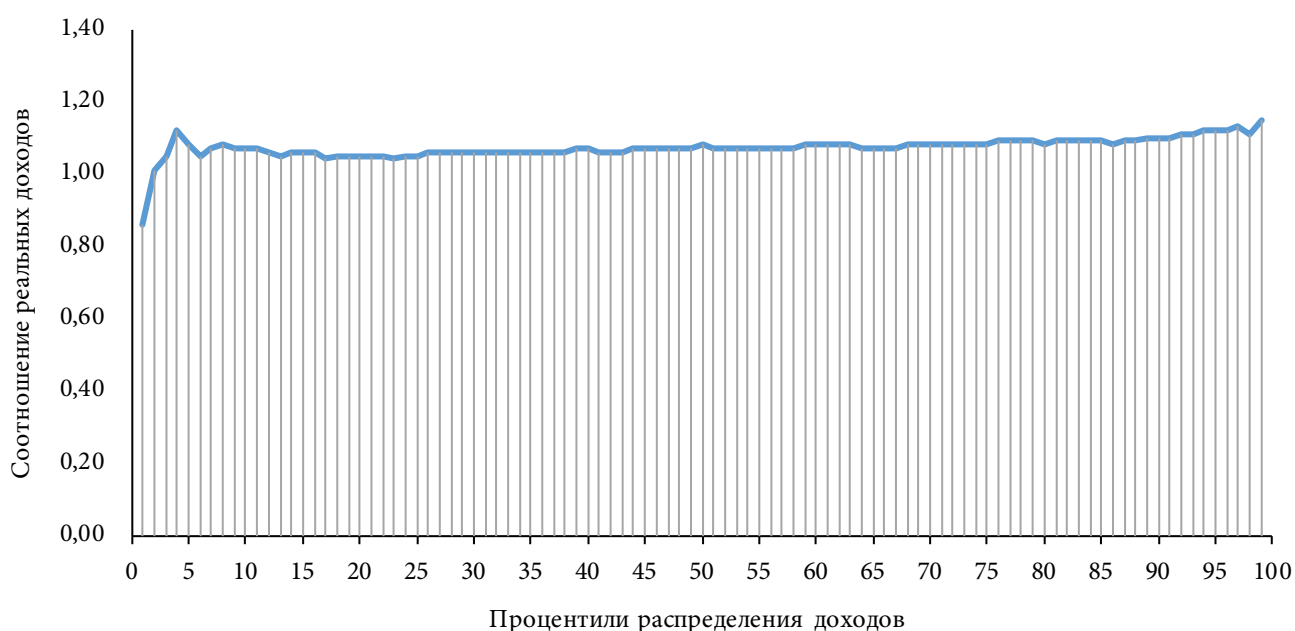

Рис. 7. Соотношение роста доходов каждого перцентиля (реальный доход перцентиля в 2017 г., деленный на реальный доход перцентиля в 2016 г.), декабрь 2016 г. – декабрь 2017 г.

Рисунок 8 демонстрирует различия в показателях душевых доходов населения по данным RLMS-HSE и Росстата. Показатели Росстата свидетельствуют о значительных колебаниях в уровне реальных доходов населения. Многие значительные колебания могут быть объяснены получением «тринадцатой зарплаты» и других выплат в конце декабря каждого года, поскольку в течение всех лет, представленных на рисунке, в конце года отмечаются значительные колебания доходов. В целом результаты обследования RLMS-HSE, основанного на общероссийской репрезентативной выборке, показывают значительно более низкий среднедушевой доход, чем данные Росстата.

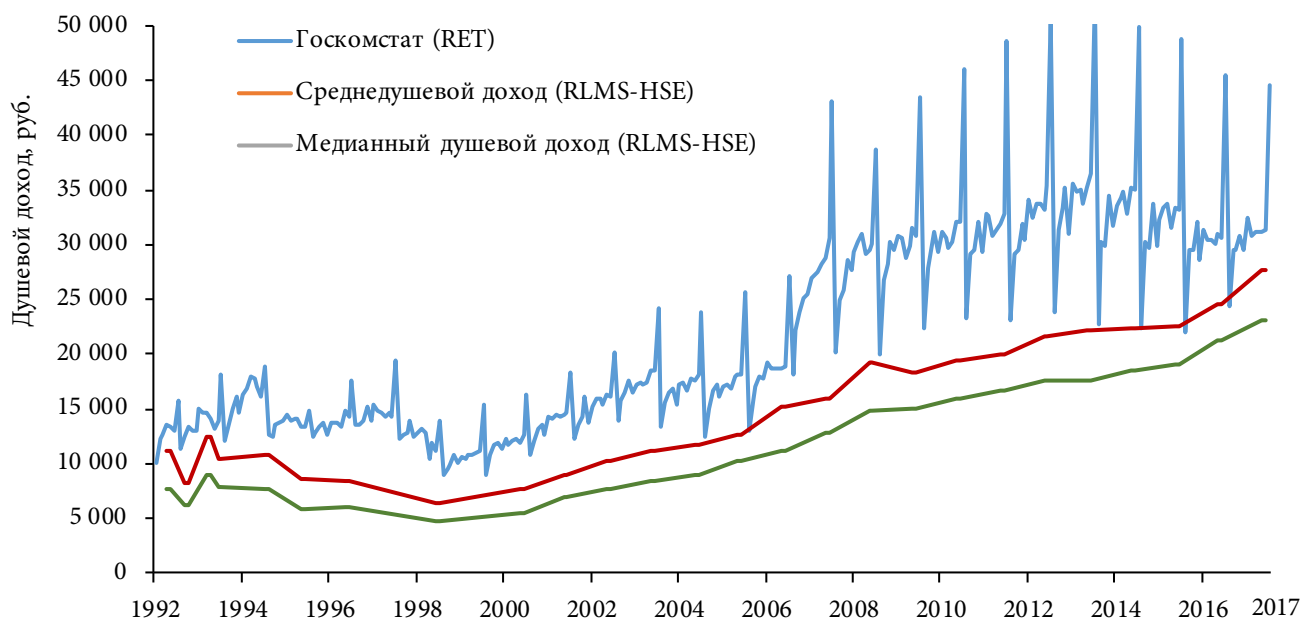

Рис. 8. Сравнение показателей душевых доходов по данным RLMS-HSE и Росстата, 1992–2017 гг., ежемесячный доход на душу населения, в руб. 2017 г.

На рис. 8 показан также медианный душевой доход домохозяйств по данным RLMS-HSE. На момент проведения каждого опроса RLMS-HSE медианный душевой доход оказывался на 15–30% ниже среднедушевого дохода. Величина среднего дохода на душу не отражает действительного уровня доходов большей части населения России. Например, в декабре 2017 г. средний душевой доход (в руб. 2017 г.), по данным RLMS-HSE, был равен 27 748 руб., в то время как медианный душевой доход составил всего 23 040 руб., т. е. на 17% меньше. Аналогичная картина наблюдалась и во многие предыдущие годы.

Таким образом, в 2017 г. произошли важные позитивные сдвиги в социально-экономическом развитии России, свидетельствующие о постепенном преодолении накопившихся кризисных явлений. Низкая инфляция, хотя и небольшой, но рост экономики, улучшение условий кредитования — это те позитивные явления в экономике, которые помогали многим россиянам облегчить жизнь и надеяться на лучшее. Второй год подряд наблюдался рост доходов населения, обусловленный главным образом повышением зарплат и социальных выплат. Вместе с тем длительная кризисная полоса последнего десятилетия, характеризующаяся наличием большого количества возросших рисков, быстротечным развитием негативных тенденций, высокой нестабильностью и непредсказуемостью в развитии общества,

не только привела к значительным переменам в жизни российских граждан, но и обострила проблему социального неравенства. Сегодня глубокое социально-экономическое неравенство остается наиболее мощным фактором, формирующим неравенство возможностей в доступе различных групп населения к образованию, здравоохранению и другим социальным ресурсам.

Расходы домохозяйств

В 2017 г. на потребительском рынке сложилась довольно противоречивая и нестабильная ситуация с преобладанием негативного настроения со стороны населения. Психологически россияне так и не смогли выйти из экономического кризиса и пребывали в состоянии «затягивания поясов», характеризующемся значительным ограничением своих предпочтений, запросов и интересов. Но в то же время все чаще стали появляться те или иные признаки постепенного ослабления режима экономии. У одной, меньшей части россиян отмечалось улучшение потребительских настроений, сопровождавшееся увеличением расходов. Это означало, что, несмотря на накопившуюся усталость от экономического кризиса, эти люди видели позитивные перемены как в экономике, так и в своей жизни. Те, кто располагали доходами, позволяющими траты не только на необходимые текущие нужды, стали расходовать даже больше, чем планировали раньше. Все больше россиян постепенно возвращались к привычному для себя или своей семьи докризисному уровню и стилю потребления, увеличивая расходы, что содействовало стабилизации в сфере потребления. Но в то же время значительное большинство граждан не замечали каких-либо изменений. Они по-прежнему предпочитали экономить на самом необходимом, а все лишние деньги приберегать или направлять на банковские счета. Но, несмотря на продолжающееся ограничение расходов, способы экономии у этих людей стали смягчаться, что также способствовало восстановлению внутреннего спроса.

По мнению ряда экспертов, к концу года стало еще очевиднее, что потребители устали от кризиса, от связанных с ним негативных ожиданий, постоянной экономии и стали смелее тратить деньги. Об этом свидетельствовало и то, что в большинстве отраслей приостановилось падение продаж. И даже на отстающих в динамике рынках, несмотря на сокращение количества покупок, потребители стали эмоционально «оживать», демонстрируя готовность доплачивать за более высокое качество, радовать себя покупками не на каждый день¹.

Вместе с тем анализ данных RLMS-HSE показал, что расходы россиян, после замедления темпов роста в 2013–2014 гг. и резкого падения в 2015 г., в 2016 г. продемонстрировали хорошо заметный рост, но в 2017 г. этот рост практически остановился. Как следует из таблицы 6, в декабре 2016 г. по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. ежемесячные расходы российских домохозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров выросли на 9,2%. Однако в декабре 2017 г. по сравнению с декабрем 2016 г., несмотря на существенный рост доходов населения, общие расходы российских домохозяйств на продукты питания и непродовольственные товары практически не изменились, увеличившись на символические 0,1%.

¹ Грамматчиков А., Инкижинова С., Кузьмина В., Щукин А. Рост из последних сил // Эксперт. 2018. № 5. С. 26–33.

Таблица 6

Ежемесячные расходы домохозяйств по отдельным статьям, 1992–2017 гг., в руб. декабря 2017 г.

Категории расходов	Период сбора данных						
	1992	1998	2004	2008	2011	2016	2017
Расходы на продукты питания							
Молочные продукты	1338	851	1093	1494	1616	2027	2151
Мясо, птица, рыба	4442	2491	3395	4548	4558	5277	5224
Картофель	580	129	361	298	255	238	326
Хлеб	2127	1457	1391	1318	1030	1298	1410
Фрукты, овощи	2173	649	1159	1570	1471	1547	1753
Прочие продукты питания	5671	2498	2507	2938	2746	3302	3481
Питание в столовых, ресторанах, кафе	927	702	1610	2233	2348	2335	2631
Продукты домашнего изготовления	1938	2663	1633	1726	1474	1633	1924
Алкоголь	1073	414	484	537	490	527	532
Всего расходов на продукты питания	20 268	11 865	13 634	16 661	15 906	18 188	19 434
Расходы на непродовольственные товары							
Табачные изделия	570	424	447	517	649	1173	1238
Одежда	3047	2252	2620	3895	3263	3233	3372
Горючее, топливо*	394	540	1163	1765	1838	2193	2410
Электроника и др. товары длительного пользования	1583	1772	4343	7926	6423	5581	4183
Услуги и отдых	497	2405	4644	8135	7648	6462	7855
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	1335	692	1216	5581	6645	10146	9340
Оплата жилья и коммунальных услуг	414	911	1924	3561	4359	4975	5148
Акции, облигации	189	7	0	0	23	30	1
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	1809	–	835	1176	1192	1239	1345
Сбережения	616	636	1010	2282	2388	1928	2033
Всего расходов на непродовольственные товары	10 451	9639	18 205	34 843	34 826	41 050	39 744
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	30 719	21 501	31 838	51 507	50 729	59 112	59 180

*Начиная с декабря 1994 г. категория «Топливо» включает в себя бензин, газ в баллонах и дрова. Во время предыдущих опросов газ в баллонах и дрова учитывались в категории коммунальных услуг. Опросы указанных выше годов показывают долю каждого вида топлива: 12/1994: бензин – 49%, дрова – 19%, газ в баллонах – 32%; 10/1996: бензин – 56%, дрова – 18%, газ в баллонах – 26%; 11/1998: бензин – 58%, дрова – 16%, газ в баллонах – 26%; 10/2000: бензин – 71%, дрова – 11%, газ в баллонах – 18%; 10/2002: бензин – 72%, дрова – 11%, газ в баллонах – 17%; 10/2003: бензин – 71%, дрова – 13%, газ в баллонах – 16%; 10/2004: бензин – 73%, дрова – 13%, газ в баллонах – 13%; 10/2005: бензин – 73%, дрова – 14%, газ в баллонах – 13%; 10/2006: бензин – 75%, дрова – 12%, газ в баллонах – 12%; 10/2007: бензин – 77%, дрова – 12%, газ в баллонах – 11%; 11/2008: бензин – 83%, дрова – 10%, газ в баллонах – 7%; 11/2009: бензин – 84%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%; 12/2010: бензин – 85%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%; 12/2013: бензин – 88,6%, дрова – 7,6%, газ в баллонах – 3,8%; 12/2015: бензин – 89,4%, дрова – 6,9%, газ в баллонах – 3,7%; 12/2016: бензин – 88,6%, дрова – 7,3%, газ в баллонах – 4,1%; 12/2017: бензин – 88,8%, дрова – 7,8%, газ в баллонах – 3,4%.

Более подробный анализ показал, что в 2017 г. при определении общих расходов сокращение расходов домашних хозяйств на непродовольственные товары компенсировалось увеличением расходов на продукты питания. Если в 2015 г. по сравнению с 2014 г. ежемесячные расходы российских домохозяйств на непродовольственные товары сократились почти на 12%, то в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом они выросли на 10,5%, но в 2017 г. вновь снизились на 3,2%. В то же время расходы домохозяйств на продукты питания, после увеличения в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 2%, в 2016 г. выросли на 7,1%, а в 2017 г. увеличились еще на 6,9%. В результате такого последовательного и уверенного роста расходы российских домохозяйств на продовольствие вплотную приблизились к уровню 1992 г. (уступая ему только около 4%), когда было зафиксировано самое высокое значение данного показателя за все время наблюдений.

Потребление продуктов питания в 2017 г. было достаточно стабильным и мало отличалось от уровня предыдущего года. При этом в течение последнего года наиболее существенным оказался рост расходов домохозяйств на картофель, которые выросли более чем на треть. Менее значительно увеличились расходы на фрукты и овощи, хлебобулочные изделия и молочные продукты. И в то же время немного сократились расходы домохозяйств на мясо, птицу и рыбу. Эти данные свидетельствуют о том, что длительный кризис продолжал влиять на изменение рациона россиян. Они стали меньше покупать таких дорогих и наиболее ценных в любой диете продуктов питания, как мясо, рыба, и больше потреблять картофеля и дешевых овощей – капусты, лука, моркови. Среди других изменений стоит обратить внимание на существенный рост расходов на продукты домашнего изготовления и на питание вне дома – в столовых, кафе, ресторанах, барах и т. п. Что касается расходов домохозяйств на алкоголь, то они практически не изменились.

Данные RLMS-HSE показывают, что расходы домохозяйств на молочные продукты, не прерываясь, растут с 1998 г. В 2015 г. увеличились на 6,4%, в 2016 г. – на 10,7%, а в 2017 г. – еще на 6,1%. Этот рост в немалой степени вызван как снижением производства молока, так и ростом цен на него, который, по данным Росстата, в 2017 г. составил около 9%. В целом за весь кризисный период, охватывающий 2008–2017 гг., рост расходов домохозяйств на молочные продукты оставил около 44%. В то же время расходы домохозяйств на мясо, птицу и рыбу росли не столь динамично и последовательно. Если в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом их размер практически не изменился, то в 2016 г. он увеличился на 5,4%, а в 2017 г. сократился почти на 1%. В целом в 2017 г. по сравнению с 2008 г. расходы домохозяйств на мясо, птицу и рыбу выросли только на 15%. Причем, как показывают статистические данные, при существенном росте производства мяса, птицы, объема выловленной рыбы, наблюдалось сокращение потребления этих продуктов. Ежемесячные расходы домохозяйств на фрукты и овощи в 2015 г. по сравнению с 2014 г. увеличились на 7,9%, в 2016 г. – еще на 6,3%, а в 2017 г. – сразу на 13,3%. В 2017 г. расходы домохозяйств по данной статье бюджета были на 11,7% выше, чем в 2008 г.

Исследование выявило также очередное увеличение расходов российских домохозяйств на хлебобулочную продукцию. Так, если в 2015 г. по сравнению с 2014 г. эти расходы поднялись на 6,6%, в 2016 г. – еще на 11%, то в 2017 г. – на 8,6%. Но, несмотря на такой существенный рост, расходы домохозяйств на

хлебобулочную продукцию в 2017 г. были только на 7% выше, чем в 2008 г., но на 33,7% ниже, чем в 1992 г., и на 3,2% меньше, чем в 1998 г. Определенную лепту в увеличение этих расходов внес рост цен на хлеб. Согласно данным Росстата, в 2017 г. цены на хлеб выросли на 2,7%.

Расходы российских домохозяйств на картофель, после стремительного падения в 2014 г. на 44%, в 2015 г. увеличились на 9,8%, в 2016 г. — еще на 4,5%, а в 2017 г. сразу на 37%. После такого стремительного роста эти расходы превысили на 9,4% уровень 2008 г., но оставались на 9,7% ниже уровня 2004 г. Рост расходов на картофель во многом связан с резким повышением цен на него в прошедшем году. По данным Росстата, средние цены на картофель в 2017 г. выросли на 24%. Причем из всех социально значимых товаров первой необходимости картофель в прошлом году подорожал больше всех. Сказались сокращение посевных площадей, особенно в личных подсобных хозяйствах, и плохая погода. Урожай картофеля упал в 2017 г. почти на 40%.

Продолжилось увеличение расходов домохозяйств на продукты домашнего изготовления. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. эти траты выросли на 3,7%, затем в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом они увеличились еще на 3,4% и, наконец, в 2017 г. выросли еще на 17,8%. После такого существенного роста расходы домохозяйств на продукты домашнего изготовления превысили уровень 2008 г. на 11,5%, оставаясь в то же время на 27,8% ниже уровня 1998 г.

Как и прежде, значительными остаются ежегодные колебания расходов российских домохозяйств на алкоголь. Так, в 2012 г. они резко взлетели на 30%, но в 2013 г. снизились на 13,6%. В 2014 г. было отмечено очередное увеличение на 6,2%, но в 2015 г. произошло новое падение на 22,8%. В 2016 г. расходы домохозяйств на алкоголь вновь выросли на 17,1%, а в 2017 г. — еще на 0,9%. В целом снижения потребления алкоголя в 2017 г. не наблюдалось, а спрос на алкоголь и алкоголесодержащую продукцию, несмотря на увеличение акциза на крепкие алкогольные напитки (в которых спирта больше 9%) и действие запрета на продажу в рознице жидкостей с содержанием этилового спирта свыше 28%, был довольно стабильным. При этом в 2017 г., несмотря на увеличение акциза на крепкие алкогольные напитки с 500 до 525 руб. за литр, статистика показала рост производства легального крепкого алкоголя.

К неизбежным и хорошо заметным негативным последствиям экономического кризиса можно отнести сокращение расходов российских домохозяйств на питание вне дома (в столовых, ресторанах, кафе, барах и т. п.), которое в 2015 г. по сравнению с 2014 г. составило 12,3%. Однако с началом преодоления кризисных явлений в экономике эти расходы начали увеличиваться ускоряющимися темпами. Так, если в 2016 г. по сравнению с 2015 г. расходы домохозяйств на питание вне дома выросли на 5,2%, то в 2017 г. темпы роста этих расходов увеличились вдвое — до 12,7%. В 2017 г. они достигли максимального уровня за все время наблюдений, оказавшись на 17,8% выше, чем в 2008 г.

Официальная статистика также показала, что в 2017 г. россияне стали больше тратить на еду вне дома. Если в 2016 г. в сравнении с 2015 г. рынок общественного питания демонстрировал лишь точечные и небольшие позитивные сдвиги, то в 2017 г. кризис в индустрии общественного питания начал затухать все быстрее и быстрее и наметилось хорошо заметное «просветление».оборот

предприятий общественного питания в России в 2017 г. после двух лет спада увеличился на 2,5%. Последний раз рост данного показателя, составивший 1,7%, наблюдался в 2014 г. По итогам 2016 г. оборот общественного питания снизился на 2,7%, а по итогам 2015 г. — на 5%. Это падение было напрямую связано со снижением покупательной способности населения. Из-за экономического кризиса очень многие россияне были вынуждены оптимизировать свой бюджет и решили экономить на походах в рестораны и подобные им заведения. При расчете данного показателя учитывается оборот ресторанов, кафе, баров, столовых при предприятиях и учреждениях, а также организаций — поставщиков продукции общественного питания. Главными катализаторами нынешнего роста рынка общепита стали восстанавливающаяся потребительская уверенность граждан, рост доходов домохозяйств, а также стремительно нарастающий темп жизни населения, особенно в больших городах, буквально навязывающий культуру питания вне дома. В 2017 г. потребители стали постепенно возвращаться в рестораны и кафе. Те сети, которым удалось пережить кризис, начали активно развиваться и расширяться как в столице, так и в регионах. Ведущие тенденции в области общественного питания, заданные кризисом, продолжали действовать: более экономичной стала модель потребления, возросли требования к качеству продукта и сервиса, но самой большой популярностью, как и прежде, пользовались заведения фастфуда. При этом, несмотря на все перипетии, российский рынок общественного питания был все еще ненасыщенным и оставался довольно перспективным и привлекательным.

Анализ данных мониторинга выявил рост ежемесячных расходов российских домохозяйств по большинству статей бюджета на непродовольственные товары. Как уже отмечалось, в 2017 г. уровень потребительской несостоятельности россиян начал постепенно снижаться. Уже не наблюдалось такой, как в предыдущие кризисные годы, существенной экономии на крупных покупках, за исключением электроники и других дорогостоящих товаров длительного пользования (автомобиль, мебель, предметы интерьера, ювелирные изделия и т. п.).

Согласно данным RLMS-HSE, ежемесячные расходы российских домохозяйств на электробытовую технику и другие дорогостоящие товары длительного пользования в 2013 г. по сравнению с 2012 г. уменьшились на 12,2%, в 2014 г. по сравнению с 2013 г. — на 10,6% и в 2015 г. по сравнению с 2014 г. — еще на 33,3%. Но в 2016 г. после достаточно продолжительного периода сокращения был выявлен рост ежемесячных расходов домохозяйств на подобные товары, который составил 17%, за которым последовало резкое снижение в 2017 г. по сравнению с 2016 г. на 25%. После такого значительного спада расходы домохозяйств на эту группу товаров в 2017 г. оказались вдвое, а именно на 47,2%, ниже, чем в 2008 г., и даже на 3,7% ниже, чем в 2004 г.

Исследование выявило также снижение расходов домохозяйств на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. Если в 2015 г. по сравнению с 2014 г. они уменьшились на 12,3%, то в 2016 г. выросли на 3,7%, а в 2017 г. вновь снизились на 7,9%. Но, несмотря на отмеченные изменения, расходы на оплату обучения, выплаты по займам по своей величине продолжали занимать первую строку среди всех статей бюджета домохозяйств. По сравнению с 2008 г. они выросли в 1,7 раза, а по сравнению с 2004 г. — в 7,7 раза, что во многом

явилось результатом бурного роста рынка образовательных услуг в 2000-е годы. Причем особенно динамично развивался рынок репетиторских услуг, значительно увеличилась стоимость обучения на различных образовательных курсах, дополнительных занятий у репетиторов и преподавателей. Практически не сокращается и аудитория данного рынка. Все большей популярностью пользуются образовательные онлайн-технологии. При этом наиболее денежными сегментами здесь являются дополнительное профессиональное и высшее образование. В последние годы частные компании и крупные университеты предлагают огромное количество пользующихся все большим спросом онлайн-курсов по различным прикладным специальностям. Значительным и постоянно растущим сегментом здесь является также рынок частного школьного образования. Чаще всего школьники используют этот вид обучения, чтобы подготовиться к ОГЭ и ЕГЭ. Кроме того, постоянно увеличивается число россиян, проявляющих интерес к изучению языков.

Что касается рынка кредитования, то он в период кризиса находился в трудном положении. Россияне старались больше рассчитывать на собственные средства, не торопились обременять себя новыми кредитами, отказываясь от займов. Было отмечено увеличение числа россиян, не обращающихся в банки за займами, и одновременное сокращалось число тех, кто выплачивал сразу несколько кредитов. Закредитованность населения преимущественно обслуживала старые долги. А та категория граждан, которая могла бы без системных рисков для экономики брать кредиты и обслуживать свои долги, предпочитала дожидаться лучших времен и обходиться собственными средствами.

На фоне снижения расходов на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, особенно значительным выглядит рост расходов домохозяйств на услуги и отдых. Если в 2016 г. по сравнению с 2015 г. они выросли на 11,4%, то в 2017 г. – еще на 21,6%, занимая вторую строку среди статей бюджета домохозяйств. Однако даже после такого существенного роста эти расходы были на 3,5% ниже уровня 2008 г. Рассматривая представленные данные, важно учитывать, что в России доля платных услуг в структуре потребительских расходов меньше, чем в развитых западных странах и ряде развивающихся. Многие виды платных услуг складывались в 1990-е годы как часть потребления состоятельных слоев населения, и поэтому до сих пор рынок характеризуется высоким социальным неравенством.

Что касается расходов на отдых, то, как показывают исследования, в кризисный период большинство россиян были обеспокоены другими проблемами. За годы кризиса существенно увеличилось число россиян, которые вместо отелей, санаториев и домов отдыха проводили отпуск дома или на даче. Этот рост произошел как за счет молодых людей, ранее предпочитавших познавательный туризм и экскурсионные программы, так и за счет пожилых граждан, которые прежде отдыхали и лечились в санаториях. Хотя при этом нельзя не заметить, что в целом после 2013 г. численность отдыхающих в российских санаториях увеличилась за счет реализации социальных программ. Повышение массового интереса к пассивным видам отдыха было обусловлено падением во время кризиса доходов семей, а также ростом стоимости загранпоездов из-за девальвации рубля. Экономический кризис существенно нарушил режим труда и отдыха значительной части россиян. Но по

мере выхода из кризиса активность как внешнего, так и внутреннего туризма стала нарастать, о чем свидетельствует отмеченный выше рост расходов домохозяйств на услуги и отдых.

Данные мониторинга зафиксировали в 2017 г. очередное повышение ежемесячных расходов домохозяйств на топливо. В 2016 г. по сравнению с 2015 г. они увеличились на 12%, а в 2017 г. — еще на 9,9%, достигнув нового максимума. В 2017 г. эти расходы российских домохозяйств были более чем в 1,4 раза выше, чем в 2008 г. Данный рост был во многом обусловлен повышением цен на топливо. Так, дизельное топливо в 2017 г. подорожало почти на 20%, зимний дизель вырос в цене на 18,6%, летний — на 12,6%. Темпы роста потребительских цен на дизельное топливо в 2017 г. оказались максимальными за последние пять лет. Рост цен на бензин был менее существенным: АИ-92 за год подорожал на 9,5%, АИ-95 — на 7,2%. Но рекордную ценовую динамику показал топочный мазут: его стоимость в 2017 г. выросла почти на 45%, с большим запасом перекрыв значительное падение цены за два предыдущих года.

Длительная кризисная полоса обострила проблему оплаты жилья и коммунальных услуг. Согласно данным мониторинга, в 2016 г. ежемесячные расходы домохозяйств по данной статье выросли на 10,7%, а в 2017 г. — еще на 3,5%, в результате чего они достигли максимального значения за весь постсоветский период. Очень часто счета за жилищно-коммунальные услуги росли намного быстрее, чем доходы населения, опережая рост цен на другие товары и услуги, особенно когда инфляция опускалась до самых низких значений. Рост тарифов многие специалисты объясняют намеренными действиями властей, которые полагают, что небольшие, на их взгляд, повышения окажутся малозаметными для населения. В ряде регионов тарифы устанавливались с нарушением законодательства, что негативно сказывалось на социальном самочувствии населения.

Как известно, в последние годы федеральные власти продвигают так называемую умеренную тарифную политику, предполагающую в целях развития экономики и повышения доходов граждан рост коммунальных и энергетических тарифов не выше показателей средней инфляции. Но, несмотря на это, с молчаливого согласия местных властей сохраняется возможность увеличения платежей за жилищно-коммунальные услуги с большим опережением инфляции. В 2017 г., согласно правительственному прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации на 2017–2019 гг., тарифы на жилищно-коммунальное хозяйство планировалось поднять с 1 июля на 4,9%. Однако в действительности инфляция составила только 2,5%. В результате если в 2016 г. тарифы ЖКХ были увеличены лишь с небольшим отклонением от реального уровня инфляции, то в 2017 г. темп роста цен на эти услуги даже по официальным данным превысил инфляцию в два раза.

Согласно данным Росстата, больше всего тарифы на коммунальные услуги в 2017 г. выросли в сфере водоснабжения — на 5,5% на холодную и на горячую воду. Водоотведение и вовсе подорожало на 6,9%. Оплата жилья в домах государственного и муниципального жилищного фондов выросла на 7,6%, содержание и ремонт жилья для собственников жилья подорожали на 5,3%. Услуги по эксплуатации домов жилищных кооперативов (включая износ на капитальный

ремонт) стали дороже на 5,2%. При этом наблюдались большие региональные отличия. Наибольшее увеличение средних индексов роста коммунальных платежей с июля было в Москве — на 7%; Санкт-Петербурге, Якутии и на Камчатке — на 6%. Минимальные значения средних индексов были в Северной Осетии — Алании — 2,5%, в Алтайском крае — 3,2%, в Дагестане и Кабардино-Балкарии — по 3,3%. Выше, чем в большинстве других областей, возросли тарифы в Кемеровской области — на 5,9%, Тюменской области — на 5,4%, Приморском крае — на 5%, в Иркутской и Свердловской областях также на 5%.

В ходе анализа данных RLMS-HSE в 2017 г. второй год подряд было выявлено повышение ежемесячных расходов домохозяйств на одежду и обувь. Так, если в 2014 г. по сравнению с 2013 г. они сократились на 5,5% и затем в 2015 г. еще на 10,7%, то в 2016 г. эти расходы увеличились сразу на 15,8%, а в 2017 г. — на 4,3%. В целом в 2017 г. ежемесячные расходы домохозяйств на одежду и обувь, несмотря на двухгодичный рост, были на 13,6% меньше, чем в 2008 г. Что касается расходов на различные товары повседневного спроса, то они после увеличения в 2015 г. на 1,5% и в 2016 г. на 10,6% в 2017 г. выросли еще на 8,6%. После такого роста расходы домохозяйств на товары повседневного спроса оказались на 14,4% выше, чем в 2008 г.

Расходы обследуемых домохозяйств на табачную продукцию увеличились в 2017 г. по сравнению с 2016 г. на 5,5%, превысив прежний максимум. Но при этом темпы роста расходов домохозяйств на эту продукцию в 2017 г. были существенно ниже, чем в предыдущие годы. Так, в 2015 г. расходы домохозяйств на табак выросли почти на 10%, а в 2016 г. — на 22,1%. В целом за 2008—2017 г. расходы домохозяйств на эту продукцию выросли в 2,4 раза. Примечательно, что очередной рост расходов на табачные изделия был выявлен на фоне сокращения рынка табачной продукции, которое наблюдается на протяжении всех последних лет. В 2017 г. рынок сигарет просел на 19%. И это падение стало продолжением нескольких предыдущих лет. Сужение рынка было обусловлено несколькими причинами. Одной из них является реализация антитабачной программы в России, которая привела к снижению количества курильщиков. Другой причиной стал рост акцизов, который привел к удорожанию отечественной табачной продукции. Одним из негативных последствий такой политики стал рост табачной продукции на российском рынке из соседних стран, которым не нужно проходить обязательное таможенное оформление на границе. Необходимо также учитывать, что курильщики все активнее переходят на электронные сигареты и вайпы.

В 2017 г. было отмечено также увеличение расходов домохозяйств, предназначенных для сбережений, которые до того несколько лет снижались. Так, если в 2014 г. они уменьшились на 8,3%, в 2015 г. — на 6,9%, в 2016 г. — еще на 2,6%, то в 2017 г. был отмечен рост данных расходов на 5,4%. Но при этом в 2017 г. они все равно оставались почти на 11% ниже, чем в 2008 г. Рост сбережений может свидетельствовать о том, что россияне в условиях очень медленного выхода из кризиса не спешили отказываться от выжидательной позиции и предпочитали не увеличивать траты, а наращивать накопления.

На рис. 9 показаны долгосрочные изменения в общей структуре расходов обследованных домохозяйств.

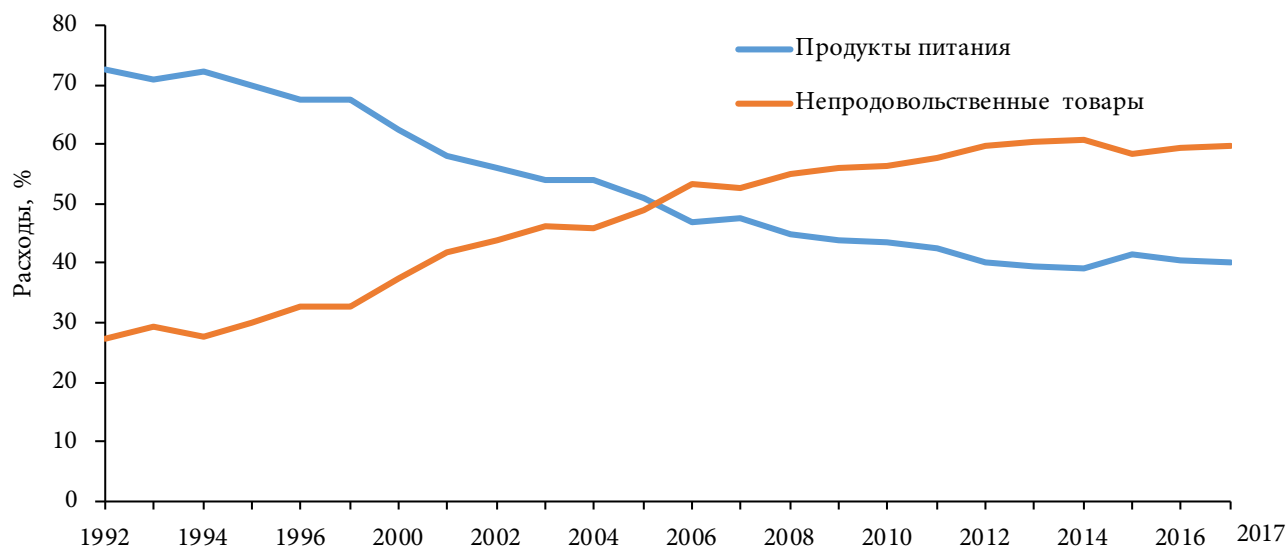

Рис. 9. Структура расходов: продукты питания и непродовольственные товары, 1992–2017 гг., %

На рисунке, в частности, хорошо видно, что после некоторого роста в 2015 г. в следующие два года наметилось снижение доли расходов домохозяйств на продовольствие¹. Так, за 2016–2017 гг. доля расходов российских домохозяйств на продукты питания уменьшилась на 1,3 п. п. — с 41,5 до 40,2%, т. е. до уровня межкризисного 2012 г. В то же время удельный вес расходов на непродовольственные товары вырос на 1,3 п. п. — с 58,5 до 59,8%. В результате этих изменений были частично восстановлены долгосрочные тенденции нарастания в структуре ежемесячных расходов российских домохозяйств доли расходов на непродовольственные товары и соответствующего сокращения удельного веса расходов на продовольствие, которые получили развитие еще в середине 1990-х годов. С 1992 по 2014 г. удельный вес расходов на продукты питания упал с 72,6 до 39,1%, т. е. в 1,9 раза. Одновременно доля расходов на непродовольственные товары не менее поступательно выросла с 27,4 до 60,9%. И только в очень сложном для населения кризисном 2015 г. эти тенденции были прерваны. Доля расходов российских домохозяйств на продукты питания увеличилась на 2,4 п. п. — до 41,5%, а доля расходов на непродовольственные товары снизилась на ту же величину — до 58,5%.

Более детальное представление о долгосрочных тенденциях в структуре ежемесячных расходов российских домохозяйств дают рис. 10–12, содержащие необходимый для этого подробный иллюстративный материал.

Из данных RLMS-HSE, приведенных на рис. 10, в частности, следует, что доля расходов на питание вне дома в бюджете домохозяйств, достигнув максимума в 2010 г., равного 4,7%, затем постепенно, но с некоторыми колебаниями, снизилась на 1,3 п. п. — до 3,4% в 2016 г. И только в 2017 г. она увеличилась до 3,9%.

¹ Средние по статьям расходов, представленные на рис. 9–12 и в таблице 7, получены путем расчета средних отдельно по каждой статье по всем домохозяйствам в выборке. Соотношение средних расходов, представленных в таблице 6, соответствует взвешенным средним данным долей в бюджете, где веса пропорциональны общим расходам домохозяйства. Расходы на одежду, электронику и другие товары длительного пользования учитывались за трехмесячный срок.

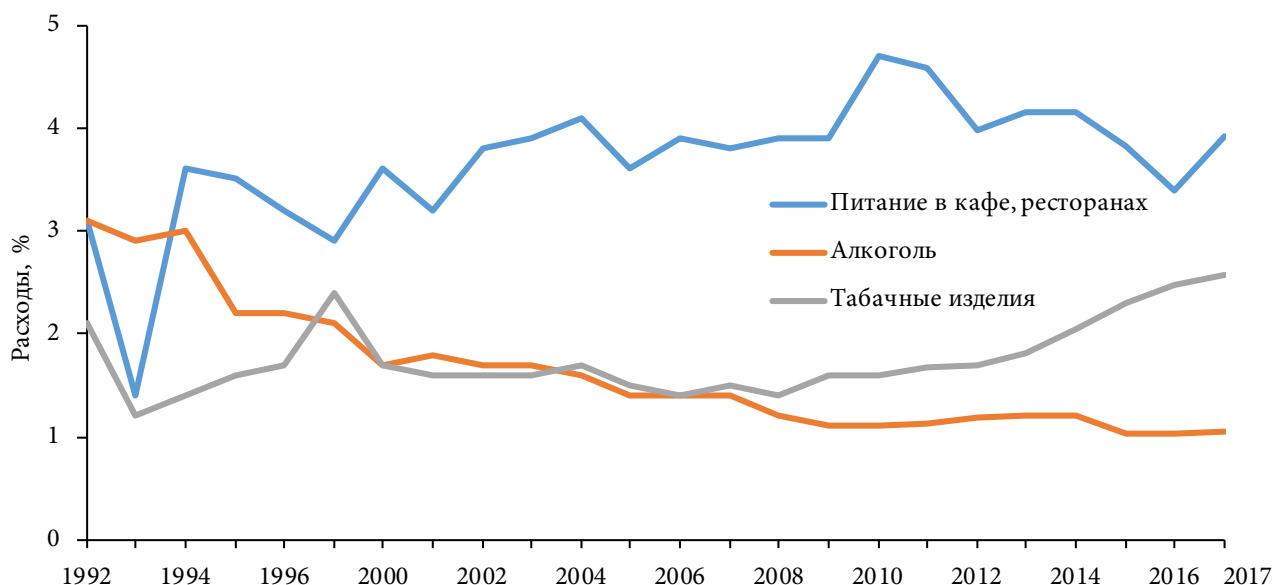

Рис. 10. Структура расходов: питание вне дома, алкоголь, табачные изделия, 1992–2017 гг., %

Более длительной и последовательной является тенденция роста весомости статьи расходов домохозяйств на табачные изделия: за 2008–2017 гг. она последовательно выросла почти вдвое — с 1,4 до 2,6%. Этот рост происходил на фоне дальнейшего сокращения рынка сигарет и повышения цен на табачные изделия. В то же время доля расходов домохозяйств на алкоголь в последние годы практически не менялась, составляя около 1%, что было намного меньше, чем в 1990-е годы, когда она достигала 2–3%. Если вести речь о наиболее длительных тенденциях, то можно заметить, что доля расходов домохозяйств на алкогольную продукцию постепенно снижалась с 1992 по 2009 г., но в дальнейшем менялась незначительно.

Анализ данных мониторинга, представленных на рис. 11, показывает, что среди расходов российских домохозяйств на непродовольственные товары особенно динамично растет доля расходов на услуги.

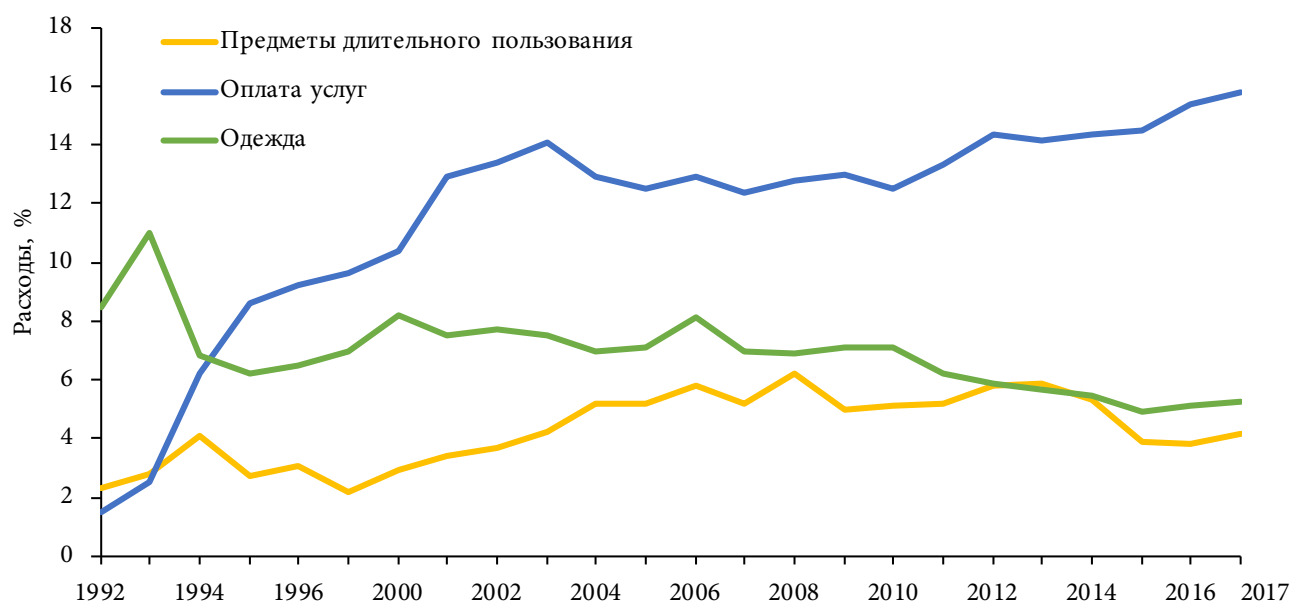

Рис. 11. Структура расходов: предметы длительного пользования, оплата услуг, одежда, 1992–2017 гг., %

С 1992 по 2003 г. доля расходов на услуги выросла с 1,5 до 14,1%, достигнув максимального значения. Затем с 2004 по 2010 г. она колебалась в пределах 12,5–13%. И наконец, с 2010 по 2017 г. эта доля расходов поступательно, год к году, выросла на 3,3 п. п. — с 12,5 до 15,8%, в том числе за последний год на 0,4 п. п. В то же время удельный вес расходов на одежду и обувь после сокращения за 2010–2015 гг. на 2,2 п. п. — с 7,1 до 4,9%, в следующие два года увеличился на 0,4 п. п. — до 5,3% в 2017 г.

Характерно, что доля расходов обследованных домохозяйств на электронику и другие товары длительного пользования достаточно последовательно росла только до 2008 г., достигнув 6,2%, но затем она была подвержена определенным колебаниям в пределах 5–5,8%. Во время последнего кризиса доля этих расходов упала до 3,8–3,9%. Но в 2017 г. произошел ее рост до 4,2%.

Исследование еще раз убеждает в том, что одной из наиболее серьезных нагрузок для бюджета российских домохозяйств остаются траты на содержание жилья. При этом, как следует из рис. 12, наиболее быстрыми темпами расходы домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг росли в 2000–2011 гг., когда их доля увеличилась в 2,3 раза — с 5,8 до 13,2%. С 2015 по 2016 г. доля этих расходов увеличилась на мизерную величину — с 13,1 до 13,2%, но в 2017 г. она вновь немного уменьшилась — до 13%, оставаясь между тем одной из наиболее значительных расходных статей. Что касается доли расходов российских домохозяйств на сбережения, то она с 2012 по 2016 г. уменьшилась более чем в полтора раза — с 4,4 до 2,9%, но в 2017 г. вновь увеличилась до 3,1%. Немного выросла за последний год также доля расходов домохозяйств на горючее, топливо — с 3,6 в 2016 г. до 4% в 2017 г., т. е. на 0,4 п. п. Но в целом изменения удельного веса расходов, которые используются домохозяйствами для оплаты горючего, а также пополнения сбережений и приобретения облигаций, были не особенно заметны на протяжении многих последних лет.

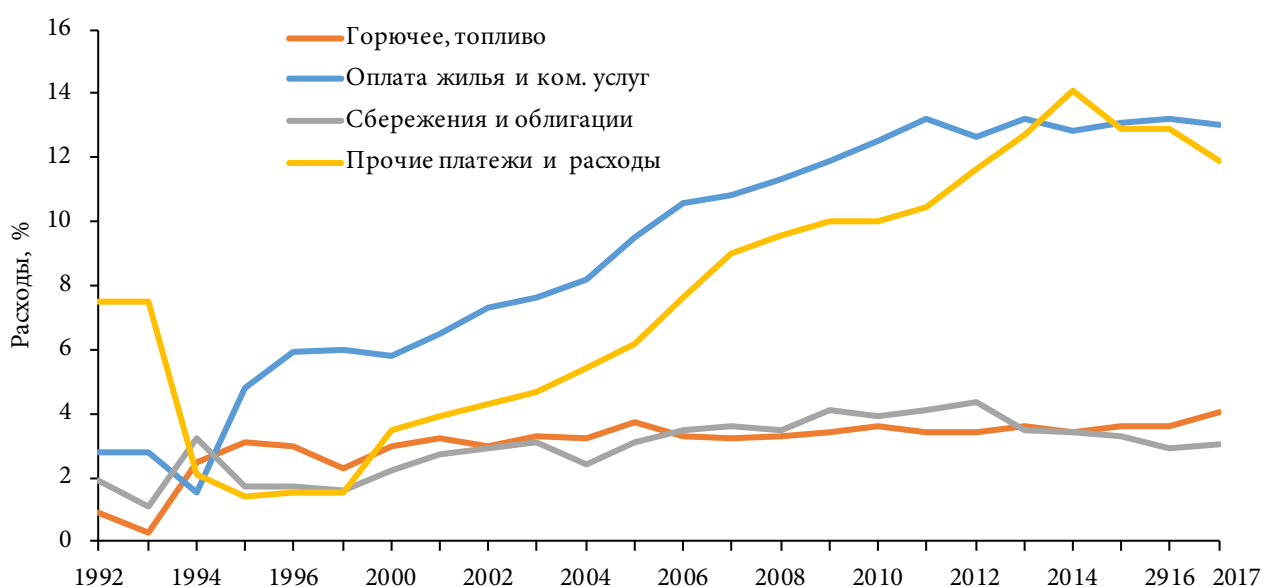

Рис. 12. Структура расходов: топливо, сбережения и облигации, оплата жилья и коммунальных услуг, прочие платежи и расходы, 1992–2017 гг., %

В таблице 7 представлены данные мониторинга о расходах российских домохозяйств из различных квинтилей распределения душевых расходов за декабрь 2017 г.

Таблица 7

Ежемесячные расходы домохозяйств по квинтилям распределения душевых расходов, декабрь 2017 г., в руб. декабря 2017 г.

Категории расходов	Квинтили душевых расходов				
	Нижний 20%	21–40%	41–60%	61–80%	Верхний 20%
Расходы на продукты питания					
Молочные продукты	1340	1866	2196	2522	2823
Мясо, птица, рыба	3256	4294	5235	6293	7029
Картофель	177	316	382	310	445
Хлеб	1334	1345	1399	1479	1495
Фрукты, овощи	801	1294	1723	2197	2753
Прочие продукты питания	2144	2856	3397	4156	4853
Питание в столовых, ресторанах, кафе	1219	2049	2468	2816	4631
Продукты домашнего изготовления	1229	1361	1554	2744	2739
Алкоголь	255	333	392	695	994
Всего расходов на продукты питания	11 754	15 715	18 745	23 212	27 763
Расходы на непродовольственные товары					
Табачные изделия	948	1133	1142	1511	1453
Одежда	1941	2566	3022	3940	5416
Горючее, топливо	1229	1754	2024	2998	4067
Электроника и др. товары длительного пользования	495	1048	1961	3375	14 351
Услуги и отдых	3226	4967	6906	9836	28 953
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	668	1925	4637	10 325	29 704
Оплата жилья и коммунальных услуг	3638	4742	5139	5707	6506
Акции, облигации	0	0	5	0	0
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	881	1126	1268	1530	1925
Сбережения	158	455	1341	2263	6053
Всего расходов на непродовольственные товары	13 184	19 716	27 444	41 486	98 428
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	24 939	35 433	46 192	64 702	126 194
Всего расходов на продукты питания, декабрь 2016 г., в руб. 2017 г.	10 908	15 366	17 503	21 222	25 330
Всего расходов на непродовольственные товары, декабрь 2016 г., в руб. 2017 г.	11 289	17 943	26 641	42 253	107 148
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары, декабрь 2016 г., в руб. 2017 г.	22 196	33 309	44 141	63 475	132 478

Данные демонстрируют снижение дифференциации домохозяйств по уровню расходов в годы, отмеченные глубоким экономическим кризисом. Так, если накануне последнего экономического кризиса в 2012–2013 гг. наиболее обеспеченные двадцать процентов домохозяйств тратили на продукты питания и непродовольственные товары в 7,5 раза больше, чем беднейшие двадцать процентов домохозяйств, то в 2014 г. эта разница уменьшилась до 7,4 раза, в 2015 г. — до 6,2 раза, в 2016 г. — до 6 раз, а в 2017 г. — до 5,1 раза. Довольно значительными остаются различия в величине расходов между самыми богатыми и всеми остальными российскими домохозяйствами. В частности, в 2014 г. расходы обследованных домохозяйств, принадлежащих к верхнему квинтилю, превышали расходы домохозяйств предыдущего четвертого квинтиля приблизительно в 2,4 раза, но в 2015 г. этот разрыв уменьшился до 2,1 раза и в 2016–2017 гг. не менялся.

Снижение дифференциации домохозяйств по уровню расходов происходит за счет опережающего роста расходов наименее обеспеченных домохозяйств. При этом если год назад рост расходов затронул домохозяйства, относящиеся ко всем анализируемым группам, то в конце 2017 г. только первые четыре. Четко прослеживалась тенденция, демонстрирующая сокращение темпов роста расходов по мере движения от нижнего квинтиля к верхним: с 12,4% в первом квинтиле до 1,9% в четвертом. А у домохозяйств самого верхнего квинтиля отмечено сокращение расходов на 4,7%. Структура потребительских расходов существенно менялась в зависимости от уровня доходов семей.

Если рассматривать более детальные и более длительные тенденции, выявленные в ходе анализа данных RLMS-HSE, то можно отметить, что расходы на продукты питания и непродовольственные товары у домохозяйств самого бедного квинтиля выросли в 2013 г. по сравнению с предыдущим годом на 4,5%, в 2014 г. — на 0,9%, в 2015 г. — на 2,1%, в 2016 г. — уже на 12,5%, а в 2017 г. — еще на 12,4%. У домохозяйств второго квинтиля эти расходы в 2013 г. увеличились на 3,8%, но в 2014 г. — сократились на 1,3%. В 2015 г. они увеличились на 2,3%, в 2016 г. вновь выросли на 7,7% и в 2017 г. — еще на 6,4%. У более обеспеченных домохозяйств третьего квинтиля расходы на продукты питания и непродовольственные товары увеличились в 2013 г. на 4,2%, в 2014 г. — на 2,1%, тогда как в 2015 г. они сократились на 5%, в 2016 г. вновь увеличились на 10,7%, а в 2017 г. выросли еще на 4,6%. У домохозяйств четвертого квинтиля в 2013 г. был отмечен рост расходов на 1%, в 2014 г. — на 3,2%, тогда как в 2015 г. было выявлено их сокращение на 5,1%, но в 2016 г. они опять выросли на 10,7%, а в 2017 г. — еще на 1,9%. И наконец, анализируемые расходы домохозяйств верхнего квинтиля в эти годы чаще всего снижались. В 2013 г. они сократились на 0,4%, в 2014 г. — на 1,4%, а в 2015 г. упали сразу на 13,6%. В 2016 г. был отмечен их рост, но только на 7,8%, что было существенно меньше, чем в беднейшем квинтиле. А в 2017 г. эти расходы вновь сократились на 4,7%, тогда как расходы домохозяйств четырех менее обеспеченных квинтилей выросли.

Данные таблицы 7 показывают, что в 2017 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили ежемесячно на питание приблизительно в 2,4 раза больше, чем домохозяйства нижнего квинтиля. Это было немного больше, чем 2,3 раза, зафиксированные в 2016 г., но меньше, чем 2,5 раза, установленные в 2012–2015 гг. Важно заметить, что в 2008–2009 гг. эта дистанция достигала 3,5 раза, а еще ранее

в 1998–2000 гг. — около 5–6 раз. Практически не меняется в последние годы величина разрыва в расходах на продукты питания между домохозяйствами самого верхнего квинтиля и домохозяйствами ближнего к нему четвертого квинтиля. В 2012–2017 гг. она составляла около 1,2 раза.

Дальнейший анализ показал, что двадцать процентов самых богатых домохозяйств расходуют на продукты питания намного больше, чем двадцать процентов беднейших домохозяйств, но по доле, которую занимают эти расходы в бюджете домохозяйств разных квинтилей, наблюдается противоположная картина. Причем за последние годы анализируемые различия изменились незначительно. Так, в бюджете домохозяйств нижнего квинтиля доля расходов на продовольствие выросла в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 1,8 п. п. (с 48 до 49,8%), но в 2016 г. она уменьшилась на 0,7 п. п. — до 49,1%, а в 2017 г. упала еще на 2 п. п. — до 47,1%. У домохозяйств второго квинтиля в 2015 г. по сравнению с 2014 г. был отмечен рост этой доли на 1,5 п. п. (с 44,8 до 46,3%), тогда как в 2016 г. выявлено ее уменьшение на 0,2 п. п. — до 46,1%, а в 2017 г. снова сокращение на 1,7% — до 44,4%. У домохозяйств третьего квинтиля после роста доли расходов на продукты питания в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 1,8 п. п. — с 40,5 до 42,3%, в 2016 г. было отмечено ее падение на 2,7 п. п. — до 39,6%, и в 2017 г. новое повышение на 1 п. п. — до 40,6%. У домохозяйств четвертого квинтиля с 2014 по 2015 г. доля этих расходов увеличилась на 1,5 п. п. — с 32,8 до 34,3%, но в 2016 г. уменьшилась на 0,9 п. п. — до 33,4%, а в 2017 г. вновь увеличилась на 2,5 п. п. — до 35,9%. И наконец, у домохозяйств самого верхнего, т. е. самого богатого квинтиля после роста доли расходов на продукты питания в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 3,1 п. п. — с 16,6 до 19,7%, в 2016 г. произошло снижение на 0,6 п. п. — до 19,1%, но в 2017 г. обозначился новый рост на 2,9 п. п. — до 22%.

Анализ данных мониторинга выявил в 2017 г. новый, но различный по величине, рост расходов на продукты питания у домохозяйств всех квинтилей. Так, если в 2014–2015 гг. расходы на продукты питания у домохозяйств первого и второго квинтилей уверенно снижались, но разными темпами (2014 г. — на 2,4 и 3% соответственно; 2015 г. — на 5,6 и 5,4%), то в 2016 г. они резко выросли — на 11 и 7,3% соответственно, а в 2017 г. увеличились еще на 7,8 и 2,3% соответственно. У домохозяйств третьего и четвертого квинтилей расходы на продукты питания в этот период только росли. В 2014 г. они увеличились на 4,2 и 2,4%; в 2015 г. — только на 0,7 и 0,8%, тогда как в 2016 г. — на 3,8 и 8%, а в 2017 г. — на 7,1 и 9,4% соответственно. Что касается домохозяйств верхнего квинтиля, то у них расходы на продукты питания в 2014 г. уменьшились на символические 0,1%, в 2015 г. они вновь снизились, но уже на 2,4%. И наконец, в 2016 г. эти расходы увеличились на 4,4%, а в 2017 г. — на 9,6%.

Как и в предыдущем году, изменения различий по отдельным статьям продовольственных расходов между домохозяйствами полярных квинтилей за последний год оказались незначительными. Так, если в 2008 г. разница в ежемесячных расходах на молочные продукты между двадцатью процентами самых богатых и двадцатью процентами самых бедных домохозяйств достигала 3,7 раза, то начиная с 2012 г. она из года в год оставалась на уровне 2,2–2,3 раза, а в 2016–2017 гг. — 2,1 раза. Аналогичный разрыв в расходах на мясо, птицу и рыбу уменьшился с 3,7 раза в 2008 г. до 2,8 раза в 2012 г. и далее составлял около

2,5–2,7 раза до 2016–2017 гг., когда эта разница сократилась до 2,2–2,3 раза. Что касается различий в расходах на картофель, то они в последние годы менялись более динамично. За 2008–2015 г. эта разница с некоторыми перепадами сократилась почти вдвое – с 5 до 2,7 раза, но в 2016 г. выросла до 4,5 раза, а в 2017 г. вновь уменьшилась до 2,5 раза. Дистанция в расходах на овощную продукцию и фрукты между домохозяйствами крайних квинтилей, сократившаяся за 2008–2015 гг. с 5,7 до 3,5 раза, в 2016 г. практически не изменилась, увеличившись до 3,6 раза, и в 2017 г. составила 3,4 раза. Одной из самых незначительных, как и прежде, в эти годы была разница между самыми богатыми и беднейшими домохозяйствами в расходах на хлебобулочную продукцию – лишь 1,1–1,2 раза. Примерно такой же оставалась до самого последнего времени дистанция в расходах этих домохозяйств и на продукты домашнего изготовления, которая в 2017 г., однако, выросла до 2,2 раза.

Разрыв в расходах на алкогольную продукцию между домохозяйствами полярных квинтилей на протяжении нескольких последних лет сокращался, но в 2015 г. это снижение прервалось. Так, с 2012 по 2014 г. данный разрыв стремительно уменьшился с 7,8 до 4 раз, но в 2015 г. он вновь увеличился до 4,2 раза и далее в 2016 г. – до 5,5 раза. В 2017 г. было выявлено новое снижение данного показателя до 3,9 раза. Во многом похожая картина наблюдалась и в отношении изменения разницы в расходах на питание вне дома между домохозяйствами противоположных квинтилей. С 2008 по 2015 г. эта дистанция сократилась вдвое – с 8,8 до 4,1 раза, но в 2016 г. она увеличилась до 4,5 раза, а в 2017 г. опять уменьшилась до 3,9 раза.

В 2017 г., как и во все предыдущие годы, у обследованных домохозяйств всех квинтилей первую строчку по величине расходов на продовольственные товары занимали траты на такие дорогие, но важные для сбалансированного рациона продукты, как мясо, птица и рыба. Но в то же время у домохозяйств четырех верхних квинтилей на второй строчке (исключая расплывчатую статью «прочие продукты питания») располагались расходы на питание вне дома, т. е. в ресторанах, кафе, барах, столовых и т. п., тогда как у домохозяйств первого квинтиля, не имеющих значительных доходов, второе и третье место принадлежало расходам на хлеб и молочные продукты. У домохозяйств практически всех остальных квинтилей, за исключением четвертого, на третьем месте оказались расходы на молочные продукты, тогда как у домохозяйств четвертого квинтиля – продукты домашнего изготовления. У домохозяйств четвертого квинтиля расходы на молочные продукты заняли четвертую строчку. Как и прежде, домохозяйства двух нижних квинтилей расходовали на хлебобулочную продукцию больше денег, чем на фрукты и овощи, тогда как у более состоятельных домохозяйств выявлена противоположная картина.

За последние годы заметно снизилось неравенство между богатыми и бедными домохозяйствами по уровню расходов на непродовольственные товары. Если за 2010–2012 гг. разница в расходах на непродовольственные товары между самыми состоятельными и беднейшими домохозяйствами выросла с 10,3 до 13,2 раза, то к 2015 г. она сократилась до 10 раз и далее в 2017 г. – до 7,5 раза. Разрыв в расходах на непродовольственные товары между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля в 2017 г. составил 2,4 раза, что было лишь немного меньше, чем 2,5 раза в 2016 г.

Как показали предыдущие опросы RLMS-HSE, после кризиса 2008–2009 гг. наблюдался рост расходов домашних хозяйств на непродовольственные товары. Эти расходы росли тем быстрее, чем были выше потребительские возможности домохозяйств. Но в дальнейшем ситуация существенно изменилась. Рост расходов замедлился во всех квинтилях, и наибольшим это замедление было у наиболее состоятельных домохозяйств. В 2015 г. во всех квинтилях была выявлена отрицательная динамика, нарастающая по мере перехода от бедных к более состоятельным и более богатым домохозяйствам. Однако в 2016 г. рост расходов на непродовольственные товары возобновился у домохозяйств всех квинтилей. В 2017 г. по сравнению с 2016 г. расходы на непродовольственные товары у домохозяйств первых трех квинтилей выросли (чем менее обеспеченными были домохозяйства, тем рост оказался выше), тогда как у домохозяйств двух верхних квинтилей снизились.

Если в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом расходы домохозяйств самого бедного квинтиля на непродовольственные товары увеличились на 4,1%, а в 2015 г. снизились на 1,5%, то в 2016 г. они вновь выросли, но уже на 14,2%, а в 2017 г. — еще на 16,8%. У домохозяйств второго квинтиля отрицательная динамика, наблюдавшаяся в течение 2014–2015 гг. (на 0,7% в 2014 г. и на 0,4% в 2015 г.), в 2016 г. также сменилась ростом на 8,1%. В 2017 г. этот рост оказался еще выше и составил 9,9%. У домохозяйств третьего квинтиля, после увеличения расходов на непродовольственные товары в 2014 г. на 0,7% и последующего снижения в 2015 г. на 8%, в 2016 г. был выявлен новый и весьма существенный рост на 15,8%. Однако в 2017 г. этот рост резко замедлился до 3%. Во многом схожая картина наблюдалась в четвертом квинтиле. Здесь после роста анализируемых расходов на 3,6% в 2014 г. и резкого спада на 7,3% в 2015 г. в 2016 г. было отмечено очередное увеличение на 12,2%, которое в 2017 г. сменилось небольшим спадом на 1,8%. И наконец, у двадцати процентов самых богатых домохозяйств расходы на непродовольственные товары последовательно сократились на 1,7% в 2014 г. и на 16,8% в 2015 г. В 2016 г. они выросли на 8,7%, но в 2017 г. опять упали на 8,1%.

В 2017 г. были выявлены очередные изменения, характеризующие различия в величине расходов на отдельные виды непродовольственных товаров между богатыми и бедными домохозяйствами. Их анализ показал, что, как и прежде, наибольшим остается разрыв между богатыми и бедными домохозяйствами в величине расходов на электронику и другие товары длительного пользования, но этот разрыв сократился, причем особенно существенно в 2017 г. Так, в течение последних лет эта разница колебалась в пределах 82–99 раз, но в 2016 г. она уменьшилась до 72 раз, а в 2017 г. резко упала до 29 раз. Дистанция в величине расходов на электронику и другие товары длительного пользования между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля в 2016 г. немного увеличилась, но в 2017 г. вновь сократилась. Так, с 2012 по 2015 г. эта дистанция последовательно уменьшилась с 9 до 5,9 раза. В 2016 г. она выросла до 6,4 раза, но в 2017 г. уменьшилась до 4,3 раза.

Расходы на электронику и другие дорогостоящие товары длительного пользования долгое время были самыми большими у домохозяйств с разным уровнем доходов и расходов. Но в последнее время ситуация существенно изменилась. В 2017 г. эти траты располагались на третьем месте у домохозяйств

верхнего квинтиля, на пятом месте у домохозяйств четвертого квинтиля, на шестом месте у домохозяйств третьего квинтиля и на одном из последних мест у домохозяйств первого и второго квинтилей.

Уже не первый год значительным остается разрыв в расходах богатых и бедных домохозяйств на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. Эти расходы сегодня составляют самую затратную статью семейного бюджета наиболее обеспеченных домохозяйств, относящихся к четвертому и пятому расходным квинтилям. Среди статей бюджета у домохозяйств третьего квинтиля они занимают второе место, у домохозяйств второго квинтиля – четвертое место, а у домохозяйств нижнего, т. е. самого бедного квинтиля, – одно из последних мест. При этом за последние годы разница в расходах домохозяйств, принадлежащих к полярным квинтилям, на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам заметно сократилась. Так, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. она упала с 56 до 47 раз, в 2016 г. осталась на прежнем уровне, а в 2017 г. уменьшилась до 45 раз. В 2017 г. домохозяйства самого богатого квинтиля превосходили по величине этих расходов домохозяйства четвертого квинтиля в 2,9 раза, что было немного больше, чем 2,5 раза, зафиксированные в 2017 г.

К наиболее затратным статьям бюджета российских домохозяйств относятся также расходы на услуги и отдых. Среди статей бюджета домохозяйств второго и третьего квинтилей они занимают первое место, а в бюджетах домохозяйств нижнего, четвертого и верхнего квинтилей они стоят на втором месте. Но в то же время разрыв в расходах на услуги и отдых между домохозяйствами противоположных квинтилей постепенно сокращается. С 2012 по 2017 г. он поступательно снизился с 13 до 9 раз. В 2017 г., как и годом ранее, домохозяйства верхнего квинтиля тратили на услуги и отдых в 3 раза больше, чем домохозяйства четвертого квинтиля.

К числу наиболее важных, но и наиболее болезненных для населения статей бюджета российских домохозяйств относятся расходы на оплату жилья и коммунальных услуг. У наименее обеспеченных домохозяйств, относящихся к первому квинтилю, эта статья расходов неизменно стоит, причем уже длительное время, на первом месте. До недавнего времени эта статья расходов была наиболее затратной и для домохозяйств второго квинтиля, но в 2017 г. переместилась на вторую позицию, уступив первенство расходам на услуги и отдых. У домохозяйств третьего квинтиля расходы на оплату жилья и коммунальных услуг поднялись с третьей на вторую позицию; у домохозяйств четвертого квинтиля, как и прежде, занимают третью строку, а у двадцати процентов самых богатых домохозяйств – четвертое место. В 2012 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на оплату жилья и коммунальных услуг в 2,4 раза больше, чем домохозяйства нижнего квинтиля. В 2013–2014 гг. эта разница сократилась до 2,2 раза, а в 2015 г. – до 2 раз и осталась такой же в 2016 г. Но в 2017 г. она вновь уменьшилась – до 1,8 раза. В 2017 г., как и годом ранее, домохозяйства самого богатого квинтиля тратили на оплату жилья и коммунальных услуг только в 1,1 раза больше, чем домохозяйства четвертого квинтиля.

Несмотря на то что бедные домохозяйства тратят на оплату жилья и коммунальных услуг меньше, чем богатые домохозяйства, такие расходы становятся для них очень часто слишком тяжелым или даже неподъемным грузом. В связи с этим следует заметить, что в 2017 г. домохозяйства беднейшего квинтиля

тратили на оплату жилья и коммунальных услуг более чем в 2 раза больше, чем на одежду и обувь; в 5,5 раза больше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам; в 7,3 раза больше, чем на оплату электроники и других товаров длительного пользования. И в то же время домохозяйства самого богатого квинтиля расходовали на эти цели в 4,6 раза меньше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам; в 4,5 раза меньше, чем на оплату услуг и отдых, и в 2,2 раза меньше, чем на оплату электроники и других товаров длительного пользования.

В 2017 г. величина расходов беднейших домохозяйств на покупку одежды и обуви опять приблизилась к величине соответствующих расходов самых состоятельных домохозяйств. С 2012 по 2015 г. разрыв в величине этих расходов между домохозяйствами полярных квинтилей сократился с 4,3 до 3,6 раза и в 2016 г. не изменился. Но затем в 2017 г. он вновь сократился до 2,8 раза. В 2017 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на одежду и обувь в 2,1 раза (2016 г. — в 2,5 раза) больше, чем домохозяйства второго квинтиля; в 1,8 раза (2016 г. — в 2 раза) больше, чем домохозяйства третьего квинтиля, и в 1,4 раза (2016 г. — в 1,5 раза) больше, чем домохозяйства четвертого квинтиля. Если в 2014 г. домохозяйства беднейшего квинтиля расходовали на покупку одежды и обуви в 4,2 раза больше, чем на приобретение электроники и других товаров длительного пользования, то в 2015 г. — в 6,8 раза больше, в 2016 г. — в 5 раз больше, а в 2017 г. — только в 3,9 раза больше. И в это же время домохозяйства самого обеспеченного квинтиля, наоборот, в 2017 г. тратили на покупку одежды и обуви в 2,6 раза меньше, чем на приобретение электроники и других товаров длительного пользования. Но это также было гораздо меньше, чем 5,2 раза, зафиксированные в 2014 г., или 3,9 раза — в 2015–2016 гг.

Разрыв в расходах на разного рода непродовольственные товары повседневного спроса (мыло, шампуни, игрушки, газеты, журналы и т. п.) между домохозяйствами, принадлежащими к крайним квинтилям, сократился с 2,7 раза в 2013–2014 гг. до 2,3 раза в 2015 г. и до 2,2 раза в 2016–2017 гг. В 2017 г., как и годом ранее, домохозяйства самого богатого квинтиля тратили на эти товары в 1,3 раза больше, чем домохозяйства четвертого квинтиля. Привлекает внимание и тот факт, что у домохозяйств беднейшего квинтиля расходы на сравнительно дешевые товары повседневного спроса уже не первый год оказываются выше, чем траты на дорогостоящую электронику и другие товары длительного пользования, а также на оплату обучения, на выплаты по займам, кредитам и страховым полисам.

В 2017 г. продолжилось сокращение разрыва между домохозяйствами полярных квинтилей в расходах на горючее, топливо. С 2008 по 2017 г. эта дистанция достаточно последовательно уменьшилась с 10 до 3,3 раза. В 2017 г. двадцать процентов самых обеспеченных домохозяйств тратили на топливо в 1,4 раза больше, чем беднейшие двадцать процентов домохозяйств. При этом в структуре расходов беднейших домохозяйств эти расходы занимали высокую третью позицию. Заметно снизилась также в 2017 г. разница в расходах домохозяйств, принадлежащих к полярным квинтилям, на табачную продукцию. С 2008 по 2015 г. она снизилась с 2,5 до 1,6 раза, в 2016 г. увеличилась до 1,9 раза, но в 2017 г. вновь сократилась до 1,5 раза. Если в 2015 г. домохозяйства самого бедного квинтиля тратили на табачные изделия в 3,7 раза больше, чем на электронику и другие предметы длительного пользования, то в 2016 г. — больше только в 2,6 раза, а в 2017 г. — больше всего

лишь в 1,9 раза. Кроме того, стоит обратить внимание на то, что в 2017 г. домохозяйства нижнего квинтиля расходовали на табачные изделия примерно столько же, сколько на покупку одежды и обуви, а также на приобретение различных товаров повседневного спроса; почти в 2 раза больше, чем на электронику и другие товары длительного пользования; в 2,4 раза больше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам.

Колоссальной оставалась дистанция в объемах средств, направляемых домохозяйствами, принадлежащими к полярным квинтилям, на сбережения. С 2014 по 2016 г. она выросла с 30 до 45 раз, но в 2017 г. немного сократилась – до 38 раз. В 2017 г. различия в объеме средств, предназначенных для сбережений, составляли между домохозяйствами верхнего квинтиля и ближайшего к нему четвертого квинтиля 2,7 раза.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о сложности преодоления довольно глубоких кризисных тенденций на потребительском рынке. Несмотря на некоторые позитивные сдвиги, наблюдалось преобладание у потребителей пессимистических настроений, а наиболее распространенной потребительской стратегией семей оставалась экономия на крупных покупках. Признаки восстановления доходов и роста расходов у одних групп населения соседствовали с сокращением у остальных граждан расходов на различные товары, развлечения, одежду и даже на образовательные и медицинские услуги. С одной стороны, наблюдалось увеличение количества домохозяйств, которые начали смелее тратить деньги. После долгого терпения люди стали раскованнее эмоционально и в поступках, начали выражать большую готовность платить за необходимые и качественные товары. Это оживление нередко было сопряжено с ростом потребительского кредитования. С другой стороны, интересы значительной части россиян в первую очередь были сосредоточены на удовлетворении первичных жизненных потребностей, а также на сохранении небольших средств, которые оказывались неиспользованными.

В то время когда расходы российских домохозяйств на продовольствие выросли, траты на непродовольственные товары сократились. Наиболее значительным оказался рост расходов на услуги и отдых. Легкую позитивную тенденцию показывали траты на одежду и обувь, топливо, табачные изделия, оплату жилья и коммунальных услуг. И в то же время значительно упали расходы на электронику и другие товары длительного пользования, оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. Россияне стали меньше покупать такие дорогие и наиболее ценные в любой диете продукты питания, как мясо, рыба, и больше потреблять картофеля и дешевых овощей – капусты, лука, моркови.

Динамика владения предметами длительного пользования

Данные мониторинга демонстрировали в 2017 г. очень скромное повышение уровня обеспеченности российских домохозяйств предметами длительного пользования. В основной своей массе продажи таких дорогих товаров увеличивались не столько за счет восстановления покупательской способности, сколько за счет роста интереса

потребителей к новым товарам в различных товарных и ценовых категориях, а также из-за предложений новых потребительских кредитных программ банков. Часть россиян была вынуждена покупать новые товары из-за необходимости замены устаревшей или вышедшей из строя за годы кризиса техники культурно-бытового назначения. Но хотя рынок товаров длительного пользования начал постепенно оживать, очень многие семьи еще не были готовы совершать крупные покупки. Значительная часть россиян так и не освоилась с обновляющейся экономической реальностью. Многие из тех, кто решался на такие крупные и дорогостоящие приобретения, очень часто отдавали предпочтение только недорогим или самым дешевым маркам товаров.

Как следует из таблицы 8, в прошедшем году некоторый рост уровня оснащенности российских домохозяйств предметами длительного пользования отмечен по большинству анализируемых групп товаров данной категории.

Таблица 8

Доля владеющих различными предметами длительного пользования
на момент проведения опроса, 1992–2017 гг., %

Предметы длительного пользования	Период сбора данных								
	1992	1998	2000	2004	2008	2012	2014	2016	2017
Черно-белый телевизор	53,7	34,5	29,8	13,4	–	–	–	–	–
Цветной телевизор	54,6	73,5	75,9	87,8	96,4	97,6	97,7	97,5	97,1
Видеомагнитофон	3,1	32,2	33,4	42,6	35,2	23,8	18,5	13,9	12,6
Компьютер	–	4,0	4,1	16,1	38,2	61,0	67,2	68,4	69,4
Легковой или грузовой автомобиль	16,5	24,8	26,3	27,8	34,5	41,6	44,1	45,2	45,1
Холодильник	93,0	92,4	93,3	94,6	–	–	–	–	–
Холодильник «No Frost»	–	–	–	–	35,0	51,1	57,1	61,7	62,9
Стиральная машина	76,6	78,5	79,1	80,4	–	–	–	–	–
Автоматическая стиральная машина	–	–	–	–	53,0	72,7	79,5	82,7	83,9
Дача*	17,8	30,9	30,4	27,1	24,4	24,1	23,4	23,4	23,6

*Дача означает садовый домик или дом в деревне, владение дачей учитывается только для городских домохозяйств.

При рассмотрении данных, представленных в таблице 8, бросается в глаза определенное снижение, хотя и чрезвычайно минимальное, уровня оснащенности российских домохозяйств автомобилями. Как показал анализ данных RLMS-HSE, доля домохозяйств, имеющих во владении легковой и/или грузовой автомобиль, после роста в предыдущем году на 1,1 п. п. в 2017 г. по сравнению с 2016 г. сократилась на 0,1 п. п. – с 45,2 до 45,1%. До этого обеспеченность домохозяйств автомобилями только увеличивалась. За кризисный период, охватывающий 2008–2016 гг., этот рост составил 10,7 п. п. – с 34,5 до 45,2%.

Примечательно и то, что если в 2016 г., как и годом ранее, рост количества домохозяйств – владельцев автомобилей происходил на фоне огромного падения продаж легковых автомобилей в России, то в 2017 г. стабилизация уровня обеспеченности домохозяйств автомобильной техникой сопровождалась усилением на протяжении всего года позитивных тенденций на рынке автопродаж.

Автомобильный рынок к концу года показывал уверенный и стабильный рост. В 2017 г. россияне купили около 1,6 млн новых автомобилей, что было почти на 12% больше, чем в 2016 г. Главными причинами этого роста стали стабилизация экономики, отложенный спрос и увеличение потребительского кредитования. По данным Национального бюро кредитных историй, доля автомобилей, приобретенных в кредит, по итогам 2017 г. составила 49%, а количество выданных автокредитов увеличилось на 29%. В 2017 г. на поддержку авторынка было выделено свыше 62 млрд руб. По оценке участников рынка, как минимум каждый третий проданный автомобиль приобретался с участием государственных программ поддержки¹. К позитивным импульсам можно было также отнести рост цен на нефть, повышающий доверие к проводимой государством экономической политике.

Практически не менялся на протяжении всех последних лет уровень обеспеченности российских семей малыми средствами передвижения: мотоциклами, мотороллерами, мопедами, квадрациклами, моторными лодками и т. д. По данным RLMS-HSE, на протяжении 2012–2017 гг. доля домохозяйств, владеющих такими средствами передвижения, составляла только около 3%. Очень медленно меняется в последние годы и уровень обеспеченности российских домохозяйств велосипедами. С 2012 по 2014 г. доля таких домохозяйств увеличилась с 21 до 22%, т. е. всего лишь на 1 п. п. И в дальнейшем количество домохозяйств, располагающих велосипедами, практически не менялось. Но в то же время наблюдался хорошо заметный рост числа граждан, имеющих велосипеды. Т. е. при неизменной доле домохозяйств, располагающих велосипедами, увеличилось количество членов семей, имеющих и пользующихся этими не особенно сложными, но эффективными и полезными для здоровья средствами передвижения. В последние годы все больше россиян рассматривают велосипед как наилучшее или очень удобное городское транспортное средство и отказываются, хотя бы на время, от автомобиля в пользу велосипеда.

Длительное время одной из наиболее устойчивых тенденций являлось постепенное сокращение количества российских домохозяйств, владеющих дачами, т. е. садовыми домиками или домиками в деревне (владение дачей учитывается только для городских домохозяйств). В целом с 1998 по 2015 г. удельный вес таких городских домохозяйств сократился на 7,7 п. п., или почти в полтора раза — с 30,9 до 23,2%. Во многом это было обусловлено тем, что на смену традиционным дачам стало приходиться более современное, дорогое и комфортабельное загородное жилье — коттеджи, таунхаусы и т. п. Однако в 2016 г. данная тенденция была прервана: доля городских домохозяйств в России, имеющих дачи, увеличилась на 0,2 п. п. — до 23,4%, а в 2017 г. — еще на 0,2 п. п. — до 23,6%. Это было лишь немного больше, чем в 2014 г. Такие минимальные изменения могут свидетельствовать о стабилизации данного показателя.

К позитивным фактам можно отнести постепенное, хотя и очень медленное, восстановление рынка техники культурно-бытового назначения, о чем свидетельствовал рост ее продаж, который связывался во многом с улучшением экономической ситуации и кредитованием. На фоне сокращения числа домохозяйств, имеющих в собственности такие морально и физически устаревшие предметы культурно-бытового назначения, как видеомаягнитофоны, наблюдалось увеличение доли домохозяйств, владеющих современными моделями бытовой

¹ См.: Грамматчиков А. Вновь на разгон // Эксперт. 2018. № 4. С. 56–59.

и другой техники. Отчасти это означало, что часть россиян перестала бояться таких крупных покупок, а значит, их потребительские настроения стали меняться в сторону большего оптимизма.

О развитии позитивных тенденций на рынке техники культурно-бытового назначения свидетельствует рост уровня обеспеченности домохозяйств современными холодильниками «No Frost» и автоматическими стиральными машинами. В 2016 г. по сравнению с 2017 г. доля домохозяйств, владеющих холодильником последнего поколения «No Frost», увеличилась только на 0,9 п. п., достигнув 61,7%. Эти темпы роста были одними из самых низких за все время наблюдений (примерно такими же, составляющими 1 п. п., они были в 2014 г.), в том числе вчетверо ниже, чем в предыдущем году — 3,7 п. п. Но в 2017 г. темпы этого роста увеличились до 1,2 п. п. В результате этого доля домохозяйств, имеющих холодильник «No Frost», выросла до максимальных 62,9%. В целом за 2008–2017 гг. доля таких домохозяйств увеличилась на 27,9 п. п., или в 1,8 раза.

Темпы повышения уровня обеспеченности домохозяйств автоматическими стиральными машинами в 2017 г. были аналогичны темпам роста уровня обеспеченности их современными холодильниками. С 2008 по 2017 г. этот уровень вырос с 53 до 83,9%, т. е. на 30,9 п. п., или в 1,6 раза. За последний год этот рост составил 1,2 п. п., что было немного меньше, чем 1,9 п. п. в 2016 г., и примерно столько же, сколько было в 2015 г.

Как уже отмечалось в предыдущих выпусках Вестника РМЭЗ НИУ ВШЭ, число домашних хозяйств, имеющих во владении один или несколько цветных телевизоров, уже достигло своего максимума и практически не менялось на протяжении нескольких последних лет. Доля таких домохозяйств росла наиболее высокими темпами в 1990-е годы, когда она выросла с 54,6% в 1992 г. до 75,9% в 2000 г., т. е. почти в полтора раза, или на 21,3 п. п. за 8 лет. К концу 2012 г. эта доля повысилась до 97,6% и затем практически не менялась. В 2017 г. доля российских домохозяйств, имеющих хотя бы один цветной телевизор, составила 97,1%, что было, однако, немного меньше, чем в 2012–2016 гг.

Уровень обеспеченности российских домохозяйств компьютерами к концу 2017 г. по сравнению с 2016 г. вырос на 1 п. п. — с 68,4 до 69,4%. Такими же были темпы этого роста в предыдущем году. В целом за 2008–2017 гг. доля домохозяйств, располагающих компьютерной техникой, выросла с 38,2 до 69,4%, т. е. на 31,2%, или в 1,8 раза.

Рост компьютеризации российских домохозяйств сопровождался увеличением числа граждан, пользующихся компьютерной техникой. Так, если в 2000 г. о пользовании компьютером в течение 12 месяцев, предшествующих опросу, в любых целях, включая печатание текстов, компьютерные игры, просмотр фильмов и т. п., сообщали только около трети респондентов в возрасте 14 лет и старше, то в 2017 уже 60,6%, что было на 1,5 п. п. больше, чем в предыдущем 2016 г.

Одновременно с увеличением числа граждан, пользующихся компьютерами, выросло число лиц, обращающихся к услугам Интернета. В 2017 г. о пользовании Интернетом в течение последних 12 месяцев сообщали 63,6% опрошенных взрослых россиян, что было на 2,1 п. п. больше, чем 61,5% в 2016 г. Такие темпы роста были существенно ниже, чем годом ранее, когда доля пользователей Интернетом выросла на 3,5 п. п. — с 58 в 2015 г. до 61,5% в 2016 г. При этом из числа

респондентов, обращавшихся к услугам Интернета в 2017 г., 85,4% пользовались ими для получения информации о новостях; 85,2% — для общения с другими людьми; 84,1% — для расширения кругозора, повышения своего культурного уровня; 83,9% — для получения различных справочных материалов; 78,5% — для развлечений, отдыха; 74,6% — для посещения сайтов социальных сетей; 44,2% — для работы; 42,1% — для покупок, получения товаров и услуг; 24,2% — для учебы.

Данные мониторинга об изменении уровня оснащенности семей и отдельных граждан различными гаджетами выглядят противоречиво. Так, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля взрослых россиян, владеющих планшетом и лично пользующихся им, увеличилась на 1,8 п. п. — с 7,5 до 9,3%, но в 2016 г. она снизилась на 0,3 п. п. — до 9%, а затем в 2017 г. вновь выросла на 1,6 п. п. — до 10,6%. Помимо граждан, которые владеют планшетом и лично им пользуются, есть немало людей, которые имеют планшет, но пользуются им несколько членов семьи. Доля респондентов, указавших, что они пользуются планшетом вместе с другими членами семьи, увеличилась с 4,8% в 2014 г. до 5,1% в 2015 г., т. е. на 0,3 п. п. В 2016 г. она выросла до 5,7%, т. е. на 0,6 п. п., но в 2017 г. уменьшилась на 0,9 п. п. — до 4,8%, т. е. до уровня 2014 г.

Кроме того, как показало исследование, в 2017 г. 20,3% опрошенных взрослых россиян имели в личном пользовании переносной компьютер (ноутбук, лэптоп, нетбук) и еще 25,2% респондентов располагали таким компьютером, находящимся в пользовании нескольких членов семьи.

Доля взрослых россиян, имеющих в личном пользовании смартфон, коммуникатор, айфон, увеличилась с 16,7% в 2014 г. до 21,3% в 2015 г., т. е. на 4,6 п. п. Но еще более существенным этот рост оказался в 2016 г., когда доля респондентов, владеющих такими гаджетами, выросла на 6,7 п. п. — до 28%. И далее в 2017 г. был зафиксирован очередной рост на 9,6 п. п. — до 37,6%. Но в то же время существенно сократилась доля взрослых граждан, которые являются владельцами указанных гаджетов, но пользуются ими все члены семьи. В 2014 г. она составила 0,6%; в 2015 г. — 0,7%, в 2016 г. — 1%, а в 2017 г. — всего лишь 0,3%.

Рост числа взрослых граждан, пользующихся смартфонами, коммуникаторами, айфонами, привел к сокращению числа лиц, пользующихся мобильными сотовыми телефонами. Согласно данным мониторинга, в 2015–2016 гг. имели мобильный сотовый телефон в личном пользовании 77,2% взрослых россиян в возрасте 14 лет и старше, а имели мобильный телефон, но пользовались им несколько членов семьи, — 0,9% респондентов. В 2017 г. доля респондентов, имеющих такой телефон в личном пользовании, сократилась на 13,1 п. п. — до 64,1%, тогда как доля тех, кто пользовался телефоном вместе с другими членами семьи, сократилась на 0,2 п. п. — до 0,7%.

Таким образом, в 2017 г. начали формироваться основы для более устойчивого роста потребительской активности россиян, который основывался на позитивных тенденциях в экономике и повышении доходов населения в период выхода из экономического кризиса. Далеко не все россияне стремились к экономии за счет отказа от крупных приобретений, а многие позволили себе даже больше покупок, чем планировали ранее. Часть семей стала больше тратить не от хорошей жизни, а потому что они просто не могли уже больше экономить. Многим пришлось потратиться на новую бытовую технику, что придало импульс росту потребления. В ходе исследования выявлен очередной рост уровня оснащенности российских домохозяйств различными предметами длительного пользования, в том числе холодильниками, автоматическими стиральными машинами последнего поколения,

компьютерами. Но в то же время остановился рост уровня обеспеченности домохозяйств легковыми и другими автомобилями. Значительная часть домохозяйств, проявляя осторожность, продолжала отказываться от крупных покупок.

Безработица, участие в рабочей силе и перемена места работы

В 2017 г. российский рынок труда восстанавливался, демонстрируя по мере выхода из кризиса некоторые серьезные изменения. К числу наиболее значимых тенденций, проявляющихся на рынке труда, можно было отнести начавшееся в предыдущем году снижение численности рабочей силы и появление признаков роста дефицита трудовых ресурсов. И можно было предположить, что в ситуации дальнейшего снижения численности трудовых ресурсов работодатели будут все в большей мере сталкиваться с нехваткой рабочей силы. Но, несмотря на отмеченные сдвиги, в конце года наблюдалась ситуация, характеризующаяся высоким уровнем занятости, а безработица находилась на приемлемо низком уровне.

В таблице 9 приводится подробная информация RLMS-HSE по безработице, работе без выплаты заработной платы и продолжительности безработицы в период с 1992 по 2017 г. В ней содержатся как данные по общей безработице (по определению BLS/ILO), так и сведения по скрытой безработице.

Таблица 9

Уровень безработицы среди экономически активного населения:
мужчины 18–60 лет; женщины 18–55 лет; 1992–2017 гг., %

Категории	Период сбора данных										
	1992	1998	2000	2002	2004	2008	2010	2012	2014	2016	2017
Уровень безработицы (по определению BLS/ILO)	5,6	10,8	8,4	6,9	6,9	5,0	6,1	5,1	4,8	4,7	3,5
Уровень безработицы, включая скрытую*	–	11,2	8,5	7,0	6,9	5,1	6,1	5,1	4,8	4,7	3,5
Уровень скрытой безработицы	–	0,5	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0
Доля работников, заявивших о невыплате им заработной платы в течение последних 30 дней	5,8	17,1	10,8	8,8	5,1	3,5	3,4	2,9	2,2	1,6	2,0
Длительность периода безработицы (исключая скрытую безработицу)											
Менее 1 месяца	–	5,4	9,0	6,8	11,4	13,4	9,6	12,6	13,3	10,2	10,6
1–3 месяца	–	20,6	15,8	20,9	20,1	20,5	19,7	22,3	20,3	22,1	20,6
Более 3 месяцев	–	74,0	75,3	72,3	68,5	66,2	70,7	65,1	66,5	67,7	68,7
Участие в рабочей силе	86,7	82,6	82,4	82,4	82,2	82,2	83,2	83,0	82,4	81,7	81,9
Доля работников, заявивших о смене места работы	–	9,9	11,2	13,1	12,9	11,3	11,8	12,1	11,6	9,5	9,2
Доля работников, заявивших о смене профессии	–	7,5	8,1	9,3	7,9	8,3	7,3	7,8	7,5	6,6	5,6

*«Скрытая безработица» определяется как нахождение в вынужденном неоплачиваемом отпуске без альтернативного заработка.

Из данных таблицы 9 видно, что в 2017 г. уровень безработицы в России продолжил снижение, начатое в предыдущем году. Если за 2014–2015 гг. доля экономически активного населения, не имеющего работы и ищущего работу, выросла на 1,5 п. п. — с 4 до 5,5%, то в 2016 г. был выявлен ее спад на 0,8 п. п. — до 4,7%, а в 2017 г. она резко снизилась еще на 1,2 п. п. — до 3,5%, достигнув рекордно низкого уровня за весь постсоветский период.

Что касается так называемой «скрытой безработицы», которая определяется в исследовании как нахождение в вынужденном неоплачиваемом отпуске без альтернативного заработка, то она в 2016 г., как, впрочем, и во многие предыдущие годы, практически отсутствовала. Поправки на скрытую безработицу играли весьма существенную роль только в первые несколько лет проведения экономических и социальных реформ в России, а в более поздние годы проведения опросов RLMS-HSE они были несущественны, что в определенной мере свидетельствовало об оздоровлении ситуации на рынке труда. Как известно, скрытая безработица, являясь своеобразным амортизатором, препятствующим развитию массовой безработицы в условиях неразвитого рынка труда, выступает в то же время формой неэффективного использования трудовых ресурсов. Она существенно затрудняет выход экономики из кризиса, формирование эффективной занятости, рост производительности труда и его оплаты, замедляет процесс перемещения трудовых ресурсов в перспективные отрасли, а также усиливает имущественное расслоение населения.

Кроме общих сведений об уровне безработицы в таблице 9 приведены также данные RLMS-HSE относительно длительности периодов безработицы (исключая скрытую безработицу). Эти данные показывают, что в структуре безработицы в течение 2017 г., как и в предыдущие несколько лет, существенных изменений не произошло. Можно лишь обратить внимание на очередной, хотя и небольшой, рост длительной безработицы, продолжительностью более трех месяцев. В декабре 2017 г. по сравнению с декабрем 2016 г. ее доля выросла на 1 п. п. и составила 68,7%. Но в целом за 2012–2017 гг. длительная безработица увеличилась на 3,6 п. п. — с 65,1 до 68,7%. Доля краткосрочной безработицы (продолжительностью до одного месяца) за последний год увеличилась всего лишь на 0,4 п. п. — с 10,2% в декабре 2016 г. до 10,6% в декабре 2017 г., а доля среднесрочной безработицы (продолжительностью от одного до трех месяцев) сократилась — с 22,1 до 20,6%, т. е. на 1,5 п. п. Более значительными различия в структуре безработицы были только в 1990-х годах, когда разрыв между долгосрочной и краткосрочной безработицей достигал максимальной величины. Так, в 1998 г. на долю долгосрочной безработицы приходилось 74%, тогда как на долю краткосрочной — только 5,4%.

На рис. 13 представлены данные RLMS-HSE, которые демонстрируют динамику уровня безработицы (официальной и скрытой) отдельно для мужчин и для женщин за 1992–2017 гг. График показывает, что на протяжении многих лет различия в уровне безработицы между мужчинами и женщинами проявляются только при сопоставлении данных об официальной безработице, тогда как сведения по скрытой безработице настолько малы, что выявить какие-либо существенные различия не представляется возможным.

Рис. 13. Уровень безработицы среди мужчин и женщин, 1992–2017 гг., %

Из данных, представленных на рис. 13, видно, что если в 2014–2015 гг. уровень безработицы как среди мужчин, так и среди женщин повышался, то в 2016–2017 гг. — только снижался. Причем в 2016 г. темпы сокращения безработицы среди мужчин были выше, чем среди женщин, тогда как в 2017 г. наблюдалась противоположная картина. Так, с декабря 2015 по декабрь 2016 г. официальная безработица среди мужчин сократилась с 5,4 до 4%, т. е. на 1,4 п. п., в то время как среди женщин она оставалась на одном и том же уровне, равном 5,7%. Однако в декабре 2016 г. было выявлено снижение уровня безработицы среди мужчин только на 0,6 п. п. — до 3,4%, в то время как среди женщин — на 2 п. п. — до 3,7%. В результате этих изменений в 2017 г. уровень безработицы среди женщин стал превышать уровень безработицы среди мужчин на 0,3 п. п., что было существенно меньше 1,6 п. п. в 2016 г.

По данным Росстата, численность рабочей силы (экономически активного населения) в возрасте 15 лет и старше в декабре 2017 г. составила 76,5 млн человек, или 52% общей численности населения страны. В численности рабочей силы 72,6 млн человек классифицировались как занятые экономической деятельностью и 3,9 млн человек не имели занятия, но активно его искали (в соответствии с методологией Международной Организации Труда они классифицируются как безработные). Уровень занятости населения в возрасте 15 лет и старше сложился в размере 59,7%, уровень безработицы — 5,1%. Важно заметить, что до 2017 г. обследовалось население в возрасте 15–72 лет. В связи с этим следует указать, что, исходя из этих условий, численность рабочей силы после довольно продолжительного стабильного периода 2008–2016 гг. сократилась на полмиллиона человек. Это вполне ожидаемое изменение было вызвано старением населения, которое наблюдается в России уже продолжительное время. Численность населения в трудоспособном возрасте (мужчины 16–59 лет, женщины — 16–54 года) уменьшается с 2006 г. и к 2017 г. снизилась на 7,8%. В декабре 2017 г. численность рабочей силы в возрасте

15–72 лет составила 76,3 млн человек (декабрь 2016 г. – 76,9 млн человек, или 52% общей численности населения страны). Из них 72,4 млн человек (декабрь 2016 г. – 72,8 млн человек) классифицировались как занятые экономической деятельностью и 3,9 млн человек (декабрь 2016 г. – 4,1 млн человек) – как безработные с применением критериев МОТ (т. е. не имели работы или доходного занятия, искали работу и были готовы приступить к ней в обследуемую неделю). Уровень безработицы (отношение численности безработных к численности рабочей силы) в декабре 2017 г. составил (без исключения сезонного фактора) 5,1% (в декабре 2016 г. – 5,3%). Уровень занятости населения (отношение численности занятого населения к общей численности населения в возрасте 15–72 лет) в декабре 2017 г. составил 65,8%. Численность безработных в декабре 2017 г. по сравнению с декабрем 2016 г. уменьшилась на 226 тыс. человек (в декабре 2016 г. по сравнению с декабрем 2015 г. уменьшилась на 322 тыс. человек, или на 7,3%).

Общая численность безработных, классифицируемых в соответствии с критериями МОТ, в 5 раз (декабрь 2016 г. – 4,6 раза) превысила численность безработных, зарегистрированных в органах службы занятости населения. В конце декабря 2017 г. в органах службы занятости населения состояло на учете в качестве безработных 776 тыс. человек, что было на 13,3% меньше по сравнению с декабрем 2016 г. (в декабре 2016 г. состояло 895 тыс. человек, что было на 10,6% меньше по сравнению с декабрем 2015 г.).

Среди безработных (по методологии МОТ) доля женщин в декабре 2017 г. составляла 46,8% (декабрь 2016 г. – 48,3%), городских жителей – 64,4% (декабрь 2016 г. – 64,2%), молодых людей в возрасте до 25 лет – 21,7% (23,3%), лиц, не имеющих опыта трудовой деятельности – 25,3% (декабрь 2016 г. – 24,6%). Уровень безработицы среди сельских жителей (декабрь 2017 г. – 7,7%; декабрь 2016 г. – 8,1%) превышал уровень безработицы среди городских жителей (4,3 и 4,5% соответственно). В декабре 2017 г. среди безработных доля лиц, оставивших прежнее место работы в связи с высвобождением или сокращением численности работников, ликвидацией предприятия, организации или собственного дела, составляла 14,6%, а в связи с увольнением по собственному желанию – 28,2% (в декабре 2016 г. 17 и 25,4% соответственно). Самый низкий уровень безработицы отмечается в Центральном федеральном округе (декабрь 2017 г. – 3,1%; декабрь 2016 г. – 3,3%), а самый высокий – в Северо-Кавказском федеральном округе (11,3 и 11,2% соответственно).

Подобные данные убеждают, что средний по стране показатель не отражает всей глубины перекосов, которые существуют в регионах. Одной из основных причин высокого уровня безработицы в ряде субъектов Российской Федерации является отсутствие там квалифицированных кадров. При этом территории с высоким уровнем безработицы относятся к регионам с наиболее серьезной и опасной ситуацией на рынке труда. Там шире неформальный сектор экономики, людям намного сложнее найти работу и выше уровень бедности. Повышенный уровень безработицы приводит к очень болезненным последствиям для регионов, выступая одним из факторов снижения уровня жизни и роста социальной напряженности.

Дальнейший анализ данных RLMS-HSE показал, что в 2017 г. проблема долгов по заработной плате продолжала беспокоить только небольшую часть работающих граждан и их семей. Но при этом доля работников, заявивших о невыплате им заработной платы в течение последних 30 дней, увеличилась с 1,6% в 2016 г. до

2% в 2017 г., т. е. на 0,4 п. п. Таким образом, в 2017 г. была прервана долговременная позитивная тенденция, берущая начало еще в 1990-х годах, демонстрирующая ослабление проблемы, связанной долгами по заработной плате. Так, если с 1992 по 1996 г. доля таких работников выросла почти в 4 раза — с 5,8 до 21,4%, то к концу 2016 г. она поступательно сократилась более чем в 13 раз, достигнув минимального значения.

Две нижние строки таблицы 9 демонстрируют величины оборота рабочей силы и профессиональной мобильности. Из них, в частности, следует, что в 2016 г. только 9,2% (2016 г. — 9,5%) работающих россиян сообщили, что сменили свое место работы, а 5,6% (2016 г. — 6,6%) занятых указали, что поменяли свою профессию. В результате этих изменений доли работников, заявляющих о смене места работы и профессии, снизились до нового минимума. В целом за 2002–2017 гг. доля работников, заявивших о смене места работы, поступательно сократилась на 3,9 п. п. — с 13,1 до 9,2%. В то же время доля работников, заявивших о смене профессии, за эти же годы сократилась на 3,7 п. п. — с 9,3 до 5,6%, что свидетельствовало о снижении уровня профессиональной мобильности в стране на протяжении длительного периода.

Анализ данных мониторинга, представленных в таблице 9, которые характеризуют изменения уровня участия в рабочей силе (отношение численности рабочей силы к общей численности взрослого населения, выраженное в процентах), свидетельствует о постепенном снижении данного показателя в самые последние годы. Начиная с 1998 г. показатель участия в рабочей силе колебался в границах узкого коридора значений, но начиная с 2010 г. он начал понемногу уменьшаться. За этот период он сократился на 1,5 п. п. — с 83,2 в 2010 г. до 81,7% в 2016. И только в 2017 г. был отмечен небольшой рост на 0,2 п. п. — до 81,9%.

На рис. 14 представлены данные RLMS-HSE, характеризующие участие в рабочей силе мужчин и женщин трудоспособного возраста (имеющих работу и ищущих ее).

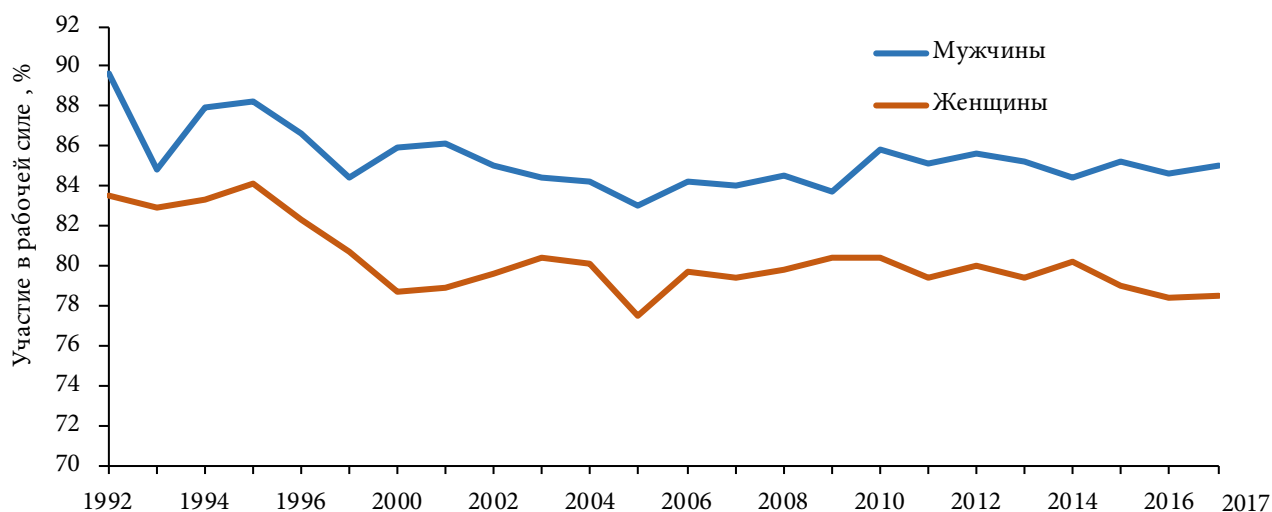

Рис. 14. Участие в рабочей силе населения работоспособного возраста (имеющих работу или ищущих ее), 1992–2017 гг., %

Данные рис. 14 свидетельствуют о небольшом росте в 2017 г. показателя участия в рабочей силе в отношении как мужчин, так и женщин. Если в 2016 г. по сравнению с 2015 г. коэффициент участия в рабочей силе у мужчин уменьшился на 0,5 п. п. — с 85,2 до 84,7%, то в 2017 г. по сравнению с 2016 г. он вырос на 0,3 п. п. — до 85%. В то же время у женщин в 2016 г. по сравнению с 2015 г. было выявлено снижение данного показателя на 0,6 п. п. — с 79 до 78,4%. В 2017 г. коэффициент участия в рабочей силе у женщин практически не изменился, увеличившись на минимальные 0,1 п. п., — до 78,5%. В результате этих изменений разрыв между мужчинами и женщинами по данному показателю увеличился с 6,3 п. п. в 2016 г. до 6,5 п. п. в 2017 г., достигнув одного из самых больших значений.

На рис. 15 приведены сведения RLMS-HSE о занятости мужчин и женщин, получающих пенсию, подавляющее большинство которых составляют люди пожилого возраста. Как показывает анализ, среди пенсионеров, продолжающих трудиться, почти с одинаковой вероятностью можно встретить как специалистов высшего уровня квалификации, получающих довольно высокую зарплату, так и неквалифицированных рабочих с низкими заработками. Низкие пенсии вынуждают многих пенсионеров трудиться даже за небольшое вознаграждение, не предъявляя особых претензий, что выгодно работодателям. Гораздо реже причинами продолжения трудовой деятельности становятся желание избежать одиночества и стремление чувствовать свою значимость.

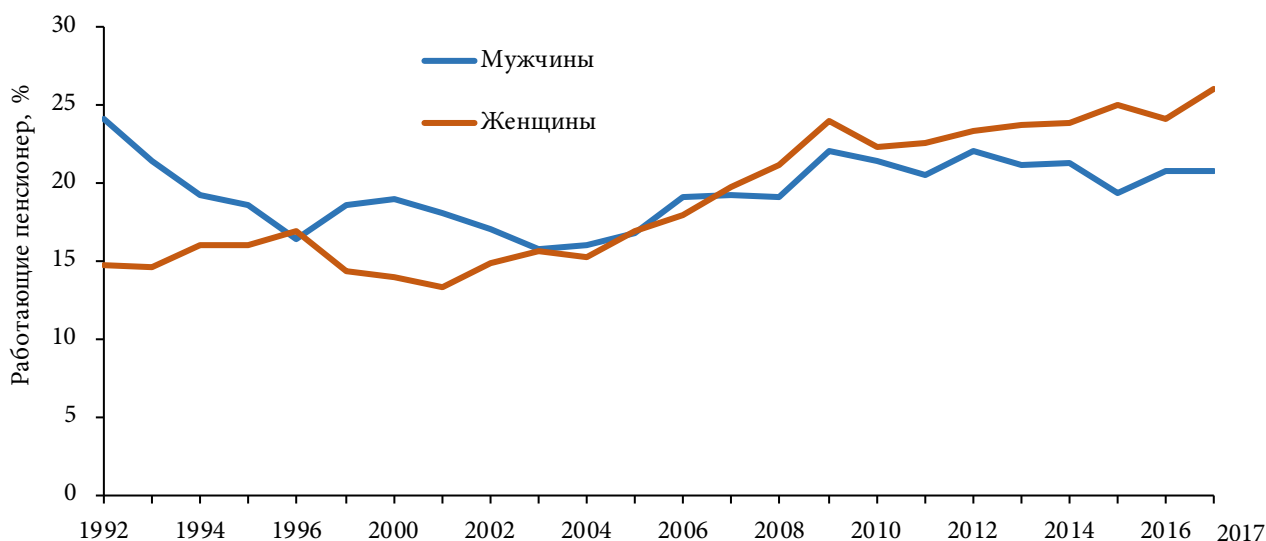

Рис. 15. Доля работающих пенсионеров, 1992–2017 гг., %

Как следует из данных, представленных на рис. 15, за последний год уровень занятости у пенсионеров обоего пола повысился, причем более существенно у женщин-пенсионеров. Так, доля занятых среди мужчин-пенсионеров с 2015 по 2016 г. выросла на 1,4 п. п. — с 19,3 до 20,7%, и далее в 2017 г. увеличилась еще на 0,1 п. п. — до 20,8%. В то же время доля занятых среди женщин-пенсионеров с 2015 по 2016 г. уменьшилась на 0,9 п. п. — с 25 до 24,1%, но в 2017 г. она вновь выросла на 1,8 п. п. — до 25,9%, достигнув абсолютного максимума за все время наблюдений. В целом с 2001 г., когда уровень занятости женщин-пенсионеров был минимальным, по 2017 г. доля занятых среди них выросла почти вдвое, или

на 12,6 п. п. – с 13,3 до 25,9%. В 2017 г. разрыв в уровне занятости между женщинами-пенсионерами и мужчинами-пенсионерами достиг 5,1 п. п., что было лишь немного меньше 5,7 п. п. в 2015 г.

Таким образом, в 2017 г. безработица в России находилась на рекордно низком для постсоветского периода уровне. В результате оживления экономической активности рынок труда начал функционировать в условиях, приближающихся к дефициту. Можно даже было говорить об определенном насыщении или переизбытке, а не о нехватке рабочей силы в стране. Но в то же время были регионы, в которых уже много лет наблюдался дефицит рабочих мест и безработица сохранялась на достаточно высоком уровне. При этом безработица среди женщин была выше, чем среди мужчин. Более высокую заинтересованность в сохранении работы и продолжении трудовой деятельности среди населения трудоспособного возраста демонстрировали мужчины, тогда как среди пенсионеров – женщины.

Рассмотренные проблемы, несмотря на их фрагментарность, исключительно важны для понимания ключевых условий, в которых наша экономика будет существовать в ближайшие годы, и перспектив осуществления структурных реформ. Речь идет прежде всего о путях повышения экономической активности населения, росте мобильности на рынке труда, снижении уровня структурной безработицы, значительном увеличении продолжительности активной жизни, снижении количества и длительности временных периодов нетрудоспособности и др.

Некоторые другие социально-экономические аспекты

Далее представлены данные мониторинга, позволяющие прояснить ряд важных вопросов, характеризующих изменение уровня жизни россиян. К ним относятся сведения о невыплатах заработной платы, пенсионных выплатах, гендерных различиях в размере и источниках заработков, задолженности по квартплате и оплате коммунальных услуг.

Невыплаты заработной платы

Невыплаты заработной платы как сложная и чрезвычайно беспокойная проблема, касающаяся значительной части занятого населения, не воспринимается в настоящее время как нечто ужасное, тянущееся из 1990-х годов, когда с ней действительно сталкивались две трети работников. Но и сегодня, несмотря на несопоставимый масштаб, эта проблема ощущается как серьезная угроза, поскольку затрагивает жизненно важные интересы многих работников и их семей и является источником серьезных конфликтов. В разных регионах страны до сих пор имеются предприятия, в том числе и крупные, градообразующие, работники которых годами добиваются погашения многомиллионных долгов по заработной плате. Наличие подобных ситуаций свидетельствует о низком уровне социальной защищенности российских работников.

По данным RLMS-HSE, за последний год число работников, имеющих какую-либо задолженность по заработной плате на основной работе, не изменилось, тогда как суммы этой задолженности увеличились. Как следует из рис. 16, если

с 2015 по 2016 г. доля работников, не полностью получающих заработную плату, уменьшилась на 0,2 п. п. — с 2,8 до 2,6%, то в 2017 г. она осталась прежней, т. е. на минимально низком уровне за все время наблюдений.

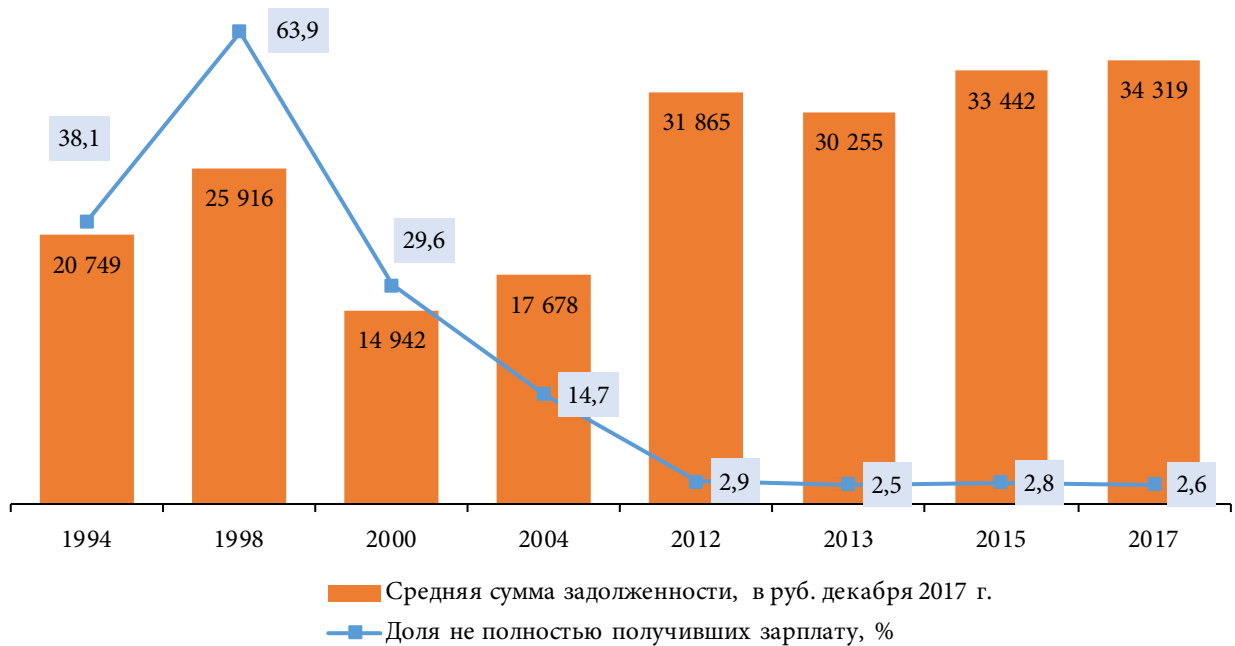

Рис. 16. Невыплаты заработной платы основным работодателем трудоспособному населению, 1994–2017 гг.

Несмотря на то что число работников, не полностью получающих заработную плату, за год практически не изменилось, сроки задолженности по заработной плате у существенной части этих работников немного увеличились. Об этом свидетельствуют данные таблицы 10 о распределении работников, которым задерживалась заработная плата, по сроку задолженности.

Данные, в частности, показывают, что в 2017 г. по сравнению с 2016 г. доля работников, которым зарплата задерживалась на 1 месяц и менее, уменьшилась с 76,9 до 66,7%, тогда как доля тех, кому зарплата задерживалась на 1–2 месяца, выросла с 9,2 до 22,1%. Отмечено также сокращение с 7,2 до 3,2% доли работников, которым зарплата задерживалась на 2–3 месяца, и увеличение доли лиц, которым зарплата задерживалась на срок более 3 месяцев. Примечательно, что годом ранее наблюдались противоположные тенденции, свидетельствующие о сокращении сроков задолженности по заработной плате. Об этом свидетельствовало, прежде всего, существенное увеличение в 2016 г. по сравнению с 2015 г. доли опрошенных работников, которым зарплата задерживалась на 1 месяц и менее, и увеличение удельного веса тех, кому зарплата задерживалась на большие сроки.

Тенденции, характеризующие изменения в распределении работников, которым задерживалась заработная плата, по сроку задолженности, во многом схожи с тенденциями изменения средней суммы задолженности по заработной плате. Так, в 2016 г. по сравнению с 2015 г. средняя сумма задолженности по заработной плате уменьшилась на 6,4%, тогда как в 2017 г. она вновь увеличилась на 9,6%.

Таблица 10

Невыплаты зарплаты основным работодателем трудоспособному населению*, 1994–2017 гг.

	Доля не полностью получивших зарплату, %	Распределение работников по сроку задолженности, %				Средняя сумма задолженности (если имеется), в руб. декабря 2017 г.
		1 месяц и менее	1–2 месяца	2–3 месяца	Больше 3 месяцев	
1994						
Мужчины	40,3	35,6	29,6	16,9	18,0	26 959
Женщины	35,8	41,6	25,4	14,9	18,1	13 905
Всего работников	38,1	38,3	27,7	16,0	18,0	20 749
1998						
Мужчины	65,1	19,4	19,3	18,7	42,6	34 737
Женщины	62,8	21,2	21,0	17,0	40,7	17 870
Всего работников	63,9	20,3	20,2	17,8	41,7	25 916
2000 г.						
Мужчины	33,1	38,0	18,9	10,8	32,4	18 086
Женщины	25,9	46,3	21,8	9,1	22,8	10 769
Всего работников	29,6	41,5	20,1	10,1	28,3	14 942
2004						
Мужчины	16,8	42,1	26,9	12,9	18,1	20 755
Женщины	12,6	54,0	22,7	13,2	10,1	13 773
Всего работников	14,7	47,2	25,1	13,0	14,7	17 678
2012 г.						
Мужчины	3,6	56,3	18,4	10,8	14,5	35 360
Женщины	2,1	50,8	13,5	16,7	19,0	25 098
Всего работников	2,9	54,5	16,8	12,8	16,0	31 865
2015						
Мужчины	3,1	52,8	26,6	10,3	10,3	38 245
Женщины	2,5	64,5	19,8	8,9	6,8	25 747
Всего работников	2,8	57,6	23,8	9,7	8,9	33 442
2016 г.						
Мужчины	3,1	76,9	9,2	7,2	6,7	37 599
Женщины	2,1	80,2	7,0	3,2	9,6	21 239
Всего работников	2,6	78,2	8,3	5,6	7,8	31 312
2017						
Мужчины	3,3	66,2	22,1	3,2	8,5	39 440
Женщины	1,9	67,6	11,7	5,4	15,3	36 973
Всего работников	2,6	66,7	18,4	4,0	10,9	34 319

*Мужчины в возрасте 18–60 лет, женщины в возрасте 18–55 лет.

В 2017 г., как и прежде, женщинам заработная плата задерживалась реже и на меньшие суммы, чем мужчинам. С 2016 по 2015 г. доля мужчин, не полностью получивших заработную плату на основном месте работы, не изменилась, составив 3,1%, но в 2017 г. она увеличилась до 3,3%. В то же время аналогичная доля женщин уменьшилась с 2,5% в 2015 г. до 2,1% в 2016 г. и далее до 1,9% в 2017 г. Увеличение сроков задолженности по заработной плате затронуло как мужчин, так и женщин. За последний год доля работников, которым заработная плата задерживалась на 1 месяц и менее, среди мужчин уменьшилась с 76,9 до 66,2%, тогда как среди женщин – с 80,2 до 67,6%. И в то же время доля лиц, которым заработная плата задерживалась на 1–2 месяца, среди мужчин увеличилась с 9,2 до 22,1%, в то время как у женщин – с 7 до 11,7%. Хотя при этом нельзя не обратить внимание на увеличение доли лиц, которым заработная плата задерживалась на срок более 3 месяцев, среди мужчин с 6,7 до 8,5%, а среди женщин – с 9,6 до 15,3%.

Размеры средних сумм задолженностей у мужчин и женщин в последние годы менялись по-разному. Так, если с 2015 по 2016 г. средняя сумма задолженности по заработной плате у мужчин уменьшилась на 1,7%, то в 2017 г. она увеличилась на 4,9%. Вместе с тем у женщин средняя сумма задолженности по зарплате с 2015 по 2016 г. уменьшилась на 17,5%, тогда как в 2017 г. она выросла сразу в 1,7 раза. Примечательно, что, несмотря на такие значительные изменения, различие между мужчинами и женщинами в величине задолженности по заработной плате до самого последнего времени сохранялось на высоком уровне. Так, в 2014 г. средняя сумма задолженности по зарплате у мужчин была больше, чем у женщин, почти в 1,6 раза, в 2015 г. – более чем в 1,5 раза, а в 2016 г. – почти в 1,8 раза. И только в 2017 г. этот разрыв сократился до минимальных 1,1 раза.

Данные Росстата также убеждают, что в 2017 г. проблема задолженности по заработной плате не являлась угрожающей. Так, по данным официальной статистики, на 1 декабря 2017 г., по сведениям, представленным организациями (не относящимся к субъектам малого предпринимательства), суммарная задолженность по заработной плате по кругу наблюдаемых видов экономической деятельности составила 3123 млн руб. В подавляющем большинстве случаев это было связано с недостаточностью собственных средств организаций. Просроченная задолженность по заработной плате из-за отсутствия у организаций собственных средств на 1 декабря 2017 г. составила 3099 млн руб., или 99,2% общей суммы просроченной задолженности. Задолженность из-за несвоевременного получения денежных средств из бюджетов всех уровней составила 24 млн руб., в том числе задолженность из федерального бюджета составила 7 млн руб., бюджетов субъектов Российской Федерации – 10 млн руб., местных бюджетов – 7 млн руб. В общем объеме просроченной задолженности по заработной плате 52% приходится на обрабатывающие производства, 23% – на строительство, по 7% – на сельское хозяйство, охоту и предоставление услуг в этих областях, лесозаготовки и транспорт, 4% – на научные исследования и разработки. Объем просроченной задолженности по заработной плате на 1 декабря 2017 г. составил менее 1% месячного фонда заработной платы работников наблюдаемых видов экономической деятельности. Из общей суммы невыплаченной заработной платы на долги, образовавшиеся

в 2016 г., приходится 848 млн руб. (27,2%), в 2015 г. и ранее – 604 млн руб. (19,3%). Задолженность по заработной плате на 1 декабря 2017 г. имела перед 51 тыс. человек (менее 1% работников по обследуемым видам экономической деятельности).

Источники трудового дохода и гендерные различия

В таблице 11 представлены данные RLMS-HSE о распределении мужчин и женщин трудоспособного возраста, имеющих трудовой доход, с разбивкой по источникам дохода (доля сообщивших о получении того или иного вида дохода), которые дают представление об отдельных важных проблемах гендерного характера, относящихся к теме данного исследования.

Таблица 11

Источники доходов от трудовой деятельности трудоспособного населения: мужчины в возрасте 18–60 лет, женщины в возрасте 18–55 лет, 1992–2017 гг.

Категория дохода	Период сбора данных (месяц/год)						
	1992	1998	2004	2008	2013	2016	2017
Мужчины							
Доход от работы на государственных предприятиях, %	64,2	31,6	30,9	31,2	32,3	29,9	26,0
Средний размер получаемого дохода*	16 737	9977	17 804	28 731	30 934	32 892	37 065
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности, %	15,7	20,9	32,9	38,4	40,2	42,5	44,6
Средний размер получаемого дохода*	15 727	12 425	24 124	33 912	34 853	39 122	43 452
Доход от работы в неформальном секторе, %	2,4	10,0	12,4	9,0	8,6	9,2	11,6
Средний размер получаемого дохода*	24 783	5605	12 749	2998	19 109	23 014	27 837
Доход от трудовой деятельности, %	80,3	58,3	72,7	75,9	78,7	79,1	79,7
Средний размер получаемого дохода*	17 191	10 808	20 639	31 289	32 590	36 164	40 474
Женщины							
Доход от работы на государственных предприятиях, %	60,0	34,4	37,6	37,3	38,1	34,3	33,3
Средний размер получаемого дохода*	11 265	6466	10 921	18 155	22 170	24 767	25 893
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности, %	9,7	17,5	26,0	30,2	30,5	31,9	33,2
Средний размер получаемого дохода*	11 159	9271	16 019	25 287	27 032	29 566	32 120
Доход от работы в неформальном секторе, %	1,8	5,9	6,6	5,5	4,6	5,9	8,1
Средний размер получаемого дохода*	14 942	3064	8076	15 224	12 309	13 468	15 697
Доход от трудовой деятельности, %	70,0	55,4	67,7	70,3	70,9	69,7	71,8
Средний размер получаемого дохода*	11 616	7281	12 988	21 666	24 306	26 890	28 669

*Средний размер получаемого дохода рассчитывается по доходу тех, кто имел доход, в руб. декабря 2017 г.

Данные таблицы 11 еще раз убеждают в том, что женщины чаще подвержены риску бедности и малообеспеченности, хуже защищены и, как правило, получают низкую зарплату по сравнению с мужчинами. Получая меньше, они часто выполняют тяжелую неквалифицированную и низкоквалифицированную работу. Так называемая бесплатная занятость оставляет женщинам меньше времени на получение высшего образования и устройства на оплачиваемую работу, что делает их менее защищенной прослойкой общества. Есть лишь отдельные области, где зарплаты женщин только приближаются к мужским. Даже такой, казалось бы, женский сектор, как образование, не может похвастаться равными зарплатами для обоих полов. Как показывает практика, женщины больше ориентированы на семью, и этот фактор делает их амбиции относительно карьеры более умеренными. До сих пор существует целый ряд профессий, которые более популярны среди мужчин (IT, добывающая промышленность, производство и др.). Для многих из них большое значение имеет высшее образование, и женщин в таких профильных вузах намного меньше. Необходимо учитывать и то, что женщины при устройстве на работу и при переходах запрашивают меньше повышения зарплаты, чем мужчины.

Согласно данным RLMS-HSE, в 2017 г., как и во все предыдущие годы, мужчины трудоспособного возраста превосходили женщин аналогичного возраста по доле получающих тот или иной вид дохода от трудовой деятельности и по величине среднего размера получаемого дохода от трудовой деятельности. Но это преобладание не оставалось всегда одинаковым. Так, если в 2015–2016 гг. разрыв между мужчинами и женщинами трудоспособного возраста по доле получающих доход от трудовой деятельности после некоторого сокращения годом ранее увеличился, то в 2017 г. опять немного уменьшился. В 2015 г. это преобладание составляло 6,9 п. п. (77,9% против 71%), в 2016 г. – 9,4 п. п. (79,1% против 69,7%), тогда как в 2017 г. – 7,9 п. п. (79,7% против 71,8%).

Исследование также показало, что общим трендом для мужчин и женщин трудоспособного возраста в течение длительного периода являлось нарастание доли лиц, получающих доход от трудовой деятельности. В целом за 1998–2015 гг. доля респондентов с доходом от трудовой деятельности выросла у мужчин на 21,4 п. п. (с 58,3 до 79,7%); у женщин – на 16,4 п. п. (с 55,4 до 71,8%).

Результаты исследования демонстрируют достаточно последовательное нарастание удельного веса мужчин и женщин трудоспособного возраста, занятых на частных предприятиях, и сокращение удельного веса мужчин и женщин аналогичного возраста, работающих на предприятиях государственного сектора. Так, с 1992 по 2017 г. доля мужчин трудоспособного возраста, занятых на частных предприятиях, выросла с 15,7 до 44,6%, в том числе за последний год на 2,1 п. п., тогда как аналогичная доля женщин выросла с 9,7 до 33,2%, в том числе за последний год на 1,3 п. п. В то же время доля мужчин трудоспособного возраста, работающих на предприятиях государственного сектора, сократилась с 64,2 до 26%, в том числе за последний год на 3,9%, тогда как аналогичная доля женщин уменьшилась с 60 до 33,3%, в том числе за последний год на 1 п. п.

В 2017 г. выявлено очередное увеличение преобладания мужчин над женщинами по доле лиц трудоспособного возраста, получающих доход от работы на частных предприятиях или на предприятиях смешанной формы собственности.

Так, в 2013 г. это превосходство составляло 9,7 п. п. (40,2 против 30,5%), в 2014 г. — только 8 п. п. (39,4 против 31,4%), в 2015 г. — 10 п. п. (42 против 32%), в 2016 г. — 10,6 п. п. (42,5 против 31,9%), а в 2017 г. — 11,4% (44,6 против 33,2%). Преобладание женщин над мужчинами трудоспособного возраста по доле занятых на предприятиях государственного сектора менялось не столь последовательно. Так, если в 2013 г. доля женщин трудоспособного возраста, получающих доход от работы на государственных предприятиях, превышала аналогичную долю мужчин на 5,8 п. п., в 2014 г. — на 5,5 п. п., в 2015 г. — на 6,8 п. п., в 2016 г. — только на 4,4 п. п., то в 2017 г. — на 7,3 п. п. (33,3 против 26%).

Устойчивым остается преобладание мужчин трудоспособного возраста над женщинами трудоспособного возраста по доле лиц, получающих доход от работы в неформальном секторе. С 2012 по 2017 г. доля таких работников среди мужчин трудоспособного возраста достаточно последовательно увеличилась с 8,6 до 11,6%. Не менее последовательно нарастала в последние годы доля лиц, занятых в неформальном секторе, среди женщин трудоспособного возраста. С 2013 по 2017 г. она поступательно выросла с 4,6 до 8,1%. Если в 2016 г. преобладание мужчин над женщинами по доле указанных респондентов составляло 3,3 п. п., то в 2017 г. — 3,5 п. п.

Согласно данным RLMS-HSE, в среднем российские женщины получают примерно на четверть меньше, чем мужчины. В 2017 г. средний размер дохода от трудовой деятельности, получаемого занятыми женщинами трудоспособного возраста, составлял 70,8% от среднего дохода занятых мужчин трудоспособного возраста. Это было меньше, чем в предыдущие годы: в 2014 г. — 72,8%; в 2015 г. — 74,1%; в 2016 г. — 74,4%. Среди тех, для кого источником дохода является трудовая деятельность, средний размер получаемого дохода за последний год вырос на 11,9% у мужчин и на 6,6% у женщин.

Длительное время наименьшими различия в заработках между мужчинами и женщинами были на предприятиях частного сектора и смешанной формы собственности. Вместе с тем в последние годы показатели соотношения доходов, получаемых мужчинами и женщинами от трудовой деятельности на частных и на государственных предприятиях, выровнялись.

Так, в 2014 г. и в 2015 г. средний размер дохода от трудовой деятельности на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, получаемого женщинами, составлял около 74% от соответствующего дохода мужчин. В 2016 г. данный показатель немного вырос — приблизительно до 75%, но в 2017 г. вновь сократился до 74%. В то же время на предприятиях государственного сектора это соотношение в 2014 г. составляло около 73%, в 2015 г. и в 2016 г. — около 76%, в 2017 г. — около 70%. Что касается неформального сектора, традиционно являющегося сферой женского доминирования, то здесь длительное время наблюдалось постепенное увеличение преобладания мужчин над женщинами по уровню доходов. Так, если в 2012 г. средний размер дохода, получаемого от работы в неформальном секторе, у женщин составлял около 69% от аналогичного дохода мужчин, то в 2013 г. данный показатель снизился до 64%, в 2014 г. — до 63%, а в 2015 г. — уже до 55%. И только в 2016 г. был выявлен небольшой рост до 59%, который в 2017 г. сменился сокращением до 56%.

С 2016 по 2017 г. заработки на государственных предприятиях выросли на 12,7% у мужчин и на 4,5% у женщин. В то же время средняя сумма заработной платы, получаемой на частных предприятиях, увеличилась на 11,1% для мужчин и на 8,6% для женщин. Доход, получаемый работающими в неформальном секторе, за последний год вырос на 21% для мужчин и на 16,6% для женщин.

Пенсии и невыплаты пенсий

На рис. 17 представлены данные RLMS-HSE относительно среднего размера пенсий и масштаба невыплаты пенсий мужчинам и женщинам в России с ноября 1993 г. Они, в частности, еще раз убеждают, что в последние годы проблема невыплат (задержек выплат) пенсий в стране практически отсутствует. Такая проблема была важным социально-экономическим фактором только лишь в 1996 г., когда более трети российских пенсионеров не получили пенсии за месяц, предшествующий опросу.

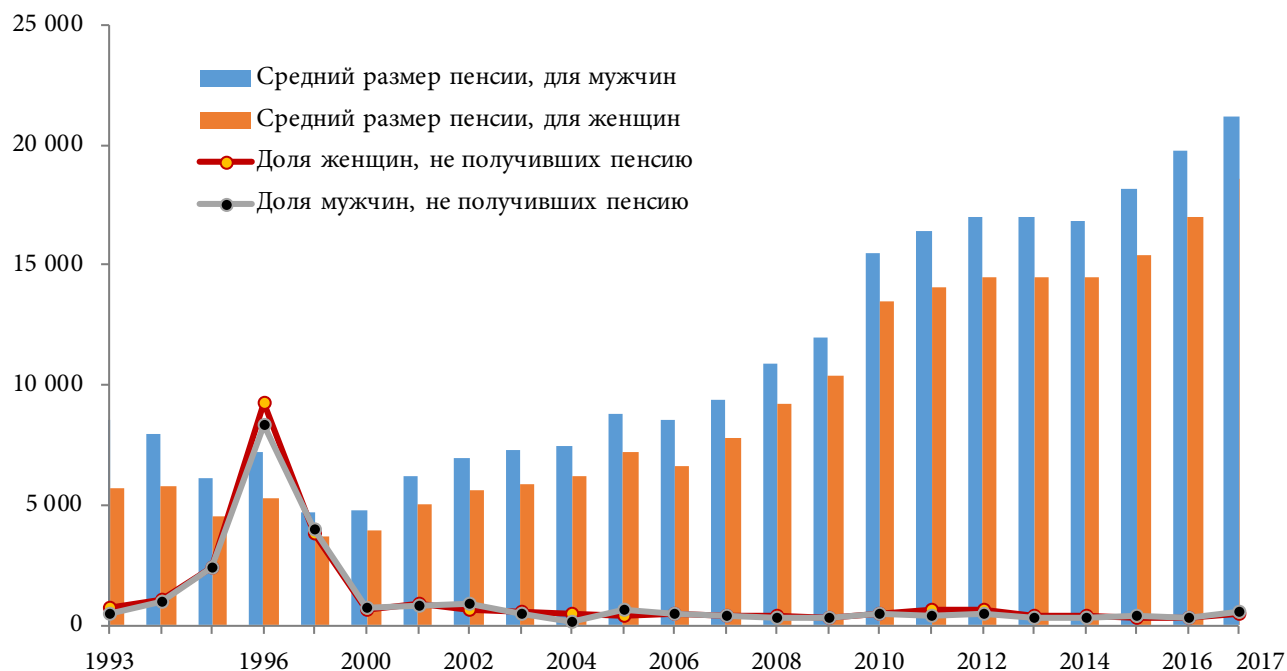

Рис. 17. Доля пожилых людей, не получивших пенсию за последний месяц, %, и средний размер ежемесячной пенсии для получающих пенсию, в руб. декабря 2017 г., 1993–2017 гг.

Как следует из данных, представленных на рис. 17, на протяжении длительного периода, берущего начало в 1998 г., наблюдалось увеличение размера пенсий для пенсионеров-мужчин и для пенсионеров-женщин. Эти тренды прерывались только два раза — в 2006 г. и 2013–2014 гг., когда рост пенсий останавливался или приобретал обратную динамику. Особенно значительным данный рост был в кризисные 2008–2009 гг. и 2015–2017 гг., когда государственные трансфертные выплаты рассматривались в качестве важнейшего фактора сохранения стабильности в стране. Что касается последних изменений, то можно отметить, что в 2015 г. средний размер пенсии у мужчин увеличился на 8,2%, в 2016 г. — на 8,8%, а в 2017 г. — еще на 7%. В то же время у женщин этот рост составил 6,6% в 2015 г.; 10,5% в 2016 г. и 9% в 2017 г.

В результате изменений, произошедших в последние два года, средний размер пенсии для женщин приблизился к среднему размеру пенсии для мужчин на минимальную дистанцию. Так, если в 2014 г. средний размер пенсии для женщин составлял 86,1% от среднего размера пенсии для мужчин, то в 2015 г. данный показатель уменьшился до 84,7%, т. е. на 1,4 п. п. Однако в 2016 г. было отмечено его увеличение до 86,1%, т. е. до уровня 2014 г, а в 2017 г. — до максимальных 87,7%. Таким высоким данный показатель не был никогда ранее.

Задолженность по квартплате и оплате коммунальных услуг

В таблице 12 приведены обобщенные данные о распределении обследованных домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или коммунальным услугам, за 1995–2017 гг. Они, в частности, показывают, что в последние годы доля российских домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или коммунальным услугам, колебалась в узком коридоре значений.

Как следует из таблицы 12, за 2011–2013 гг. доля домохозяйств, испытывающих трудности со своевременной оплатой услуг жилищно-коммунального хозяйства, сократилась с 8,1 до 6,5%, но с началом кризиса, который вызвал снижение уровня жизни россиян, она вновь выросла в 2014 г. до 7,2%. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. эта доля вновь увеличилась до 8,4%, но затем в 2016 г. уменьшилась до 7,8% и далее в 2017 г. — до 7,3%.

Размер средней суммы задолженности домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг в последние годы чаще увеличивался, но за последний год существенно снизился. Так, в 2012 г. по сравнению 2011 г. эта сумма выросла на 4%, в 2013 г. она вновь увеличилась на 3,2%, но в 2014 г. уменьшилась на 0,5%. В 2015 г. был выявлен новый относительно умеренный рост на 5,4%, а в 2016 г. резкий и значительный рост — на 43,3%. В результате за два последних кризисных года размер средней суммы задолженности российских домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг вырос более чем в полтора раза. Но в 2017 г. был выявлен довольно значительный сдвиг в противоположную сторону на 13,6%.

Исследование также выявило в 2017 г. очередной рост средней суммы месячной платы домохозяйств за жилье и коммунальные услуги. В 2014 г. по сравнению с 2013 г. этот рост составил 3,4%, но в 2015 г. практически полностью остановился (зафиксирован символический рост по сравнению с предыдущим годом на мизерные 0,1%). В 2016 г. средняя сумма месячной платы домохозяйств за жилье и коммунальные услуги резко выросла на 10,6% и в 2017 г. прибавила еще 3,8%, достигнув максимума за все время наблюдений.

Анализ данных мониторинга показывает, что самые высокие расходы на оплату жилья и/или коммунальных услуг несут домашние хозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста. При этом с 2014 по 2017 г. средняя сумма таких расходов у домохозяйств, возглавляемых мужчинами трудоспособного возраста, выросла на 13,3%, в том числе за последний год — на 4,2%. В то же время средняя сумма месячной платы за жилье и/или коммунальные услуги домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста с 2014 по 2016 г. увеличилась на 14% и в 2017 г. практически не изменилась, уменьшившись на 0,4%. Что касается домохозяйств во главе с мужчинами пенсионного возраста, то с 2014 по 2017 г. эти расходы выросли на 18,5%, в том числе за последний год на 0,2%, а у домохозяйств, возглавляемых женщинами пенсионного возраста, — на 21,8%, в том числе за последний год — на 6,1%.

Таблица 12

**Распределение домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате
и/или оплате коммунальных услуг, 1995–2017 гг.**

	Все домо- хозяйства	В том числе:			
		Домохозяйства во главе с мужчиной работоспособ- ного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной работоспособ- ного возраста	Домохозяйства во главе с мужчиной пенсионного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной пенсионного возраста
1995					
Доля домохозяйств-должников, %	22,0	25,2	30,6	7,6	13,4
Сумма задолженности (если есть)*	2587	2796	2706	1249	967
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	1398	1640	1385	914	841
1998					
Доля домохозяйств-должников, %	37,5	43,1	43,4	19,6	24,9
Сумма задолженности (если есть)*	5051	5797	4839	2160	1401
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	1431	1792	1398	861	752
2004					
Доля домохозяйств-должников, %	16,3	19,3	23,8	3,7	7,2
Сумма задолженности (если есть)*	11 156	12 259	10 977	1845	3418
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	2835	3425	2842	1898	1550
2014					
Доля домохозяйств-должников, %	7,2	8,6	11,8	3,2	2,6
Сумма задолженности (если есть)*	18 738	18 781	19 669	5383	25 326
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	4740	5393	5121	3796	3435
2016					
Доля домохозяйств-должников, %	7,8	10,0	12,4	2,7	2,7
Сумма задолженности (если есть)*	28 304	23 803	49 427	13 256	24 011
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	5240	5863	5836	4488	3945
2017					
Доля домохозяйств-должников, %	7,3	9,3	11,1	2,2	3,1
Сумма задолженности (если есть)*	24 445	23 206	31 981	15 472	24 220
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	5439	6111	5813	4498	4184

*Средние суммы месячной платы за жилье и коммунальные услуги и суммы задолженности указаны в руб. декабря 2017 г.

Если в 2016 г. расходы на жилье и/или коммунальные услуги, которые несут домохозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, превышали расходы домохозяйств, возглавляемых женщинами трудоспособного возраста, только на 0,5%, что было гораздо меньше, чем превышение на 5,9%, зафиксированное годом ранее, то в 2017 г. данный показатель составил 5,1%. В отношении домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста, это превалирование в 2016 г. составило 30,6%, а в 2017 г. — 35,9%. Еще более значительным было это превышение при сопоставлении расходов на жилье и/или коммунальные услуги, которые несут домохозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, с аналогичными расходами домохозяйств, возглавляемых женщинами пенсионного возраста: 48,6% в 2016 г. и 46,1% в 2017 г. Обращает на себя внимание также тот факт, что если в 2016 г. у домохозяйств во главе с мужчинами пенсионного возраста расходы на жилье и/или коммунальные услуги были выше, чем у домохозяйств, возглавляемых женщинами-пенсионерами, на 13,8%, то в 2017 г. — только на 7,5%. Для полноты анализа стоит также отметить, что в 2016 г. домохозяйства во главе с женщинами трудоспособного возраста тратили на жилье и/или коммунальные услуги на 47,9% больше, чем домохозяйства, возглавляемые женщинами-пенсионерами, тогда как в 2017 г. это превышение составило 38,9%.

Домохозяйства во главе с мужчинами или женщинами трудоспособного возраста обычно гораздо чаще попадают в разряд должников по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами или женщинами, достигшими пенсионного возраста. При этом если в 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля должников среди домохозяйств во главе с мужчиной трудоспособного возраста увеличилась на 2,2 п. п. — с 8,6 до 10,8%, то в 2016 г. она уменьшилась на 0,8 п. п. — до 10%, а в 2017 г. — до 9,3%, т. е. на 0,7 п. п. В то же время удельный вес должников среди домохозяйств во главе с женщиной трудоспособного возраста вырос в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 0,4 п. п. — с 11,8 до 12,2%, в 2016 г. он увеличился на 0,2 п. п. — до 12,4%, а в 2017 г. уменьшился до 11,1%, т. е. на 1,3 п. п. Среди домохозяйств, возглавляемых мужчинами-пенсионерами, доля должников выросла с 3,2% в 2014 г. до 3,4% в 2015 г. Но затем два года подряд отмечалось сокращение данного показателя — до 2,7% в 2016 г. и до 2,2% в 2017 г. И наконец, среди домохозяйств во главе с женщинами-пенсионерами удельный вес домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, увеличился в 2015 г. по сравнению с 2014 г. с 2,6 до 3,1%. В 2016 г. эта доля уменьшилась до 2,7%, но в 2017 г. вновь увеличилась до 3,1%.

Средние суммы задолженности домохозяйств по оплате жилья и/или коммунальных услуг меняются от года к году чаще всего на значительную величину. Так, с 2014 по 2016 г. у домохозяйств во главе с мужчинами трудоспособного возраста средняя сумма задолженности выросла на 26,7%, но в 2017 г. она уменьшилась на 2,9%. У домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста эта задолженность выросла в 2016 г. по сравнению с 2014 г. на 51,3%, однако в 2017 г. она резко сократилась на 35,3%. У домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста, рост средней суммы задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг с 2014 по 2016 г. достиг огромной величины в 2,5 раза, а в 2017 г. он составил 16,7%. И наконец, у домохозяйств, возглавляемых женщи-

нами пенсионного возраста, было отмечено небольшое сокращение средней суммы задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг за 2014–2016 гг. на 5,2% и затем минимальное увеличение на 0,9% в следующем 2017 г.

В 2016 г. средняя сумма задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг была самой высокой у домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста. Ее размер почти в полтора раза превышал аналогичные суммы задолженности домохозяйств, возглавляемых как мужчинами трудоспособного возраста, так и женщинами пенсионного возраста. А самой низкой средняя сумма задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг была у домохозяйств, возглавляемых мужчинами-пенсионерами: вдвое меньше, чем у домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста и в полтора раза меньше, чем у домохозяйств во главе с мужчинами трудоспособного возраста и женщинами-пенсионерами.

Эти данные показывают, что в самом тяжелом финансовом положении, как и прежде, находятся домохозяйства, возглавляемые женщинами, не достигшими пенсионного возраста. Многие из них из-за финансовых трудностей не в состоянии оплачивать жилищно-коммунальные услуги. У части таких семей, которые справляются с оплатой коммунальных и некоторых других обязательных услуг, после этого не остается денег на дополнительное лечение и культурный досуг.

Как известно, в России для облегчения нагрузки на бюджеты домохозяйств, связанной с ростом тарифов, действует адресная программа жилищных субсидий, которая определяет предельно допустимую долю совокупных доходов семьи на оплату жилищно-коммунальных услуг в регионах в размере от 10 до 22%. В частности, жители Москвы имеют право на получение субсидии, если платежи по ЖКХ составляют 10% от их дохода. В Санкт-Петербурге этот порог установлен в размере 14%, а в Якутии – 15%. Кроме того, значительная часть населения получает социальную поддержку по оплате жилищно-коммунальных услуг, например, ветераны труда или члены семей репрессированных. Для федеральных льготников (инвалиды, чернобыльцы и др.) существует компенсация в размере 50% от стоимости жилищно-коммунальных услуг. На эти цели субъектам РФ выделяются субвенции из средств федерального бюджета, которые увеличиваются при росте тарифов. При этом основной категорией получателей субсидий являются пенсионеры. Это означает, что меры социальной поддержки и субсидии на оплату жилья и коммунальных услуг фокусируются на домашних хозяйствах пенсионеров, но не на самой уязвимой по материальному положению группе – семьям, особенно одиноким матерям, с детьми.

Удовлетворенность жизнью и оценка жизненных перспектив

В 2017 г. стали появляться все более заметные признаки, свидетельствующие о постепенном выходе из экономического кризиса. Оживление экономики вызвало у россиян рост оптимистических настроений. Вместе с тем, обращая внимание на стабилизацию экономики, россияне были не столь оптимистичны в оценках собственного благополучия. Большое беспокойство

у населения продолжали вызывать бедность, низкие зарплаты, угроза безработицы. Хотя острота этих проблем снизилась, обеспокоенность ими выражали большинство или значительная часть россиян. Высоким оставался также уровень обеспокоенности граждан проблемами жилищно-коммунального хозяйства, не снижающимся уровнем преступности, низким качеством медицинских услуг и образования. Поэтому, замечая признаки роста социального оптимизма, говорить о наличии устойчивого тренда положительных изменений было еще преждевременно.

Важнейшим фактором экономического развития и жизни россиян в кризисных условиях стала возросшая неопределенность, характеризующаяся, по мнению большинства исследователей, неясностью настоящего и непредсказуемостью будущего, недостатком знаний о текущих событиях и условиях, в которых будет протекать деятельность индивидов, низкой степенью предсказуемости, предвидения этих условий, неясностью будущих возможностей¹. Неопределенность является одной из наиболее существенных характеристик длительное время переживающих колоссальные потрясения «травмированных обществ», к которым в полной мере относится нынешняя Россия. При этом последнее десятилетие стало для россиян чрезвычайно серьезным испытанием, в течение которого проблемы неясности настоящего и непредвиденности будущего выступали мощным фактором жизни людей. Ситуация в экономике характеризовалась наличием большого количества возросших рисков, быстротечным развитием негативных тенденций, нестабильностью и непредсказуемостью².

Многими людьми неопределенность жизненных обстоятельств воспринимается как опасное или угрожающее состояние, тяжелое положение, поскольку они не знают или не понимают, что именно происходит, не могут истолковывать те или иные события в привычных для себя понятиях, не в состоянии контролировать текущие процессы или влиять на происходящее, не могут даже в общих чертах оценить жизненные перспективы, спрогнозировать будущее своей семьи. Возникает убеждение в появлении новых и укреплении прежних социальных барьеров, сужении социальных горизонтов. Интересы, требования и притязания многих людей, их возможности и способности вступают в противоречие с условиями жизни данного общества. Неумение или неспособность жить в непростых условиях неопределенности вызывает волнение или беспокойство, усиливает тревогу и различные страхи. В ряде случаев неопределенность даже может стать серьезной причиной развития хронической тревожности и других неблагоприятных эмоциональных состояний.

Проблемы неопределенности и непредсказуемости остро стоят при планировании, принятии решений и осуществлении любых действий человека, но особенно при организации деятельности в кризисных условиях. Если оптимальными являются условия деятельности наиболее благоприятные, максимально соответствующие адаптивной норме, то неопределенность всегда связана со

¹ См.: Козырева П. М., Смирнов А. И. Жизнь в условиях неопределенности кризисного общества: опыт и ожидания // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 64–76.

² Тощенко Ж. Т. Травма как деформация эволюционного и революционного развития общества (опыт социологического теоретизирования) // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 16–26.

множественностью альтернатив, неожиданным появлением экстремальных, т. е. аномальных, далеких от оптимальности условий, выходящих за пределы такой нормы. Поэтому очень часто речь фактически идет о принципиальной невозможности выбора единственно верного, оптимального плана. Для неопределенности, характеризующейся множественностью выбора и отсутствием точных исходных данных, необходимых для принятия текущих решений и позволяющих предвидеть будущее, в малой степени характерны проявления целесообразности, целеосмысления, целеполагания. Поведение большинства людей в подобных условиях оказывается далеким от рационального и малопредсказуемым. Но в то же время, являясь непредвиденным на уровне отдельного человека или отдельной семьи, оно обычно выступает как массово закономерное явление вероятностного характера на макроуровне.

Как свидетельствуют данные RLMS-HSE, представленные в таблице 13, в 2017 г. впервые за последние годы наблюдалось повышение уровня удовлетворенности россиян своей жизнью. Если с декабря 2013 по декабрь 2016 г., т. е. за период, в течение которого россияне постоянно ощущали на себе последствия тяжелого экономического кризиса, доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью, уменьшилась на 4,3 п. п. — с 52,3 до 48,0%, то в декабре 2017 г. она увеличилась на 3 п. п. — до 51,1%. В то же время доля тех, кто были в той или иной мере недовольны своей жизнью, с декабря 2013 по декабрь 2016 г. увеличилась на 2,3 п. п. — с 24,4 до 26,7%, но в декабре 2017 г. уменьшилась на 2,5 п. п. — до 24,2%. После этих изменений количество россиян, выражающих полный или умеренный оптимизм, стало в 2,1 раза превышать количество тех, кто демонстрировал полный или умеренный пессимизм. Но при этом крайние варианты ответа «полностью удовлетворены» и «совсем не удовлетворены» выбирали немногие (8,9 и 6,8% соответственно).

Эти данные, демонстрирующие довольно высокий и как бы тайком растущий по мере преодоления кризисных явлений уровень удовлетворенности россиян своей жизнью, дают возможность говорить о том, что все больше людей начинают ощущать себя достаточно комфортно и уверенно, полагая, что, несмотря на переживаемые трудности, в их жизни все складывается или вполне удачно, или не так уж и плохо. Рост подспудных позитивных настроений в итоге становится базой для ослабления кризисных ожиданий. Рассматривая накопленные за годы мониторинга данные, можно также предположить, что демонстрируемый многими россиянами оптимизм далеко не всегда непосредственно связан с реальным экономическим положением домохозяйств.

В декабре 2017 г. небольшое число россиян были в той или иной степени удовлетворены своим материальным положением. Такая ситуация была достаточно типичной для многих предыдущих лет. Кризисы последнего времени, которые периодически уменьшали или обнуляли сбережения граждан, приучили их негативно оценивать собственное материальное положение. При этом экстремальный вариант ответа «полностью удовлетворены» выбирали очень немногие. Но в то же время важно обратить внимание на некоторые позитивные сдвиги в уровне удовлетворенности россиян своим материальным положением, которые подтверждают рост оптимистических настроений в нынешнем российском обществе.

Таблица 13

Удовлетворенность россиян своей жизнью в целом, 1994–2017 гг., %

Период сбора данных (год)	Полностью удовлетворены	Скорее удовлетворены	И да, и нет	Не очень удовлетворены	Не очень удовлетворены	Затруднились ответить
1994	3,6	10,8	20,5	40,2	23,6	1,3
1995	3,4	10,6	20,9	35,8	28,5	0,8
1996	2,6	9,3	19,9	36,6	30,6	1,0
1998	2,2	9,7	18,0	33,4	35,9	0,8
2000	3,8	13,8	22,1	36,6	22,7	1,0
2001	5,5	17,4	23,9	35,4	17,0	0,8
2002	6,9	26,7	23,9	30,6	11,5	0,4
2003	5,9	24,8	22,6	32,1	14,1	0,4
2004	5,2	30,3	24,1	28,8	11,1	0,5
2005	5,4	31,3	25,5	26,3	10,8	0,6
2006	7,0	29,8	23,3	27,4	12,0	0,5
2007	6,8	33,3	23,8	24,6	11,0	0,5
2008	6,7	36,1	22,0	24,2	10,3	0,7
2009	7,1	36,2	22,7	24,5	9,1	0,4
2010	9,0	37,0	22,8	22,2	8,3	0,7
2011	8,3	40,9	21,6	20,7	7,6	0,9
2012	9,1	43,0	21,6	19,4	6,4	0,6
2013	10,0	42,3	22,4	17,9	6,5	0,8
2014	9,3	42,0	22,7	18,6	6,4	0,9
2015	8,4	41,2	23,2	19,3	7,1	0,7
2016	7,8	40,2	24,7	19,6	7,1	0,7
2017	8,9	42,2	23,7	17,4	6,8	1,0

Из данных, представленных на рис. 18¹, можно увидеть, что с декабря 2012 по декабрь 2016 г. доля россиян, полностью или скорее удовлетворенных своим материальным положением, сократилась на 6,5 п. п. — с 26,7 до 20,2%, тогда как доля не очень или совсем неудовлетворенных выросла на 6,6 п. п. — с 54,1 до 60,7%. Но в декабре 2017 г. по сравнению с декабрем 2016 г. доля лиц, в той или иной степени удовлетворенных материальной стороной своей жизни, увеличилась на 3,1 п. п. — до 23,3%, в то время как доля тех, кто в большей или меньшей степени были недовольны своим материальным положением, сократилась на 3,7 п. п. — до 57%.

В результате описанных сдвигов показатели удовлетворенности россиян своим материальным положением начали возвращаться на докризисный уровень. Но, несмотря на эти позитивные сдвиги, количество респондентов, недовольных

¹ Вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?» задавался с 2000 г.

материальной стороной своей жизни, превышало в декабре 2017 г. число лиц, удовлетворенных своим материальным положением, почти в 2,5 раза, что было, однако, немного меньше трехразового превышения, зафиксированного годом ранее.

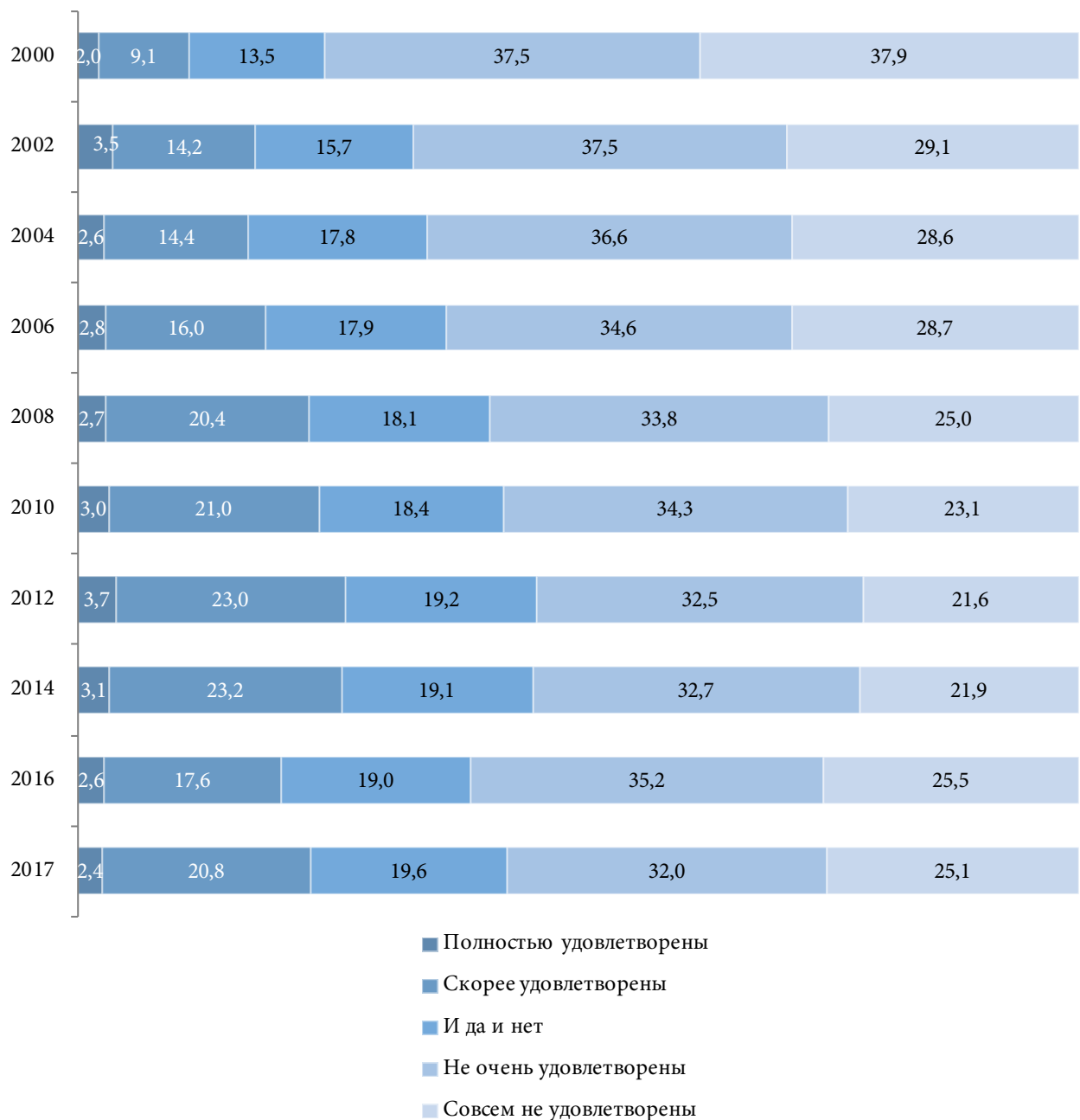

Рис. 18. Удовлетворенность россиян своим материальным положением, 2000–2017 гг., %

Не менее заметными были сдвиги в оценках респондентов, касающихся изменения материального положения своих семей за последние 12 месяцев, о которых позволяют судить данные мониторинга, представленные на рис. 19¹.

Данные рис. 19 показывают, что с декабря 2012 по декабрь 2015 г. удельный вес респондентов, заметивших то или иное ухудшение материального положения своих семей в течение последнего года, увеличился более чем вдвое – с 15,5 до 31,8%, и в декабре 2016 г. сохранился приблизительно на том же уровне – 31,5%.

¹ Вопрос «Скажите, пожалуйста, как изменилось материальное положение вашей семьи за последние 12 месяцев?» задавался с 2001 г.

В то же время доля тех, кто указал на улучшение материального положения своей семьи, за 2012—2016 гг. снизилась в 1,7 раза — с 26,3 до 15,4%. В результате указанных сдвигов оценки респондентов относительно изменения материального положения своих семей достигли наихудших значений за все время измерения данного параметра, т. е. начиная с 2001 г. Однако в 2017 г., когда в обществе начали набирать силу оптимистические настроения, было отмечено сокращение доли респондентов, заметивших снижение уровня материального благосостояния своих семей, на 6,5 п. п. — до 25%, и увеличение удельного веса тех, кто указывал на повышение материального достатка, на 2,6 п. п. — до 18%.

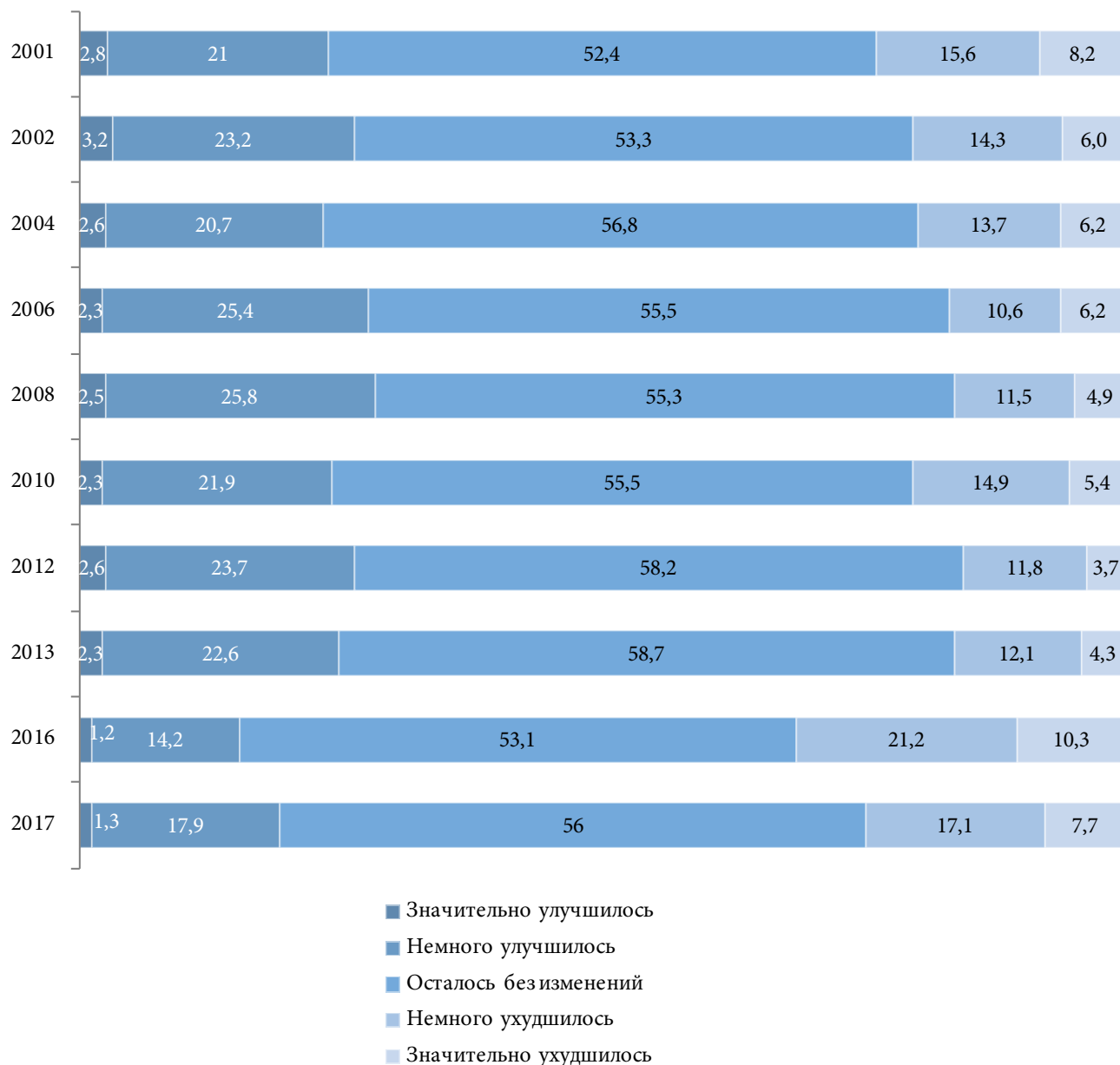

Рис. 19. Оценка изменения материального положения своей семьи за последние 12 месяцев, 2001—2017 гг., %

Стоит обратить серьезное внимание и на то, что свыше половины опрошенных россиян постоянно, из года в год не видят каких-либо значительных изменений в материальном положении своих семей. Большинство из них убеждены, что уровень их материального благосостояния остановился на низком уровне, соответствующем бедности или малообеспеченности, т. е. оценивают свое финансовое положение

как стабильно низкое. Экономический кризис существенно сказался на жизни россиян: у многих возникли финансовые трудности не только с оплатой жилищно-коммунальных услуг и других обязательных платежей, приобретением лекарств, но и с покупкой продовольствия, одежды, обуви и других необходимых товаров. Такие проблемы беспокоят многие семьи из года в год. К тому же, оценивая перемены в своем материальном положении, граждане очень часто опираются не только на реальное изменение уровня своего дохода, но и на инфляционные ожидания.

В ходе всех предыдущих опросов доля респондентов, не видящих каких-либо изменений в материальном положении своих семей за последние 12 месяцев, предшествующих опросу, постоянно колебалась, но никогда не опускалась ниже 50-процентного уровня. Так, в конце 2001 г. она составляла 52,4%, затем к декабрю 2004 г. повысилась до 56,8% и к концу 2013 г. поднялась еще выше — до 58,7%. Но затем доля респондентов, которые не замечали каких-либо изменений в жизни своей семьи за прошедшие 12 месяцев, снизилась до 53,1%, а в конце 2017 г. вновь поднялась до 57%.

На рис. 20 представлены данные RLMS-HSE, которые характеризуют оценки респондентами (к кому это относится) своих возможностей по приобретению дорогостоящих предметов и услуг за 2005–2017 гг. (вопрос включен в «Вопросник для взрослых» в 2005 г.).

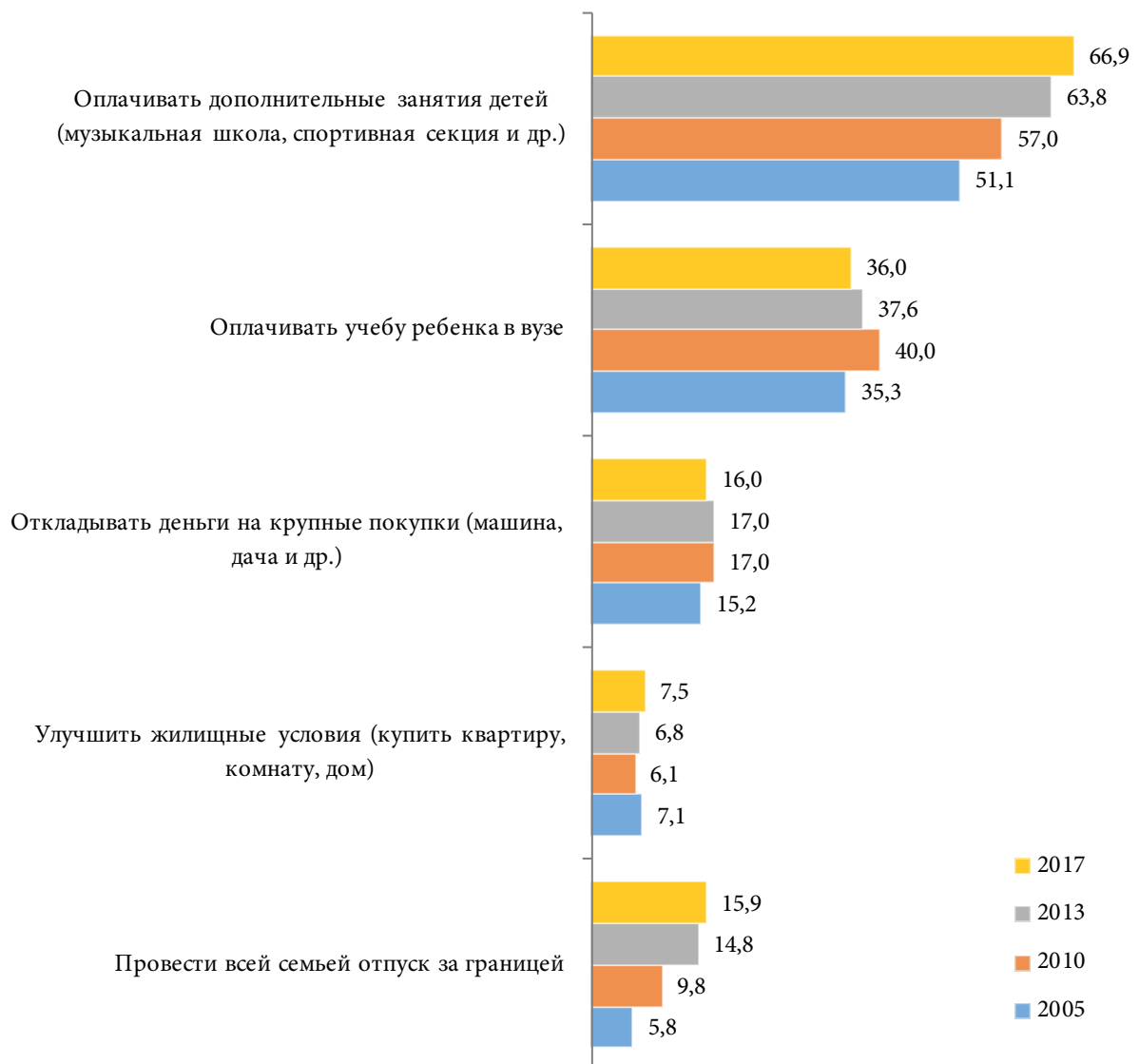

Рис. 20. Оценка возможности приобретения дорогостоящих предметов и услуг, 2005–2017 гг., % к числу тех, к кому это относится

Эти данные демонстрируют, в частности, снижение возможностей респондентов по оплате учебы своих детей в высших учебных заведениях на протяжении довольно длительного времени. Так, с 2010 по 2017 г. доля респондентов, не потерявших способности оплачивать обучение своих детей в том или ином вузе (из числа тех, к кому это относится), снизилась на 8,5 п. п. — с 40 до 31,5%. Но это снижение не было всегда последовательным. Так, если в 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля респондентов, которые могут позволить себе такие расходы, снизилась на 6,7 п. п. — с 36,8 до 30,1%, то в 2016 г. она вновь выросла на 5,1 п. п. — до 35,2%. Но общий тренд в 2010–2017 гг. был нисходящим.

Но в то же время увеличилось число респондентов, способных оплачивать дополнительные занятия своих детей в музыкальной школе, спортивной секции, изостудии, творческом кружке и т. п., т. е. способных нести меньшие расходы по сравнению с оплатой учебы в вузе. С 2005 по 2013 г. удельный вес респондентов, представляющих такие домохозяйства, вырос на 12,7 п. п. — с 51,1 до 63,8%, но затем к концу 2015 г. уменьшился буквально за один год на 6,3 п. п. — до 57,5%. Однако в 2016 г. было выявлено новое увеличение на 3,6 п. п. — до 61,1%, и далее в 2017 г. на 2,6 п. п. — до 63,7%, т. е. до уровня 2013 г.

В ходе исследования было выявлено также сокращение возможностей респондентов по приобретению дорогих товаров длительного пользования, таких как легковой автомобиль, дача, мебель, ювелирные изделия и другие дорогостоящие предметы культурного и бытового назначения. Так, с 2005 по 2010 г. доля респондентов, располагающих возможностями по покупке таких товаров, увеличилась на 1,8 п. п. — с 15,2 до 17%, и оставалась такой же в 2013 г. В 2015 г. по сравнению с 2013 г. эта доля уменьшилась на 2,7 п. п. — до 14,3%, но в 2016 г. вновь увеличилась на 3,6 п. п. — до 17,9%. За счет этого роста доля россиян, положительно оценивающих свои возможности по приобретению дорогих товаров, достигла максимального значения за все время измерения данного показателя. Однако в 2017 г. доля таких респондентов резко сократилась на 3,3 п. п. — до 14,6%.

Малоподвижными во времени остаются оценки респондентов, указывающих, что их семьи способны радикально улучшить свои жилищные условия, т. е. купить квартиру, комнату, дом (часть дома), коттедж и т. п. В 2005–2015 гг. доля таких респондентов колебалась в пределах от 6,1 до 7,2%. В 2016 г. она выросла до 8,3%, но в 2017 г. уменьшилась до 6,8%.

Наиболее зависимыми от экономической ситуации оказались оценки респондентами своих возможной по проведению всей семьей отпуска за границей. С 2005 по 2014 г. доля респондентов, располагающих такими возможностями, выросла более чем в 2,5 раза — с 5,8 до 15,4%, но затем на пике экономического кризиса в 2015 г. она уменьшилась на 3,2 п. п. — до 12,2%. По мере выхода из кризиса в 2016 г. было выявлено увеличение доли респондентов, которые могут провести всей семьей отпуск за границей, на 1,6 п. п. — до 13,8%, и далее в 2017 г. — до 14,7%. Что касается возможностей по проведению отпуска всей семьей на российском курорте, то они оказались у россиян существенно выше. В 2017 г. отметили, что располагают такими возможностями, 24,4% респондентов.

Если рассматривать в обобщенном виде самые последние изменения, то можно отметить, что в 2017 г. по сравнению с 2016 г. респонденты стали лишь несколько лучше оценивать свои возможности в отношении проведения всей

семьей отпуска за границей (14,7 против 13,8% в 2016 г.) и оплаты дополнительных занятий детей (63,7 против 61,1% в 2016 г.). Но в то же время ухудшились оценки возможностей респондентов по улучшению своих жилищных условий (6,8 против 8,3% в 2016 г.), приобретению крупных покупок (14,6 против 17,9% в 2016 г.) и оплате учебы своего ребенка в вузе (31,5 против 35,2% в 2016 г.).

Можно также отметить, что подавляющее большинство респондентов, оценивая свои финансовые возможности, заявляют, что, несмотря на ухудшение условий жизни в период экономического кризиса, могут как минимум через день употреблять в пищу мясо, курицу или рыбу. В 2016 г. доля таких респондентов составила 86,8%, а в 2017 г. — 89,1%.

Самоопределение респондентов в социальном пространстве в RLMS-HSE осуществляется в трех основных измерениях — по шкалам богатства (материального благосостояния), власти и уважения, которые включают 9 ступеней (от низшей до высшей). Ответы на идентификационные вопросы служат основанием для определения субъективных статусов, точнее — статусных характеристик, которые фиксируют положение людей на социальной лестнице и отражают переплетающиеся, но в то же время относительно автономные системы неравенства: собственности, власти и уважения.

Анализ данных, приведенных в таблице 14¹, показывает, что за последний год самооценки, характеризующие положение респондентов на шкале материального благосостояния, практически не изменились, тогда как годом ранее имело место четко выраженное развитие негативной тенденции.

В 2016 г., в условиях неопределенности кризисного общества, многие россияне крайне осторожно подходили к оценкам каких-либо изменений в своей жизни. Сказывалось мощное давление сохраняющего свою силу экономического кризиса на все группы и слои населения. В такой ситуации как бы по инерции продолжало расти число граждан, ощущающих снижение уровня благосостояния своих семей. Так, в декабре 2016 г. по сравнению с декабрем 2015 г. доля респондентов, занимающих три ступени нижнего уровня шкалы материального благосостояния, увеличилась на 6,9 п. п. — с 37,5 до 44,4%. В то же время удельный вес респондентов, располагающихся на трех ступенях среднего уровня шкалы, уменьшился на 5,2 п. п. — с 58 до 52,8% соответственно, а доля тех, кто занимал три ступени верхнего уровня шкалы, уменьшилась на 1,7 п. п. — с 4,5 до 2,8% соответственно.

В 2017 г. доля респондентов, занимающих три ступени нижнего уровня шкалы материального благосостояния, уменьшилась всего лишь на 0,3 п. п. — до 44,1%, а удельный вес респондентов, располагающихся на трех ступенях среднего уровня шкалы, сократился на 0,7 п. п. — до 52,1%. В результате этого снижения доля тех, кто занимал три ступени верхнего уровня шкалы, увеличилась на 1 п. п. — до 3,8%.

Если обратиться к долгосрочным тенденциям, то можно отметить, что в 2017 г. доля респондентов, которые относят себя к бедным и малообеспеченным слоям населения, т. е. располагающихся на ступенях нижнего уровня материального благосостояния, была меньше, чем в 1998 г., на 15,4 п. п. (44,1 против 59,5%).

¹ В таблице представлены ответы респондентов на вопрос: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой, — богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня вы лично?». В ходе анализа полученных данных респонденты были распределены не только по ступеням, но и по трем иерархическим уровням материального благосостояния.

В то же время доля лиц, занимающих, по их же собственному мнению, ступени среднего уровня, была больше на 13,4 п. п. (52,1 против 38,7%). И наконец, доля респондентов, относящих себя к наиболее состоятельным слоям, в 2017 г. превышала уровень 1998 г. на 2 п. п. (3,8 против 1,8%).

Таблица 14

Распределение респондентов по уровням и ступеням шкалы материального благосостояния: текущие самооценки, 1994–2017 гг., % от числа ответивших

Год	Нижний уровень			Средний уровень			Верхний уровень		
	Низшая ступень	2-я ступень	3-я ступень	4-я ступень	5-я ступень	6-я ступень	7-я ступень	8-я ступень	Высшая ступень
1994	12,6	15,4	24,1	22,5	19,4	4,1	1,5	0,3	0,1
1996	14,3	16,1	22,4	20,4	20,4	4,4	1,6	0,3	0,1
1998	16,8	19,0	23,7	19,2	16,7	2,8	1,2	0,4	0,2
2000	10,4	14,4	22,6	20,3	22,9	6,5	2,3	0,4	0,2
2001	6,9	11,3	23,1	25,0	23,8	6,5	2,4	0,5	0,3
2002	6,3	12,4	24,0	25,0	23,1	6,2	2,5	0,4	0,1
2003	6,7	13,0	23,5	25,5	21,9	6,0	2,5	0,5	0,5
2004	5,2	11,9	22,3	24,0	24,6	7,0	3,6	1,2	0,2
2005	4,6	12,6	22,6	24,6	23,5	7,2	3,7	1,0	0,2
2006	5,8	11,4	23,2	25,2	23,8	7,0	2,9	0,4	0,3
2007	5,0	12,5	22,4	24,3	23,8	8,2	3,0	0,7	0,1
2008	3,8	10,6	22,1	25,1	25,0	8,5	3,7	0,6	0,6
2009	3,6	10,9	23,6	25,8	24,0	8,1	3,3	0,5	0,2
2010	3,1	10,4	22,0	27,6	24,2	8,4	3,5	0,7	0,1
2011	4,1	11,1	21,9	24,5	23,7	9,7	4,2	0,7	0,1
2012	3,6	10,1	22,0	23,4	25,5	9,9	4,3	1,0	0,2
2013	4,6	10,5	21,4	22,8	24,5	10,7	4,5	0,7	0,3
2014	4,1	10,8	22,0	24,1	24,4	10,1	3,7	0,7	0,1
2015	4,4	10,7	22,4	23,8	23,3	10,9	4,0	0,4	0,1
2016	5,5	13,4	25,5	23,5	21,2	8,1	2,5	0,3	0,0
2017	5,2	13,4	25,5	23,6	21,0	7,5	3,5	0,3	0,0

Данные мониторинга о распределении респондентов на основании самооценок по шкалам материального благосостояния («бедные» – «богатые»), власти («совсем бесправные» – «те, у кого большая власть») и уважения («совсем не уважают» – «очень уважают»), полученные в 2017 г., приведены на рис. 21.

Сравнительный анализ данных мониторинга показал, что за последний год в этой структуре никаких серьезных изменений не произошло. В 2017 г., как и прежде, респонденты лишь немного чаще относили себя к людям, обладающим минимальной или незначительной властью, чем к бедным и малообеспеченным категориям населения. А наиболее высокими оставались самооценки своего по-

ложения на шкале уважения. В 2017 г. 44,1% респондентов (2015 г. – 47%; 2016 г. – 43,3%) расположили себя на трех верхних ступенях этой шкалы, соответствующих наиболее высокому уровню уважения со стороны окружающих их людей, и только 6,4% опрошенных (2015 г. – 4,7%; 2016 г. – 7,2%) отнесли себя к категории людей, которых посторонние по большому счету не уважают или почти не уважают.

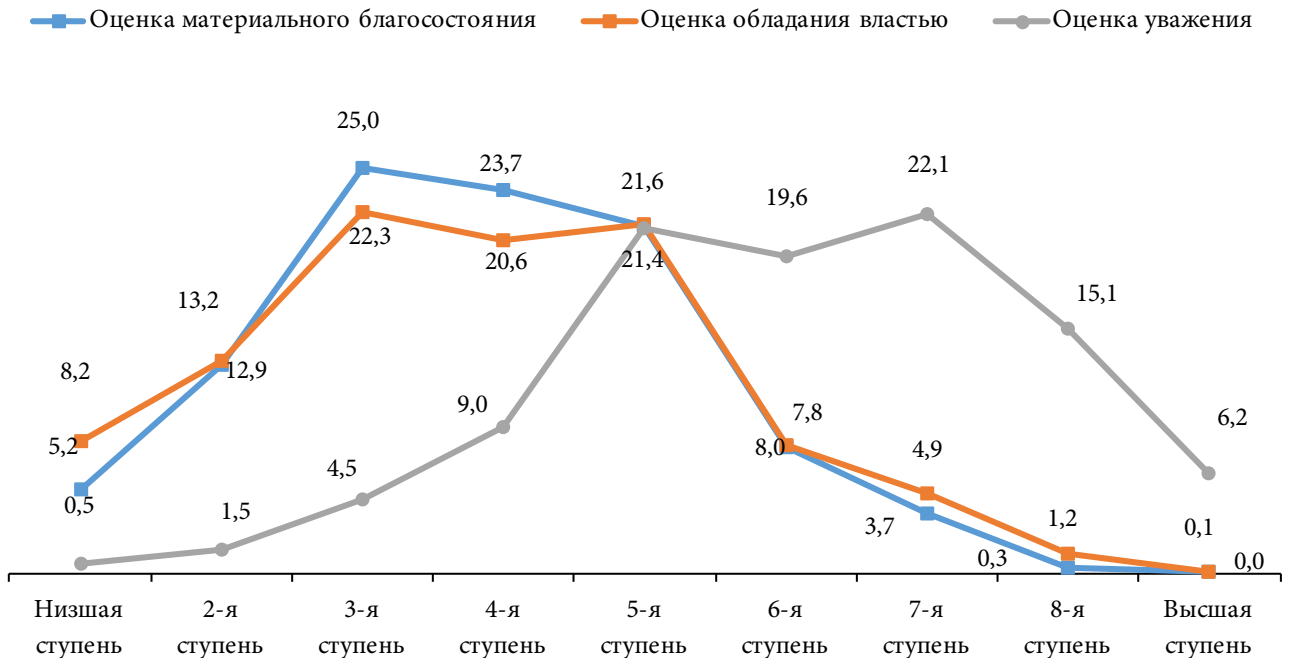

Рис. 21. Распределение респондентов по ступеням шкал материального благосостояния, власти и уважения: текущие самооценки, 2017 г., % от числа ответивших

Данные RLMS-HSE о распределении респондентов по ступеням шкалы профессионального мастерства («начинающие, ученики» – «профессионалы высокого класса») за 2014 и 2017 гг., представленные на рис. 22, демонстрируют довольно близкие, но все же различающиеся значения.

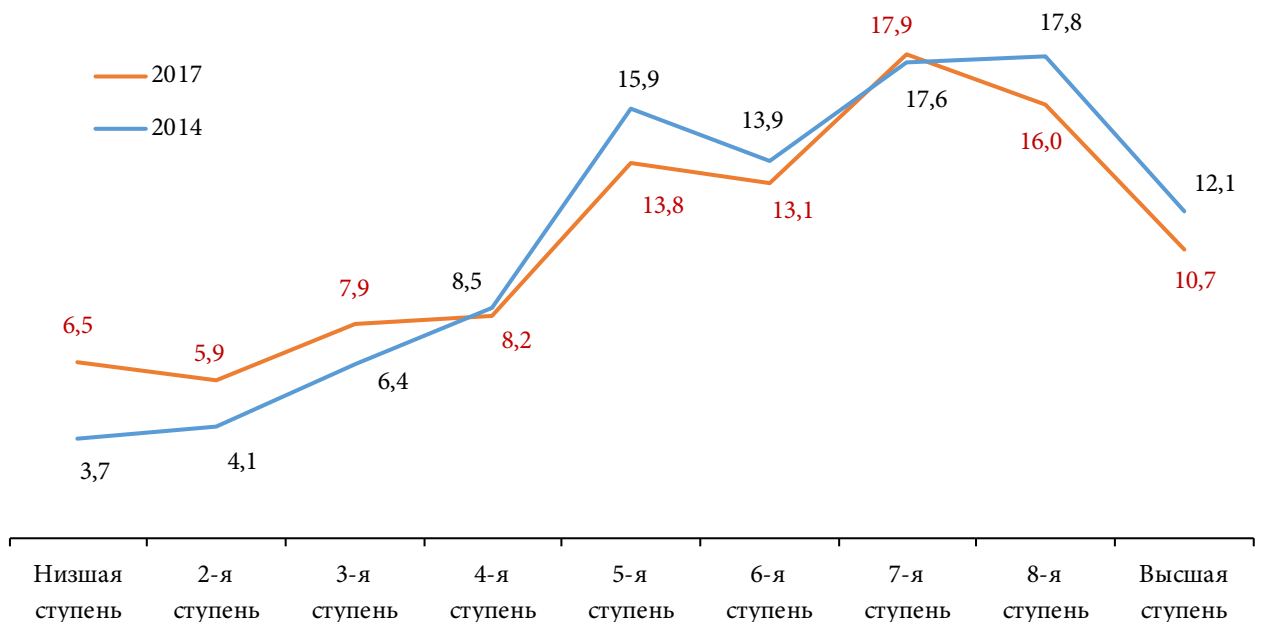

Рис. 22. Распределение респондентов по ступеням шкалы профессионального мастерства: текущие самооценки (к кому это относится), 2014 и 2017 гг., % от числа ответивших

Данные рис. 22 показывают, что, как и прежде, значительное большинство респондентов (к кому это имеет отношение) достаточно высоко оценивают уровень своей профессиональной квалификации. Но при этом в последние годы самооценки уровня профессионального мастерства ухудшились. В результате в 2017 г. они стали хуже, чем в 2014 г. За этот период доля респондентов, оценивающих свой уровень профессионального мастерства высоко, не изменилась (47,5%), тогда как удельный вес респондентов с низким уровнем профессиональной квалификации вырос (с 14,2 до 17,8%), а доля лиц, занимающих средние позиции на шкале профессионального мастерства, сократилась (с 38,3 до 34,7%).

Анализ данных мониторинга, в частности, показал, что доля респондентов, относящих себя к наиболее подготовленному в профессиональном плане контингенту, т. е. занимающих три верхние ступени на шкале профессионального мастерства, уменьшилась с 51,3% в 2013 г. до 47,5% в 2014 г., но затем в 2015 г. немного выросла — до 50,8%. В 2016 г. было отмечено новое, причем более значительное сокращение доли таких респондентов, достигающее 6,3 п. п. — до 44,5%, однако в 2017 г. их доля вновь выросла на 3 п. п. — до 47,5%, т. е. до уровня 2014 г. В то же время удельный вес респондентов, занимающих ступени среднего уровня шкалы профессионального мастерства, увеличился с 34,4% в 2013 г. до 38,3% в 2014 г. и в 2016 г. практически не изменился, составив 38,4%. Вместе с тем в 2017 г. было отмечено сокращение этой доли на 3,7 п. п. — до 34,7%. Доля тех, кто располагается на трех нижних ступенях, увеличилась с 14,3% в 2013 г. до 14,2% в 2014 г., но уменьшилась до 11,5% в 2015 г. В 2016 г. был отмечен новый рост — до 17,2%, а в 2017 г. — до 17,8%.

Ослабление чувства определенной стабильности своего материального положения, приобретенное многими россиянами в годы кризисного периода, способствовало усилению страха за личное и семейное будущее. Негативные явления и процессы в развитии экономики обусловили изменение мироощущения широких слоев, усилили у их представителей чувство неуверенности в завтрашнем дне. Отсутствие экономического роста, выявление все большей ограниченности возможностей социальной политики государства, ухудшение материального положения значительной части россиян, обострение проблем, связанных с обеспечением безопасности, состоянием образования и медицинского обслуживания, — все эти процессы, отражающиеся на условиях жизни населения и воспринимаемые гражданами непосредственно, через личный жизненный опыт, оказывались в период кризисного десятилетия весомыми факторами, ослабляющими или нередко подрывающими настроения социального оптимизма¹. Но в 2017 г., как уже не раз отмечалось, наметился рост у населения оптимистических настроений, одним из выражений которого стало улучшение оценок личных и семейных жизненных перспектив.

Об отмеченных сдвигах в социальном самочувствии россиян свидетельствовали ответы респондентов на вопрос «Как вы думаете, через 12 месяцев вы и ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?» (см. таблицу 15).

¹ Козырева П. М., Смирнов А. И. Указ. соч. С. 73.

Таблица 15

Оценка личных и семейных жизненных перспектив, 1994–2017 гг., %

Оценка	Период сбора данных											
	1994	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2017
Будут жить намного лучше	2,4	1,5	3,0	3,8	3,6	3,1	3,0	4,0	4,1	2,7	1,7	1,9
Будут жить немного лучше	14,4	9,1	15,7	21,6	20,4	22,1	20,5	24,6	25,6	20,9	18,0	19,6
Ничего не изменится	34,7	28,3	44,1	46,8	46,0	47,1	41,3	45,3	44,2	40,1	46,5	47,0
Будут жить немного хуже	20,0	17,7	11,1	8,3	9,7	5,8	8,9	6,9	7,0	12,4	9,7	8,7
Будут жить намного хуже	20,8	25,7	7,7	3,4	4,0	2,5	4,4	2,5	2,2	5,0	5,7	4,2
Затруднились ответить	7,7	17,7	18,4	16,1	16,3	19,4	21,9	16,7	16,9	18,9	18,4	18,6

Анализ данных таблицы показывает, что в конце 2015 г., т. е. в период обострения экономического кризиса, по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. доля россиян, полагающих, что через 12 месяцев они и их семьи будут жить намного или немного лучше, чем сегодня, уменьшилась на 2,9 п. п. — с 23,6 до 20,7%, а в конце 2016 г. еще на 1 п. п. — до 19,7%. В целом с 2012 по 2016 г. доля таких респондентов сократилась на 10 п. п. Но в 2017 г. был отмечен ее рост на 1,8 п. п. — до 21,5%. При этом в декабре 2015 г. по сравнению с тем же периодом 2014 г. доля считающих, что через 12 месяцев они и их семьи будут жить немного или намного хуже, увеличилась на 0,7 п. п. — с 17,4 до 18,1%, но в декабре 2016 г. она уменьшилась на 2,7 п. п. — до 15,4%, а в декабре 2017 г. еще на 2,5 п. п. — до 12,9%.

Рассматривая эти данные, важно учитывать, что отмеченные сдвиги наблюдались на фоне роста доли респондентов, не рассчитывающих на какие-либо изменения. С декабря 2014 по декабрь 2016 г. доля таких респондентов увеличилась с 40,1 до 46,5% и затем в конце 2017 г. — до 47%. Другим важным моментом является сохранение на протяжении всех последних лет высокой доли респондентов, затруднившихся с ответом: почти каждый пятый респондент ежегодно не может оценить свои жизненные перспективы.

Значительная часть россиян не особенно верила в сколь-нибудь весомое изменение своих финансовых перспектив в течение ближайшего года. Существовало понимание, что многие серьезнейшие проблемы экономики так и не решены, а риски снижения реальных доходов и уровня жизни населения сохраняются. Количество респондентов, которых не покидали негативные предчувствия, было больше, чем число тех, которые были склонны позитивно оценивать текущее и будущее положение. При этом, как показало исследование, уровень тревожности респондентов по поводу невозможности обеспечить себя самым необходимым в течение ближайшего времени изменился очень мало.

Рассуждая о причинах широкого распространения негативных ожиданий в условиях неопределенности кризисного общества, важно подчеркнуть, что подобные ожидания во многом вызваны отсутствием у людей понятных и осмысленных жизненных перспектив, которые включают не только предвидение будущего, готовность к нему в настоящем и установку на будущее (готовность к трудностям в будущем, к неопределенности и т. д.), но совокупность обстоятельств и условий жизни, формирующих возможность для оптимального

жизненного продвижения¹. Наличие жизненных перспектив служит источником активности личности и определяет ее будущее, способствует достижению человеком жизненных целей.

В таблице 16 приведены обобщенные сведения, характеризующие ответы респондентов на вопрос «Насколько вас беспокоит то, что вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?».

Таблица 16

Обеспокоенность респондентов невозможностью обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев, 1994–2017 гг., %

Оценка	Период сбора данных											
	1994	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2017
Очень беспокоит	53,6	64,0	49,6	41,6	40,1	39,2	37,3	32,4	30,4	33,0	32,9	34,6
Немного беспокоит	22,1	20,2	22,8	31,0	31,0	31,3	31,5	32,4	34,4	33,5	35,1	33,8
И да и нет	7,8	6,3	10,7	9,1	11,1	11,8	11,0	11,8	12,1	11,4	12,9	12,2
Не очень беспокоит	11,2	6,6	11,4	12,6	12,1	12,3	14,4	16,1	15,5	14,7	12,9	13,2
Совсем не беспокоит	5,3	2,9	5,5	5,7	5,7	5,4	5,8	7,3	7,6	7,4	6,2	6,2

Из таблицы следует, что с конца 2014 по конец 2015 г. доля россиян, в большей или меньшей степени обеспокоенных тем, что не смогут обеспечивать себя самым необходимым в течение ближайшего года, увеличилась на 1,5 п. п. — с 66,5 до 68%. В декабре 2016 г. она не изменилась, а в конце 2017 г. увеличилась на малые 0,4 п. п. — до 68,4%. В то же время доля тех, кто выражал противоположные настроения, уменьшилась с декабря 2014 по декабрь 2015 г. на 2,4 п. п. — с 22,1 до 19,7%, а в декабре 2016 г. еще на 0,6 п. п. — до 19,1%. Но в конце 2017 г. она немного повысилась — до 19,4%, т. е. на 0,3 п. п.

Таким образом, за последний год в социальном самочувствии россиян произошли некоторые позитивные изменения. После выявленного годом ранее сравнительно небольшого снижения уровня удовлетворенности респондентов своей жизнью в конце 2017 г. был отмечен рост социального оптимизма. Очевидно, пик остроты восприятия кризиса общественным сознанием пришелся на рубеж 2015–2016 гг. С тех пор россияне стали ощущать себя немного увереннее. Оценки изменений в жизни своих семей и личной жизни в декабре 2017 г. оказались самыми высокими с начала последнего экономического кризиса. Но говорить о наличии устойчивого тренда положительных изменений все же было еще преждевременно. Выявленный рост оптимизма чаще всего не был связан напрямую с изменением экономической ситуации в домохозяйствах. Причиной позитивных сдвигов скорее всего являлся рост адаптированности россиян к шокам кризисного периода и его последствиям. Привыкание населения к длительному кризису привело к тому, что граждане стали не столь остро ощущать трудности своего материального положения и более позитивно оценивать его динамику. Многие не верили или не особенно верили в стабилизацию отечественной экономики, ожидали роста цен и не были настроены на отказ от кризисной адаптационной стратегии. Осторожные,

¹ См.: Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. С. 144–145.

невнятные ожидания выражались в опасениях ухудшения личных и семейных жизненных перспектив, беспокойности невозможностью обеспечить себя самым необходимым в ближайшем будущем.

Проблемы адаптации в сфере занятости и труда

Восстановление российской экономики после кризиса сопровождалось оживлением рынка труда. С одной стороны, работодатели стали более активно набирать новых сотрудников, отдавая предпочтение лучшим специалистам, а с другой стороны, повысилась активность самих работников на рынке труда. Больше работников стали заявлять о готовности сменить место работы, профессию или специальность, сократились сроки поиска новой работы. Но эти тенденции были все же еще очень хрупкими, поскольку работодатели не спешили с массовым открытием новых рабочих мест, продолжая занимать выжидательную позицию. В условиях сохраняющейся неопределенности и непредсказуемости будущего большинство руководителей предпочитали тщательно взвешивать каждое кадровое решение и не завышать заработную плату даже наиболее ценным работникам. Сказывалось и усиление проблемы дефицита трудовых ресурсов, сопровождающегося снижением уровня безработицы, который мешал усилению восстановительных тенденций на рынке труда и росту экономики. Остро ощущалась нехватка рабочих рук и особенно дефицит высококвалифицированных кадров. Поэтому текущая ситуация на рынке труда в целом воспринималась как достаточно стабильная или малоподвижная.

В 2017 г. было выявлено хотя и небольшое, но все же снижение уровня беспокойности занятого населения угрозой потери работы. Об этом позволяют судить, в частности, ответы респондентов на вопрос «Насколько вас беспокоит то, что вы можете потерять работу?». Анализ ответов респондентов на этот вопрос показал, что с декабря 2014 по декабрь 2016 г. удельный вес граждан из числа занятого населения, которых очень или немного тревожит угроза потери своего рабочего места, увеличился на 9,9 п. п. — с 55,5 до 65,4% (рис. 23). В результате указанных изменений уровень тревожности угрозой потери работы у россиян в 2016 г. оказался самым высоким, начиная с 2000 г. Выше он был только в крайне тяжелом 1998 г., когда доля лиц, в большей или меньшей степени обеспокоенных возможной потерей работы, достигала 68,9%. Однако в декабре 2017 г. по сравнению с декабрем 2016 г. доля таких респондентов уменьшилась на 2,1 п. п. — до 63,3%. При этом крайнюю степень беспокойства («очень беспокоит») возможной потерей работы в декабре 2017 г. выражали 30,4% опрошенных, что было лишь немного меньше, чем 31% в декабре 2016 г., но существенно больше, чем 25,2% в декабре 2014 г. В то же время доля респондентов, не очень или совсем не обеспокоенных этой проблемой, за 2014–2016 гг. уменьшилась на 9 п. п. — с 30,8 до 21,8%, но в декабре 2017 г. она увеличилась на 1,9 п. п. — до 23,7%.

Что касается респондентов, признающих за собой в ходе опросов промежуточную позицию «и да и нет», то их доля в последние годы остается достаточно стабильной и колеблется в пределах 12–14%. Менее значительной она была только

в 1990-е годы, когда подавляющее большинство респондентов из числа занятого населения, достигающее иной раз двух третей, выражали беспокойство по поводу возможной потери работы.

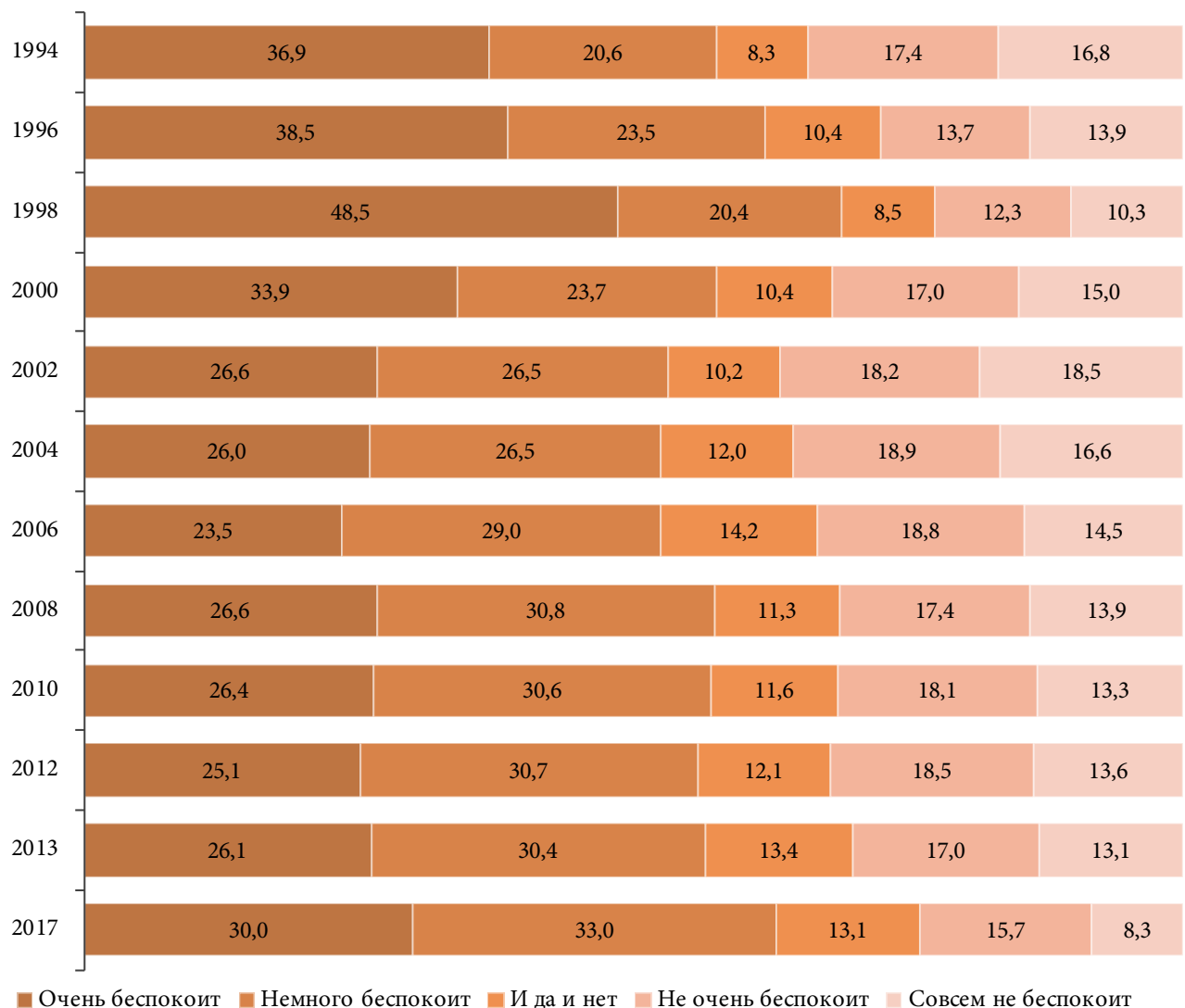

Рис. 23. Обеспокоенность угрозой потери работы, 1994–2017 гг., %

На рис. 24 представлены обобщенные сведения о распределении ответов респондентов на следующий вопрос: «Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, организация, где вы работаете, по каким-то причинам завтра закроется, и все работники будут уволены. Насколько вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?».

Из приведенных на рис. 24 данных видно, что за последний год мнения респондентов по этому вопросу практически не изменились. Так, за 2012–2016 гг. удельный вес респондентов, которые в той или иной степени уверены в возможности нового трудоустройства, сократился на 8,8 п. п. — с 45,4 до 36,6%. Однако в декабре 2017 г. эта доля практически не изменилась, увеличившись всего лишь на 0,3 п. п. — до 36,9%. В то же время доля тех, кто занимал пессимистическую позицию по поводу возможности нового трудоустройства, выросла за 2012–2016 гг. на 6,5 п. п. — с 37,3 до 43,8%. В декабре 2017 г. эта доля вновь немного подросла на 0,6 п. п. — до 44,4%.

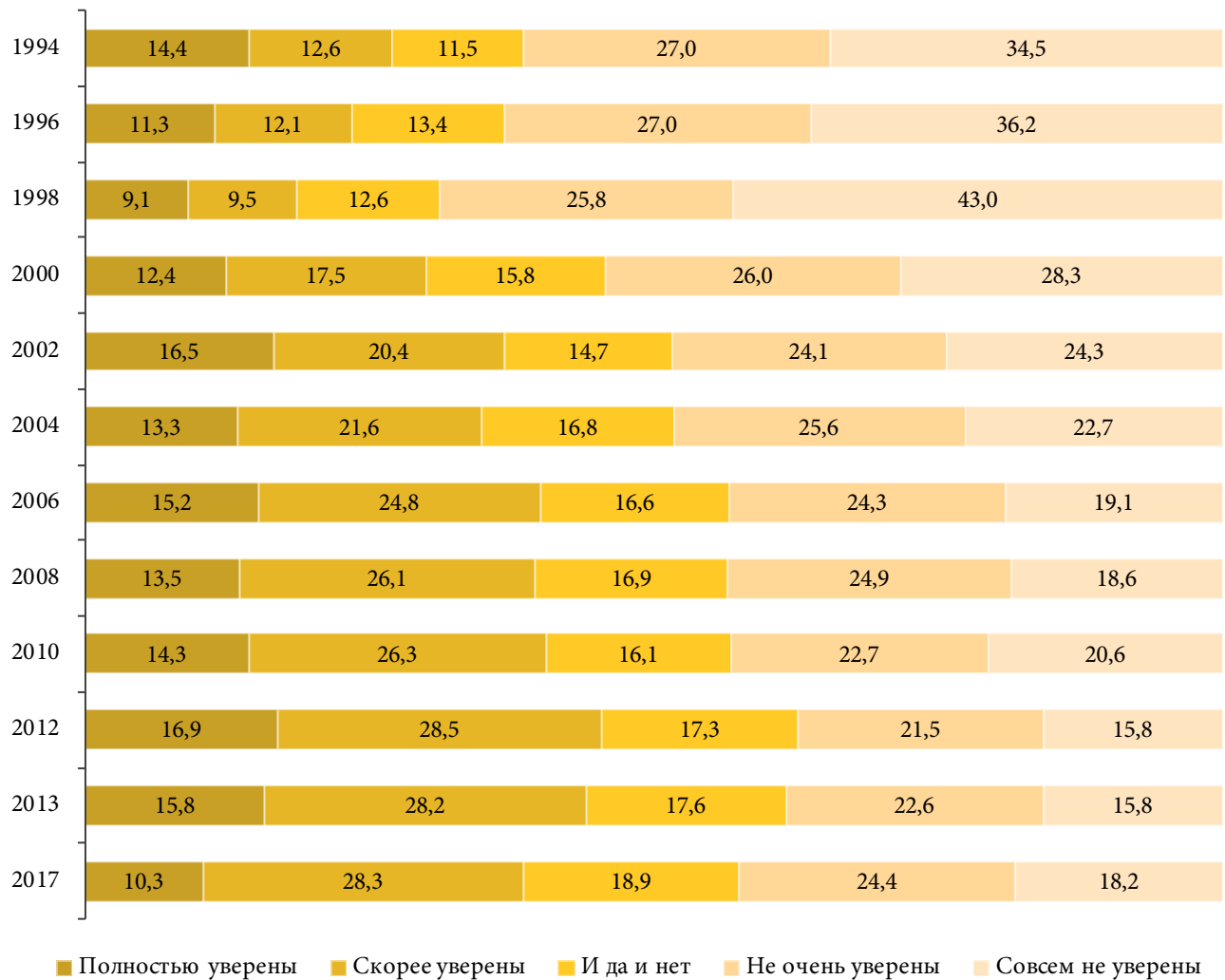

Рис. 24. Степень уверенности в возможности трудоустройства в случае потери работы, 1994–2017 гг., %

На рис. 25 представлены данные RLMS-HSE, раскрывающие основные причины увольнений работников в 2011–2017 гг., которые были получены в процессе анализа ответов респондентов на два взаимосвязанных вопроса: «В каком году и в каком месяце вы ушли с вашей последней работы, перестали работать?» и «По какой основной причине вы перестали работать на вашей последней работе?». Таким образом, на рисунке представлены данные не по всем уволенным, а только по тем, которые были уволены в конкретном (указанном на рис.) году.

Анализ полученных данных показал, что ряд важных тенденций, наблюдавшихся на рынке труда в предыдущие годы, получили дальнейшее развитие в 2017 г. В частности, продолжилось сокращение числа работников, увольняющихся с основной работы по собственному желанию, когда их не устраивали условия труда или заработная плата. Так, доля опрошенных работников, причиной увольнения которых стала неудовлетворенность размером заработной платы, с 2011 по 2016 г. уменьшилась на 3,3 п. п. — с 14,6 до 11,3%, в том числе только с 2015 по 2016 г. — на 2,1 п. п. Продолжением этой тенденции в 2017 г. стало новое сокращение числа таких работников среди всех уволившихся в этом году до 9,6%, т. е. на 1,7 п. п.

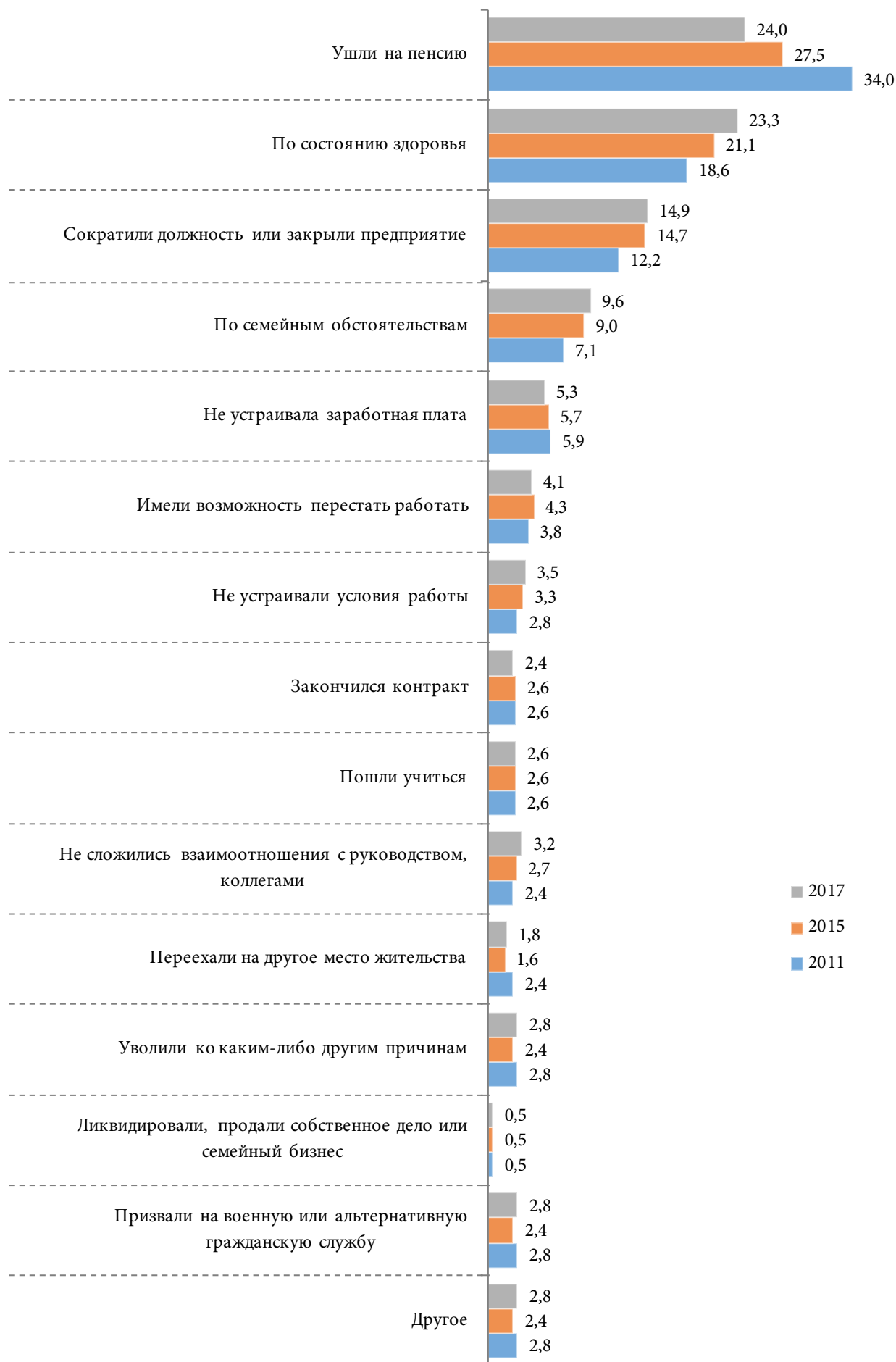

Рис. 25. Причины прекращения работы, 2011, 2016 и 2017 гг., %

Доля работников, переставших работать на основной работе, потому что их не устраивали условия труда на основной работе — график работы, удаленность от дома, вредное производство, ненормированный рабочий день, питание и т. п., с 2011 по 2016 г. менялась медленно и с некоторыми разнонаправленными перепадами. Так, с 2011 по 2014 г. доля работников, уволившихся с последней работы по этой причине, уменьшилась на 0,9 п. п. — с 8,2 до 7,3%, и в 2015 г. практически не изменилась, увеличившись только на символические 0,1 п. п. В 2016 г. было отмечено новое увеличение на 0,4 п. п. — до 7,8%. Но в 2017 г. удельный вес работников, уволившихся из-за не устраивающих их условий работы, резко сократился на 2,4 п. п. — до 5,4%, т. е. до минимума за все время наблюдений.

Особенно много уволившихся с основной работы из-за низких заработков и неудовлетворительных условий труда было среди рабочих кадров. Как известно, в последние годы текучесть производственного персонала на предприятиях высока. Во многом это объясняется тем, что значительная часть руководителей предприятий полагают, что работа на производственных линиях не может быть постоянной. Такая малоквалифицированная работа очень часто считается временным явлением, а поиски работниками более выгодных рабочих мест рассматриваются как нормальное явление. Подобное положение дел заметно обостряет проблему обеспечения предприятий и организаций опытными кадрами.

Умеренными по величине были изменения доли респондентов, уволившихся с основной работы по такой причине, как сложные взаимоотношения с руководством предприятия, организации или с коллегами, сослуживцами. С 2011 по 2016 г. удельный вес респондентов, уволившихся из-за того, что у них сложились взаимоотношения в коллективе, после ежегодных колебаний увеличился на 0,7 п. п. — с 5,7 до 6,4%. В 2017 г. было отмечено новое, но весьма скромное увеличение доли таких респондентов на 0,4 п. п. — до 6,8%.

За 2011–2015 гг. удельный вес респондентов, уволенных с основной работы из-за сокращения должности или закрытия предприятия, организации, последовательно увеличился с 10,8 до 17,7%, т. е. более чем в полтора раза, или на 6,9 п. п., но в 2016 г. он уменьшился до 16%, т. е. на 1,7 п. п. И еще более значительным оказалось это сокращение в 2017 г., когда доля таких респондентов обвалилась на 5,3 п. п. — до 10,7%. Доля тех, кто прекратил работу, потому что у них закончился контракт, в 2011–2015 гг. колебалась вокруг показателя в 6%. В 2016 г. она выросла до 7,3%, однако в 2017 г. существенно уменьшилась — до 4,5%, т. е. на 2,8 п. п.

Весьма умеренно до самого последнего времени менялась весомость такой причины прекращения работы, как те или иные проблемы со здоровьем. Так, удельный вес респондентов, которые прекратили или прервали работу по состоянию здоровья, уменьшился с 12,7% в 2011 г. до 10,7% в 2015 г., т. е. на 2 п. п., но в 2016 г. он увеличился до 13,2%, т. е. на 2,5 п. п. Однако в 2017 г. был отмечен существенный рост доли таких респондентов на 4,4 п. п. — до 17,6%. Это были самые высокие ежегодные темпы роста весомости данной причины за весь период изучения анализируемых проблем в рамках мониторинга.

Одной из значительных традиционных причин прекращения работы остается выход на пенсию. С 2011 по 2015 г. доля респондентов, прекративших работу по этой причине, сократилась с 10,9 до 7,8%, т. е. на 3,1 п. п., тогда как в 2016 г. она выросла на 2,1 п. п. — до 9,9%. И еще более существенным оказался рост в следу-

ющем 2017 г., когда доля таких респондентов увеличилась на 3,6 п. п. — до 13,5%. Большинство этих респондентов после достижения пенсионного возраста сами решили прекратить трудовую деятельность, и только небольшая часть уволилась, потому что их вынудили сделать такой шаг руководители предприятия или организации, — 12,2 и 1,3% соответственно (2016 г. — 8,5 и 1,4% соответственно).

Значимость такой причины прекращения работы, как семейные обстоятельства, менялась незначительно, демонстрируя высокую стабильность. Удельный вес респондентов, уволившихся с работы по тем или иным обстоятельствам семейного характера, увеличился — с 5,5% в 2011 г. до 7,5% в 2014 г., т. е. на 2 п. п., а в 2015 г. практически не изменился, уменьшившись всего лишь на минимальные 0,1 п. п. — до 7,4%. Вместе с тем в 2016 г. весомость данной причины вернулась на уровень 2011 г., уменьшившись до 5,7%, но в 2017 г. вновь увеличилась на 0,5 п. п. — до 6,2%. Практически не меняется доля респондентов, которые увольняются для того, чтобы продолжить обучение в техникуме, вузе или другом учебном заведении. До самого последнего времени удельный вес таких респондентов составлял немногим более 9% от числа прекративших работу. И лишь в 2017 г. их доля уменьшилась на 1,5 п. п. — с 9,4 до 7,9%.

Незначительными оказались изменения весомости такой малораспространенной причины прекращения работы, как возможность заняться другими делами. Доля респондентов, которые бросили работу, потому что имели возможность не работать и могли заняться другими своими делами, увеличилась с 2,6% в 2011 г. до 4,9% в 2015 г., но в 2016 г. вновь снизилась до 2,6%, а в 2017 г. уменьшилась до 2,3%, т. е. на 0,3 п. п.

Среди других изменений обращает на себя внимание последовательное и сравнительно динамичное сокращение в течение нескольких предыдущих лет доли респондентов, которые прекратили работу, потому что вынуждены были переехать на новое место жительства. Их доля поступательно уменьшилась с 2,6% в 2011 г. до 0,4% в 2015 г., т. е. на 2,2 п. п., и только в 2016 г. увеличилась до 0,9%, а в 2017 г. еще на 0,2 п. п. — до 1,1%. И наконец, доля респондентов, которые перестали работать, поскольку ликвидировали или продали собственное дело или семейный бизнес, с 2011 по 2016 г. увеличилась с 0,4 до 0,9%, но в 2017 г. вновь уменьшилась до 0,4%, т. е. до первоначального уровня, выявленного в 2011 г.

Как уже отмечалось, оживление на рынке труда в течение 2017 г. продвигалось довольно медленными темпами, но к концу года рост количества вакансий стал более ощущаемым, существенно выросла активность соискателей, а срок поиска работы для большинства кандидатов сократился. Работодатели стали активнее набирать новых сотрудников и были готовы провести общую или выборочную индексацию зарплат. Вместе с тем рост спроса на персонал был достаточно умеренным. Подобная ситуация, характеризующаяся неспешным ростом, недостаточной гибкостью, обычно считается естественной после затянувшегося кризиса. Во многом это объясняется большим давлением на рынок труда различных внешних и внутренних факторов, включающих дефицит актуальных образовательных программ, квалифицированных кадров, старение трудоспособного населения и т. п.

В 2017 г. по сравнению с 2016 г. доля граждан, выражающих желание найти новую или другую работу, среди респондентов в возрасте 14 лет и старше уменьшилась на 2,4 п. п. — с 16,9 до 14,5%. Характерно, что с 2011 по 2015 г. доля таких

респондентов последовательно сократилась на 3,4 п. п. – с 19,4 до 16%, но в 2016 г. она увеличилась на 0,9 п. п. Примечательно также, что, как и годом ранее, немногим более 3% респондентов не смогли выразить какое-либо определенное мнение в отношении данной проблемы.

Как показал дальнейший анализ, если в 2015 г. из тех, кто хотели бы найти новую или другую работу, прилагали реальные усилия для поиска работы только 29,4% респондентов, в 2016 г. – 28,8%, то в 2017 г. – всего лишь 24,3%. При этом доля респондентов, которые уклонились от определенного ответа, с 2015 по 2016 г. уменьшилась с 12,4 до 10,8%, но в 2017 г. увеличилась до 11,7%. Что касается остальных респондентов, то они заявили, что, несмотря даже на наличие у части из них желания найти какую-либо или другую, новую работу, пока не занимаются решением данной проблемы.

Если в 2015 г. из числа лиц, которые старались найти работу, обращались в целях поиска рабочего места куда-либо или к кому-либо в течение 30 дней, предшествующих опросу, 76% респондентов, в 2016 г. – 74,2%, то в 2017 г. – только 65,8%. Среди всех респондентов, которые выражали желание найти новую или другую работу, доля таких лиц в 2017 г. составила 26,4%, тогда как в 2016 г. она составляла 29,8%, а в 2015 г. достигала 32%. В 2017 г. из числа этих граждан наиболее активно занимались поиском работы 53,6% респондентов, которые обращались куда-либо или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 7 дней. В 2016 г. доля таких респондентов составляла 60,7%, тогда как в 2015 г. – 56%, а в 2014 г. – 67%.

О том, какие способы поиска работы являются сегодня наиболее популярными, дают представление данные мониторинга, представленные в таблице 17. Сопоставление этих сведений с данными предыдущих волн RLMS-HSE свидетельствует об усилении колебаний показателей, характеризующих активность лиц, желающих найти работу или сменить рабочее место, на рынке труда.

Таблица 17

Распространенность способов поиска работы, 1994–2017 гг., %*

Обращались в поисках работы:	Период сбора данных											
	1994	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2017
в государственные службы занятости	38,2	35,1	26,0	30,5	31,0	24,4	20,4	27,7	19,7	20,0	34,2	26,8
в негосударственные службы занятости	13,1	15,6	15,9	16,7	13,1	13,4	10,1	9,2	9,8	8,1	12,1	12,0
к друзьям, знакомым	60,5	75,6	76,5	78,8	76,0	82,9	78,2	81,9	81,3	81,7	79,8	78,9
к родственникам	29,5	40,6	42,7	37,3	36,5	42,1	39,4	50,0	46,1	50,5	40,6	50,5
непосредственно на предприятия	45,0	47,8	52,0	48,9	48,3	50,5	47,7	47,2	45,7	39,7	44,5	52,8
к рекламным объявлениям	29,6	41,5	41,0	44,2	40,9	51,8	44,2	40,1	33,8	37,9	40,2	44,0
к рекламным объявлениям в Интернете	–	–	–	–	–	13,1	19,6	32,9	44,8	48,8	53,8	59,7

*Доля обратившихся к способам поиска работы оценивается в этой таблице относительно всех лиц, обратившихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней.

Данные таблицы, в частности, показывают, что на протяжении всех лет мониторинга ведущее место среди способов поиска работы принадлежало обращениям за помощью к друзьям, товарищам и знакомым. Причем длительное время среди обратившихся к различным способам поиска работы доля респондентов, воспользовавшихся для решения проблемы трудоустройства помощью друзей и знакомых, колебалась около 80-процентной отметки. Небольшое снижение удельного веса таких респондентов в 2016–2017 гг. вряд ли можно считать заслуживающим серьезного внимания. Так, если в 2014 г. помощью друзей и знакомых при поиске работы воспользовались 81,7% респондентов из числа граждан, обратившихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней, то в 2015 г. — 86,6%, т. е. на 4,9 п. п. больше. Однако в 2016 г. доля таких респондентов вновь снизилась, но уже на 6,8 п. п. — до 79,8%, а в 2017 г. она сократилась еще на 0,9 п. п. — до 78,9%.

На второй позиции еще прочнее закрепились обращения соискателей к рекламным объявлениям в Интернете. Доля респондентов из числа соискателей, обратившихся к этому способу поиска работы, стремительно выросла с 13,1% в 2006 г. до 59,7% в 2017 г., т. е. более чем в 4,5 раза, в том числе только за последний год на 5,9 п. п. Как уже отмечалось ранее, многие, до недавнего времени весьма популярные способы поиска работы сегодня стали уступать по степени распространенности современным интернет-ресурсам. В настоящее время огромная часть коммуникаций происходит в виртуальном мире, и поэтому молодые специалисты даже не задумываются о том, где им искать работу. Работодатели также предпочитают экономить время и искать кадры удаленно. Такая ситуация в наибольшей мере характерна для крупных городов. Что касается провинции, то там ситуация во многом иная. Отделения государственной службы занятости зачастую являются там едва ли не единственным посредником между соискателем и работодателем.

Третью позицию в 2017 г. заняли одновременно обращения кандидатов непосредственно на предприятия и помощь родственников. При этом весомость этих способов поиска работы по сравнению с предыдущим годом существенно выросла. Так, если в 2016 г. с целью поиска работы обращались непосредственно на предприятия 44,5% респондентов из числа ищущих работу, то в 2017 г. — уже 52,8%. Это приращение продолжило тенденцию роста, начинающуюся в 2014 г., когда доля респондентов, воспользовавшихся данным способом для решения проблемы трудоустройства, составляла только 39,7%. Что касается обращений за помощью к своим родственникам при решении проблемы трудоустройства, то значимость данного способа поиска работы в течение последних нескольких лет была подвержена существенным колебаниям, тяготея к 50-процентной отметке. Так, если в 2014 г. к нему обращались 50,5% респондентов анализируемой категории, то в 2015 г. — 49,4%. Вместе с тем в 2016 г. доля таких респондентов резко упала до 40,6%, но в 2017 г. столь же стремительно выросла до 50,5%, т. е. до уровня 2010 и 2014 гг.

За последний год немного повысилась также значимость такого хорошо известного способа поиска работы, как обращения за полезной информацией к традиционным рекламным объявлениям — печатным и распространяемым через электронные средства массовой информации. С 2014 по 2015 г. доля ре-

спондентов, обращавшихся к этому способу поиска рабочего места, увеличилась на 3,8 п. п. — с 37,9 до 41,7%, но в 2016 г. она снизилась на 1,5 п. п. — до 40,2%. Это снижение оказалось первым после поступательного роста, наблюдающегося с 2012 г. Однако в 2017 г. было вновь отмечено увеличение, но небольшое, доли респондентов, воспользовавшихся данным способом поиска работы, — до 44%, т. е. на 3,8 п. п.

Как и в прежние годы, на последних строках расположились такие способы поиска работы, как обращения в государственные и негосударственные службы занятости. При этом в 2017 г. в государственные службы занятости респонденты обращались за помощью намного чаще, чем в негосударственные. С 2014 по 2015 г. доля лиц, воспользовавшихся при трудоустройстве услугами государственных служб занятости, выросла почти вдвое — с 20 до 39,7%. В результате такого стремительного роста был достигнут новый максимум, превышающий на 1,5 п. п. прежнее наибольшее значение, зафиксированное еще в 1994 г. Вместе с тем в 2016 г. доля таких респондентов уменьшилась до 34,2%, т. е. на 5,5 п. п., но в 2017 г. она вновь выросла до 26,8%. В то же время удельный вес респондентов, обращавшихся в негосударственные службы занятости, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. увеличился с 8,1 до 12,9%, т. е. на 4,8 п. п. Однако в 2016 г. их доля вновь сократилась на небольшие 0,8 п. п. — до 12,1%, и в 2017 г. практически не изменилась, составив 12%.

Данные официальной статистики показывали, что в ситуации снижения численности трудовых ресурсов можно было ожидать, что работодатели будут все в большей мере сталкиваться с нехваткой рабочей силы. Это было отчетливо видно по данным государственных служб занятости: если в конце декабря 2016 г. на 100 зарегистрированных безработных было 116 вакансий, то в декабре 2017 г. — уже 146. Такое давление со стороны рынка могло стать одной из причин ускорения роста реальной заработной платы по сравнению с прошлым годом.

Но, как показало исследование, при росте вакансий число лиц, обращавшихся на государственные биржи труда, за последний год существенно сократилось. Увеличение числа вакансий и сокращение численности официально зарегистрированных безработных на официальном уровне рассматривались в качестве позитивных моментов, свидетельствующих о росте активности бизнеса и восстановлении экономики. Хотя при этом подчеркивалось, что снижение зарегистрированной безработицы отчасти могло быть связано со снижением привлекательности государственных бирж труда и невозможностью найти там достойную, высокооплачиваемую работу. Как показывает практика, очень многие из тех, кто обращается в государственные службы занятости, оказываются разочарованными предложениями с откровенно низкими или мизерными зарплатами. К причинам низкой популярности государственных центров занятости можно отнести также крайне низкий размер пособий по безработице, который длительное время не менялся, колеблясь от минимума в 850 руб. до максимума в 5 тыс. руб. При этом инфляция свела привлекательность данных пособий до крайне низкого уровня. Необходимо учитывать и то, что активная политика занятости была передана федеральным центром регионам без необходимого финансового обеспечения, что привело к сворачиванию активных программ занятости на местах.

На рис. 26–29 представлены данные мониторинга, характеризующие динамику уровня удовлетворенности российских работников работой в целом и частных удовлетворенностей своим трудом за 2002–2017 гг. Вопросы об удовлетворенности работников предприятий и организаций своей работой и отдельными ее сторонами (условиями труда, оплатой труда и возможностями для своего профессионального роста), раскрывающие эмоциональные аспекты отношения к трудовой деятельности, включаются в «Вопросник для взрослых» RLMS-HSE с 2002 г.

Анализ данных RLMS-HSE, характеризующих динамику уровня удовлетворенности занятых своей работой в целом, которые были получены в процессе анализа ответов респондентов на вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены или не удовлетворены вашей работой в целом?», показывает, что после снижения в 2015 г. тенденция роста уровня удовлетворенности занятых своей работой в целом в 2016 г. возобновилась, и только в 2017 г. было отмечено небольшое сокращение.

Так, доля работников предприятий и организаций, полностью или скорее удовлетворенных своей нынешней работой в целом, уменьшилась с 67,6% в 2014 г. до 65,6% в 2015 г., т. е. на 2 п. п. (рис. 26). Однако в 2016 г. она увеличилась на 2,6 п. п. — до 68,2%. Одновременно с 10,6% в 2014 г. до 11,3% в 2015 г. увеличилась доля работников, которые совсем или скорее не удовлетворены своей работой, которая в 2016 г. немного уменьшилась до 10,1%.

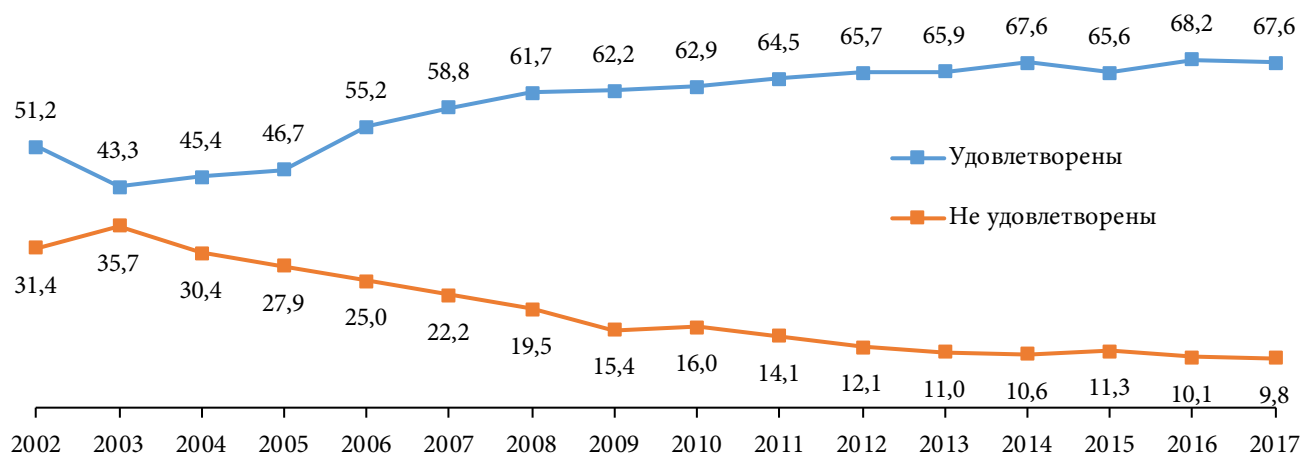

Рис. 26. Удовлетворенность респондентов работой в целом, 2002–2017 гг., %

В результате этих изменений в 2016 г. был достигнут самый высокий уровень удовлетворенности работников российских предприятий и организаций своей работой в целом, начиная с 2002 г. В 2017 г. уменьшились доли работников, как удовлетворенных (до 66,8%, т. е. на 1,4 п. п.), так и неудовлетворенных (до 9,7%, т. е. на 0,4 п. п.) своей работой. Таким образом, если в 2016 г. доля работников, удовлетворенных своей работой, превышала долю лиц, не удовлетворенных работой, на 58,1%, то в 2017 г. эта разница сократилась до 57,1%, т. е. на 1 п. п.

Из рис. 27 следует, что с 2014 по 2015 г. удельный вес работников, полностью или скорее удовлетворенных условиями своего труда, уменьшился на 1,1 п. п. — с 66 до 64,9%, однако в 2016 г. эта доля вновь увеличилась до 66,3%, т. е. на 1,4 п. п. В то

же время доля лиц, которых совсем или скорее не устраивают условия своего труда, увеличилась с 12,2% в 2014 г. до 12,9% в 2015 г., т. е. на 0,7 п. п. И затем в 2016 г. она уменьшилась на 1,1 п. п. — до 11,8%. После указанных изменений уровень удовлетворенности работников условиями труда достиг своего нового максимума.

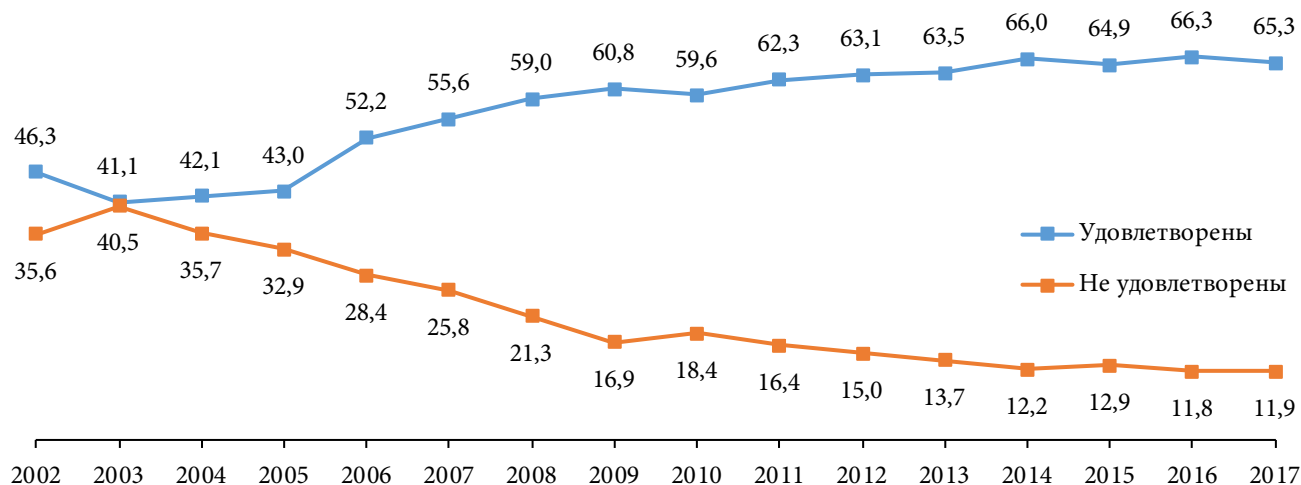

Рис. 27. Удовлетворенность респондентов условиями труда, 2002–2017 гг., %

В 2017 г. доля работников, удовлетворенных условиями труда, уменьшилась на 1 п. п. — до 65,3%, а доля лиц, не удовлетворенных условиями труда, уменьшилась на 0,5 п. п. — до 11,3%. Разрыв между группами, объединяющими респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных и неудовлетворенных условиями своего труда, после увеличения в 2016 г. по сравнению с 2014 г. с 53,8 до 54,5 п. п. в 2017 г. уменьшился до 54 п. п.

Анализ данных RLMS-HSE, представленных на рис. 28, показал, что в последние годы уровень удовлетворенности работников оплатой своего труда менялся очень мало. Если в 2014 г., впервые начиная с 2002 г., доля работников предприятий и организаций, удовлетворенных оплатой своего труда, превысила долю тех, кто недоволен своими заработками, то в 2015 г. ситуация вернулась к предкризисному состоянию и в 2016–2017 гг. практически не изменилась.

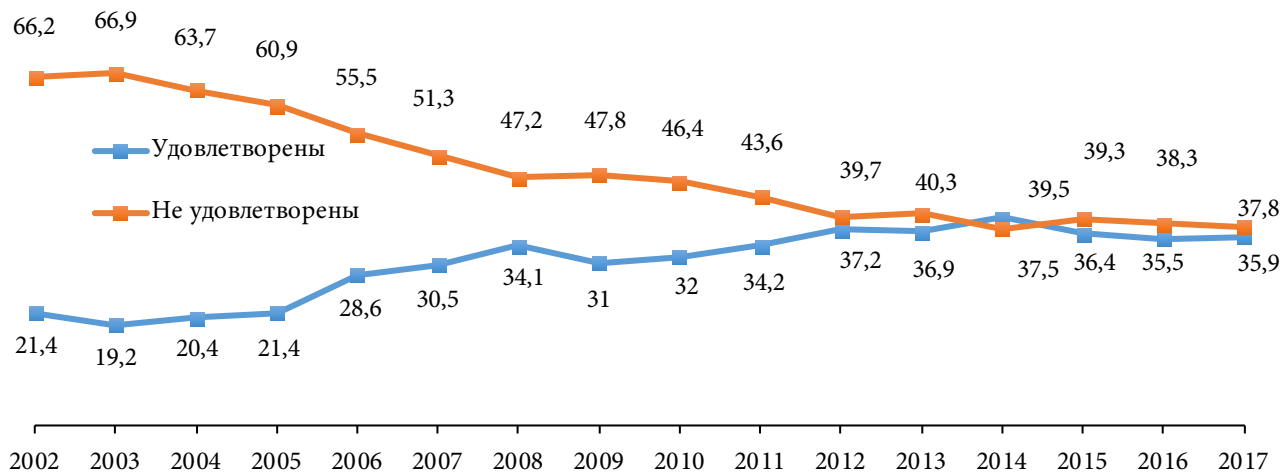

Рис. 28. Удовлетворенность респондентов оплатой труда, 2002–2017 гг., %

Так, удельный вес респондентов, в большей или меньшей степени недовольных своей заработной платой, увеличился с 37,5% в 2014 г. до 39,3% в 2015 г., т. е. на 1, 8. п. п. В 2016 г. доля таких респондентов вновь немного уменьшилась, а именно на 1 п. п. — до 38,3%, и далее в 2017 г. еще на 07 п. п. — до 37,6%. В то же время удельный вес работников предприятий и организаций, которых в большей или меньшей степени устраивает размер заработной платы, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. сократился на 3,1 п. п. — с 39,5% до 36,4%. В 2016 г. доля таких респондентов уменьшилась еще раз до 35,5%, а в 2017 г. увеличилась на очень малые 0,4 п. п. — до 35,9%.

На рис. 29 представлены данные RLMS-HSE, раскрывающие тенденции уровня удовлетворенности работников предприятий и организаций возможностями для профессионального роста за 2003–2017 гг.

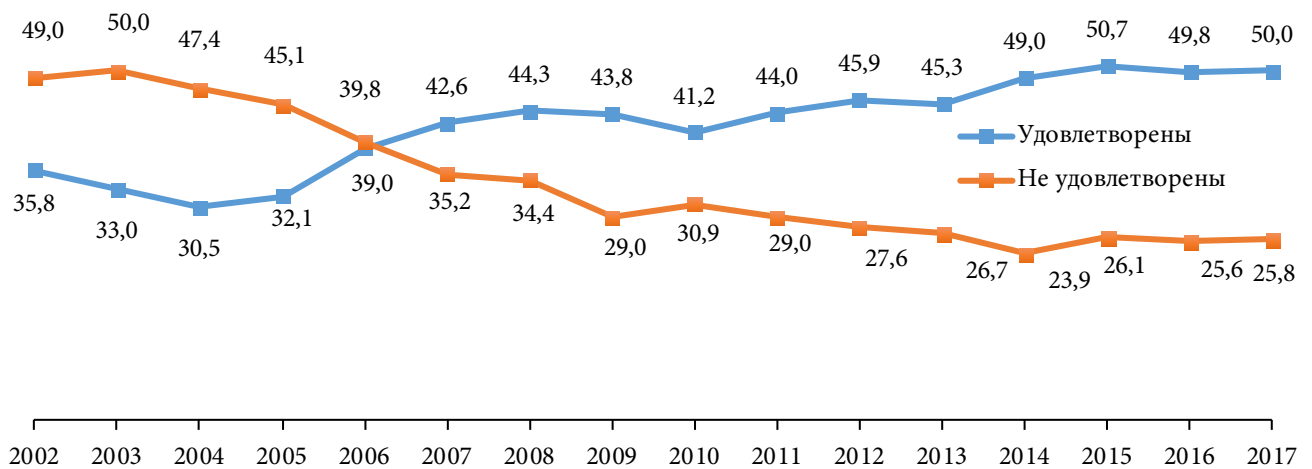

Рис. 29. Удовлетворенность респондентов возможностями профессионального роста, 2002–2017 гг., %

Анализ данных показывает, что, как и в предыдущем случае, уровень удовлетворенности работников возможностями для профессионального роста менялся, но не существенно.

Из рисунка, в частности, следует, что доля респондентов, которые в большей или меньшей степени удовлетворены данной стороной своего труда, после роста с 49% в 2014 г. до 50,7% в 2015 г., т. е. на 1,7 п. п., в 2016 г. уменьшилась на 0,9 п. п. — до 49,8%, а в 2017 г. еще на 2,6 п. п. — до 47,2%. В то же время удельный вес работников предприятий и организаций, которых не устраивают возможности для профессионального роста, увеличился с 23,9% в 2014 г. до 26,1%, т. е. на 2,2 п. п. В 2016 г. эта доля вновь сократилась на 0,5 п. п. — до 25,6%, а в 2017 г. — до 23,4%.

Примечательно, что самый большой разрыв между группами, объединяющими респондентов, которые в большей или меньшей степени удовлетворены и не удовлетворены возможностями профессионального роста, достигающий 2,1 раза, был зафиксирован в 2014 г. В 2015–2016 гг. этот разрыв составлял около 1,9 раза, а в 2017 г. — около 2 раз.

Особенности обращения россиян к различным формам личного или семейного рыночного приспособления, которые основаны на собственном производстве и использовании личных материальных ресурсов, демонстрируют сведения RLMS-HSE за 2000–2017 гг., представленные в таблице 18.

Таблица 18

Некоторые формы рыночного поведения респондентов, 2000–2017 гг., %

Формы рыночного поведения	Период сбора данных										
	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2013	2014	2016	2017
Работали на дополнительной работе	8,6	10,1	10,0	9,3	6,3	6,4	6,3	8,5	7,5	6,7	6,6
Выращивали что-то на своем участке на продажу или на обмен	8,6	7,1	6,8	6,2	4,4	4,1	3,6	4,0	4,1	4,8	2,7
Разводили скот, птицу, рыбу на продажу	7,8	6,1	6,6	5,8	5,2	4,5	4,0	3,9	4,1	3,1	3,0
Оказывали услуги за плату	4,1	5,8	4,4	5,0	4,7	5,2	5,4	4,0	4,1	2,6	3,0
Охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу	–	–	–	–	–	–	–	2,0	1,0	1,4	1,1
Помещали в банк деньги, давали деньги займы под проценты	1,2	0,9	1,0	1,4	1,2	1,6	1,5	3,1	1,3	1,5	1,3
Сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль	0,6	1,4	1,0	0,8	0,6	0,7	0,8	1,0	0,7	0,7	0,7

Данные таблицы, в частности, показывают, что феномен подработки распространен в России довольно умеренно. Кризис, возможно, заставил больше людей задуматься о подработке, но точно не стал единственным аргументом для тех, кто помимо основной работы решил заняться чем-то еще. То, что российские граждане особенно активно берутся за дополнительные заработки в условиях экономического кризиса, находит подтверждение далеко не всегда и не в полном объеме. Так, с 2013 по 2014 г. среди респондентов доля лиц, занятых одновременно и на основной, и на дополнительной работе, не только не выросла, а наоборот, уменьшилась на 1 п. п. – с 8,5 до 7,5%, и далее в 2015 г. еще на 1,1 п. п. – до 6,4%. Нечто подобное наблюдалось и в 2008–2009 гг. В 2016 г., когда появились признаки улучшения экономической ситуации, был выявлен небольшой рост вторично занятых на 0,3 п. п. – до 6,7%, а в 2017 г. их доля практически не изменилась, уменьшившись на мизерные 0,1 п. п. – до 6,6%.

В 2017 г. отмечено резкое уменьшение доли россиян, занимающихся выращиванием чего-либо (фрукты, овощи, ягоды и др.) не для личного потребления, а на продажу или обмен. Доля таких респондентов с 2014 по 2016 г. увеличилась на 0,7 п. п. – с 4,1 до 4,8%, но в 2017 г. она внезапно сократилась на 2,1 п. п. – до 2,7%. Таким низким данный показатель не был никогда ранее.

Отмечено также дальнейшее сокращение числа россиян, занимающихся разведением скота, птицы, рыбы на продажу. Так, с 2000 по 2017 г. удельный вес респондентов, которые разводили какую-либо живность на продажу, с некоторыми небольшими отклонениями сократился более чем в 2,5 раза – с 7,8 до 3%, в том числе за последний год – на 0,1 п. п. В то же время доля респондентов, которые оказывали услуги другим людям за плату, за 2012–2016 гг. сократилась более чем вдвое – с 5,4 до 2,6%, но в 2017 г. увеличилась на 0,4 п. п. – до 3%.

Исследование также показало, что в период кризиса россияне не стали чаще заниматься охотой и собирательством для того, чтобы поправить свое материальное положение. Если и стало больше людей, которые добывают пропитание не только на приусадебных участках, но и в лесу, по берегам рек и озер, то не на много. При этом выросло количество людей, которые стали чаще ходить на рыбалку, охоту или за ягодами не для продажи добытого, а для того чтобы пополнить или улучшить свой рацион. С 2014 по 2014 г. доля респондентов, которые охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу, увеличилась с 1 до 1,4%, но в 2017 г. она вновь уменьшилась до 1,1%.

Кроме того, согласно данным исследования, в 2017 г. только 1,5% респондентов помещали в банк деньги, давали займы под проценты, а 0,7% опрошенных сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль.

Таким образом, в конце 2017 г. было выявлено небольшое снижение уровня обеспокоенности занятого населения угрозой потери работы и некоторое улучшение оценок возможности нового трудоустройства в случае потери рабочего места. Восстановлению рынка труда способствовал рост числа вакансий на рынке и повышение уровня активности соискателей. Работодатели стали активнее набирать новых работников, а срок поиска работы для большинства респондентов немного сократился. Немаловажное значение имело начавшееся в предыдущем году снижение численности рабочей силы, которое было вызвано старением населения, наблюдающимся в России на протяжении довольно длительного времени.

* * *

Итоги развития России в 2017 г., несмотря на всю их неоднозначность и явное торможение в экономике к концу года, в целом оказались позитивными. Об этом свидетельствовали, прежде всего, выход из экономического кризиса и наметившийся переход к стадии устойчивого развития. Но при этом темпы роста экономики были пока очень малы, а ее структура диверсифицировалась заметно медленнее, чем в предкризисные годы. Российская экономика продолжала находиться в мощных тисках стагнации и зависимости от внешней сырьевой конъюнктуры. Уровень инфляции по итогам года опустился до рекордно низких за всю постсоветскую эпоху 2,5%. Достижению такого низкого уровня инфляции способствовало сохранение умеренной потребительской и кредитной активности, а также продолжившееся снижение инфляционных ожиданий, условия для чего во многом формировало проведение последовательной умеренно жесткой денежно-кредитной политики. Экономический рост и низкая инфляция непосредственно отразились на уровне и качестве жизни населения.

Выход из кризиса можно было охарактеризовать как медленный и достаточно длительный, но набирающий темпы процесс. Постепенно начали восстанавливаться заработные платы и другие доходы населения. Если за 2013–2015 гг. средние реальные доходы российских домохозяйств сократилась на 6,4%, то в конце 2016 г. они выросли на 11,1%, а декабре 2017 г. по сравнению с декабрем 2016 г. — еще на

10,6%. Как и прежде, доминирующее положение в структуре доходов российских семей занимали доходы от заработной платы и государственных трансфертных платежей. Совокупный месячный доход домохозяйств от заработной платы после сокращения в 2014–2015 гг. на 9,1% в 2016 г. вырос на 10,6%, а в 2017 г. — еще на 11,8%. При этом доход домохозяйств от работы на госпредприятиях, после снижения в 2014–2015 гг. на 14%, за 2016 г. вырос на 8,2% и затем за 2017 г. еще на 7,3%. В то же время доход от работы на частных предприятиях, после падения в 2014–2015 гг. на 6,7%, в 2016 г. вырос на 13,8% и далее в 2017 г. — на 17,6%. Доход домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности после роста в 2015 г. на 19,4% и в 2016 г. на 3,7% в 2017 г. уменьшился на 3%. В 2017 г. было выявлено очередное повышение дохода домохозяйств от государственных трансфертов. Но если в 2016 г. его рост составил 11,8%, то в 2017 г. — только 6,3%. В 2017 г. отмечен очередной рост совокупного денежного и натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора, составивший 19%, что было гораздо больше, чем 10% годом ранее. Помощь от родственников и благотворительная помощь после сокращения на протяжении кризисного периода в течение последних двух лет демонстрировала рост: в 2016 г. — на 16,4% и в 2017 г. — на 7,7%.

За годы последнего кризиса доходы россиян стали в большей степени, чем ранее, зависеть от различных государственных выплат и в меньшей степени от предпринимательских и других заработков. Так, если в 2011 г. доля совокупного месячного дохода домохозяйств от заработной платы достигала 51,1%, то в кризисном 2015 гг. — всего лишь 45%. И только в 2017 г., когда наметился выход из кризиса, эта доля выросла до 46%. В то же время доля дохода домохозяйств от государственных трансфертных платежей выросла с 35,4% в 2011 г. до 42,1% в 2015 г., но в 2017 г. снизилась до 40,9%. При этом за последний год доля дохода домохозяйств от работы на государственных предприятиях уменьшилась с 20,8 до 20,6%, тогда как доля дохода от работы на предприятиях частного сектора выросла с 21,6 до 23,2%. В то же время доля дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности оставалась небольшой, сократилась с 2,6 до минимальных 2,2%. Обращает на себя внимание заметный рост в последние годы доли денежного дохода домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора: с 3,5% в 2014 г. до 4,6% в 2017 г., в том числе за последний год на 0,4 п. п. При этом доля аналогичного натурального дохода оставалась на низком уровне, снизившись в конце 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года с 2,5 до 2%. Доля дохода домохозяйств от помощи родственников и благотворительной помощи, после небольшого уменьшения с 5,4% в 2014 г. до 5,3% в 2015 г., к концу 2017 г. последовательно увеличилась до 5,8%.

После продолжительного периода сокращения доли домохозяйств с доходом от заработной платы в условиях развития кризисных тенденций (с 71,4% в 2010 г. до 63,8% в 2016 г.), в более благополучном 2017 г. отмечен ее рост до 64,3%. Этот рост произошел полностью за счет увеличения доли домохозяйств с доходом от работы на предприятиях частного сектора — с 35,1% в 2016 г. до 37,9% в 2017 г. В то же время удельный вес домохозяйств с доходом от работы на госпредприятиях за последний год сократился с 38,8 до 38,3%, а доля домохозяйств, имеющих доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности, уменьшилась с 5,3 до 4,6%. Удельный вес домохозяйств, получающих государственные трансферты, за послед-

ний год уменьшился с 74,7 до 73,4%, т. е. до уровня докризисного 2008 г. В условиях выхода из кризиса было отмечено также сокращение удельного веса домохозяйств, получающих денежный (с 15,2 до 14,7%) или натуральный (с 40,5 до 37,9%) доход от домашнего производства и неформального сектора. Доля домохозяйств, располагающих доходом от помощи родственников и благотворительной помощи, в последние годы менялась очень мало. В 2017 г. она составила 26,5%, что было лишь на 0,4 п. п. меньше, чем в 2014–2016 гг.

Наиболее пострадавшими в период череды экономических кризисов и стагнации 2008–2016 гг. оказались довольно обеспеченные слои населения, составляющие основу среднего класса. Сокращение количества зажиточных домохозяйств во время последнего кризиса сопровождалось ростом числа бедных семей. В 2017 г., как и годом ранее, выявлен рост реальных доходов у всех групп домохозяйств, классифицированных по квинтилям душевого дохода. Однако если в 2016 г. доходы бедных и малообеспеченных домохозяйств росли быстрее, чем доходы более обеспеченных и богатых, то в 2017 г. наблюдались противоположные тенденции. Так, в декабре 2017 г. по сравнению с декабрем 2016 г. средняя сумма месячного дохода у домохозяйств первого и второго квинтилей выросла приблизительно на 5–7%, в то время как у более обеспеченных домохозяйств – на 10–14%. В 2017 г. средняя сумма месячного дохода двадцати процентов домохозяйств с самыми высокими доходами в 2,9 раза превышала среднюю сумму месячного дохода двадцати процентов домохозяйств с самыми низкими доходами, что было лишь немного больше, чем 2,7 раза в 2016 г.

В 2017 г. многие россияне продолжали испытывать серьезные трудности даже с обязательными или самыми необходимыми платежами – оплатой коммунальных услуг или выплатой кредитов, а также с покупкой лекарств или оплатой обучения. За предыдущие несколько лет эти граждане потратили свои накопления и теперь стали жить от зарплаты до зарплаты. Немало было и тех, кто с большим трудом могли оплачивать только лишь еду, транспорт и жилищно-коммунальные услуги. Но в то же время наметились изменения моделей поведения потребителей. Увеличилась та часть россиян, которые могли позволить себе некоторые дополнительные покупки. Ежемесячные расходы домохозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров, после роста в 2016 г. на 9,2%, увеличились в 2017 г., несмотря на существенный рост доходов населения, на едва заметные 0,1%. При этом расходы на продукты питания после увеличения в 2016 г. на 7,1% в 2017 г. увеличились еще на 6,9%. В то же время расходы домохозяйств на непродовольственные товары после роста в 2016 г. на 10,5% за последний год снизились на 3,2%. Четче обозначилась тенденция на увеличение доли расходов на продовольствие в бюджете домохозяйств. За 2016–2017 гг. доля расходов домохозяйств на продукты питания уменьшилась с 41,5 до 40,2%, в то время как доля расходов на непродовольственные товары выросла с 58,5 до 59,8%.

Продолжилось снижение дифференциации домохозяйств по уровню расходов, берущее начало в период вступления России в кризисную полосу. Если в 2016 г. двадцать процентов наиболее обеспеченных домохозяйств тратили на продукты питания и непродовольственные товары в 6 раз больше, чем двадцать процентов наименее обеспеченных домохозяйств, то в 2017 г. – только в 5,1 раза. В 2017 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили ежемесячно на питание в 2,4 раза больше,

а на непродовольственные товары в 7,5 раза больше, чем домохозяйства нижнего квинтиля. Снижение дифференциации домохозяйств по уровню расходов происходило за счет опережающего роста расходов наименее обеспеченных домохозяйств. При этом если год назад рост расходов затронул домохозяйства, относящиеся ко всем квинтилям, то в конце 2017 г. — только к первым четырем.

В ходе исследования выявлен весьма умеренный рост активности населения на рынке товаров длительного пользования, затронувший меньшую часть россиян. Большинство граждан, занимая осторожную, выжидательную позицию, все еще не рассматривали сложившиеся условия как благоприятные для совершения крупных покупок и формирования сбережений. Очень часто продажи таких дорогих товаров увеличивались за счет роста интереса потребителей к новым товарам в различных товарных и ценовых категориях, а также из-за необходимости замены устаревшей или вышедшей из строя техники культурно-бытового назначения. Но при этом был обнаружен рост уровня оснащенности домохозяйств такими предметами длительного пользования, как холодильники «No Frost» (с 61,7 до 62,9%) и стиральные машины последнего поколения (с 82,7 до 83,9%). Вырос также уровень оснащенности российских семей компьютерной техникой. Доля домохозяйств, располагающих хотя бы одним стационарным или переносным компьютером, увеличилась за последний год с 68,4 до 69,4%. И в то же время уровень обеспеченности домохозяйств легковыми и другими автомобилями практически не изменился, а количество городских домохозяйств, имеющих дачу, даже немного уменьшилось.

В конце 2017 г. в России наблюдалась ситуация, характеризующаяся высоким уровнем занятости, а безработица находилась на минимально низком уровне. На фоне роста устойчивости экономики в период выхода из кризиса основные показатели рынка труда демонстрировали довольно высокую стабильность. При этом в 2016 г. по сравнению с 2015 г. доля экономически активного населения, не имеющего работы и ищущего ее, уменьшилась с 5,5 до 4,7%, а в 2017 г. — еще до 3,5%, что обеспечило сохранение нисходящего тренда уровня безработицы. Уровень безработицы среди мужчин за последний год снизился с 4 до 3,4%, тогда как среди женщин — с 5,7 до 3,7%. В 2017 г., как и в предыдущие годы, в структуре безработицы полностью доминировала длительная безработица (продолжительностью свыше трех месяцев), уровень которой с 2012 по 2017 г. вырос с 65,1 до 68,7%. На долю среднесрочной безработицы (от одного до трех месяцев) приходилось 20,6%, тогда как на долю краткосрочной (продолжительностью до одного месяца) — 10,6%.

В последние годы соотношение трудоспособного населения и лиц, преодолевших эту отметку, росло в пользу последних. Коэффициент участия в рабочей силе практически не изменился, увеличившись с 81,7% в 2016 г. до 81,9% в 2017 г. При этом за последний год коэффициент участия в рабочей силе у мужчин увеличился с 84,7 до 85%, тогда как у женщин он практически не изменился, увеличившись с 78,4 до 78,5%. Уровень занятости среди женщин, получающих пенсию, оставался существенно выше, чем среди мужчин-пенсионеров. Занятость среди мужчин-пенсионеров увеличилась с 20,7% в 2016 г. до 20,8% в 2017 г., в то время как доля работающих женщин-пенсионеров выросла за этот же период с 24,1 до 25,9%, достигнув абсолютного максимума за время наблюдений. Удельный вес

респондентов, сообщивших о смене места работы, за последний год уменьшился с 9,5 до 9,2%, тогда как доля лиц, сообщивших о смене профессии, сократилась с 6,6 до 5,6%.

Проблема задолженности по заработной плате в прошедшем году не представляла серьезной угрозы, но носила весьма болезненный характер для небольшой части работников и их семей, которые непосредственно столкнулись с задержками или невыплатами зарплаты. Если с 2015 по 2016 г. доля работников, не полностью получающих заработную плату, уменьшилась с 2,8 до 2,6%, то в 2017 г. она осталась на прежнем, минимально низком уровне. Но при этом сроки задолженности по заработной плате у немалой части этих работников немного увеличились. С 2015 по 2016 г. средняя сумма задолженности по заработной плате уменьшилась на 6,4%, но в 2017 г. она увеличилась на 9,6%. Различие между мужчинами и женщинами в величине средней суммы задолженности по заработной плате до самого последнего времени сохранялось на высоком уровне, но в 2017 г. сократилось до минимума. В 2015 г. эта разница достигала более чем 1,5 раза, в 2016 г. — почти 1,8 раза, тогда как в 2017 г. она сократилась до минимальных 1,1 раза.

Как и в предыдущие годы, в 2017 г. мужчины заметно превосходили женщин по доле получающих тот или иной вид дохода и по величине среднего размера дохода от трудовой деятельности. В 2017 г. среди трудоспособного населения мужчины превосходили женщин по доле лиц, получающих трудовой доход, на 7,9 п. п. (79,7% против 71,8%). Продолжилось нарастание удельного веса мужчин и женщин трудоспособного возраста, занятых на частных предприятиях, и сокращение удельного веса мужчин и женщин аналогичного возраста, работающих на предприятиях государственного сектора. Выявлено очередное увеличение преобладания мужчин над женщинами по доле лиц трудоспособного возраста, получающих доход от работы на частных предприятиях или на предприятиях смешанной формы собственности. Если в 2013 г. это превосходство составляло 9,7 п. п. (40,2% против 30,5%), то в 2017 г. — 11,4% (44,6% против 33,2%). Средний размер дохода от трудовой деятельности, получаемого занятыми женщинами трудоспособного возраста, в 2017 г. составил 70,8% от среднего дохода занятых мужчин трудоспособного возраста. В частном секторе этот показатель составил 74%, тогда как в государственном — 70%. Средний размер дохода, получаемого от работы в неформальном секторе, у женщин составил около 56% от аналогичного дохода мужчин

В 2017 г. было выявлено очередное сокращение доли домохозяйств, испытывающих трудности со своевременной оплатой услуг жилищно-коммунального хозяйства. Если в 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля домохозяйств-должников увеличилась с 7,2 до 8,4%, то в 2016 г. она уменьшилась до 7,8%, и далее в 2017 г. — до 7,3%. Средняя сумма задолженности домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг за 2015–2016 гг. увеличилась почти в полтора раза, но в 2017 г. сократилась на 13,6%. Средняя сумма месячной платы домохозяйств за жилье и коммунальные услуги выросла в 2016 г. на 10,6% и в 2017 г. — еще на 3,8%, достигнув максимума за все время наблюдений. Как и прежде самые высокие расходы на оплату жилья и/или коммунальных услуг несли домашние хозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста. Наибольшие трудности по оплате этих услуг испытывают одинокие женщины, воспитывающие детей. Не случайно

средняя сумма задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг самой высокой была у домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста. Ее размер почти в полтора раза превышал аналогичные суммы задолженности домохозяйств, возглавляемых как мужчинами трудоспособного возраста, так и женщинами пенсионного возраста.

Прошедший год характеризовался улучшением социального самочувствия населения, которое имело различные проявления. Увеличилось число россиян, которые чувствовали себя более или менее комфортно, надеялись на лучшее. С декабря 2013 по декабрь 2016 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью в целом, уменьшилась с 52,4 до 48,1%, тогда как в декабре 2017 г. она увеличилась до 51,1%. При этом доля тех, кто были в той или иной мере недовольны своей жизнью, с декабря 2013 по декабрь 2016 г. увеличилась с 24,4 до 26,7%, но в декабре 2017 г. уменьшилась до 24,2%. После этих сдвигов количество россиян, выражающих полный или умеренный оптимизм, стало более чем вдвое превышать количество тех, кто демонстрировали полный или умеренный пессимизм. Но в то же время, несмотря на позитивные сдвиги в экономике, многие россияне не замечали их или относились к их оценке с большим подозрением. К наиболее беспокоящим проблемам россияне продолжали относить рост цен, бедность, обнищание населения и безработицу. Оценки экономической ситуации в стране перекликались с пессимистическими прогнозами относительно собственного финансового будущего.

Число россиян, удовлетворенных своим материальным положением, несмотря на некоторый рост, оставалось небольшим. С декабря 2012 по декабрь 2016 г. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных своим материальным положением, сократилась с 26,7 до 20,2%, но в 2017 г. она увеличилась до 23,3%. В то же время доля лиц, которые были не очень или совсем не удовлетворены материальной стороной своей жизни, с декабря 2012 по декабрь 2016 г. выросла с 54,1 до 60,7%, но в декабре 2017 г. уменьшилась до 57%. Аналогичными были сдвиги в оценках изменения материального положения своих семей за последние 12 месяцев. С декабря 2012 по декабрь 2016 г. удельный вес респондентов, заметивших какое-либо ухудшение материального положения своих семей в течение последнего года, увеличился с 15,5 до 31,5%, однако в декабре 2017 г. он уменьшился до 25%. При этом доля тех, кто указывал на повышение материального достатка своей семьи, с декабря 2012 по декабрь 2016 г. снизилась с 26,3 до 15,4%, но в декабре 2017 г. она увеличилась до 18%.

Как и в предыдущие кризисные годы, большинство россиян не слишком надеялись на улучшение своего положения в ближайшем будущем. Многие ожидали нового подорожания товаров и услуг, снижения доходов и нарастания других трудностей. С декабря 2014 по декабрь 2016 г. доля россиян, полагающих, что через 12 месяцев они и их семьи будут жить намного или немного лучше, чем сегодня, уменьшилась с 23,6 до 19,7%, а в декабре 2017 г. увеличилась до 21,5%, тогда как доля рассчитывающих на худшее с декабря 2014 по декабрь 2016 г. уменьшилась с 17,4 до 15,4%, но в декабре 2017 г. увеличилась до 12,9%. Кроме того, с декабря 2014 по декабрь 2017 г. удельный вес респондентов, в большей или меньшей степени обеспокоенных тем, что не смогут обеспечивать себя самым необходимым в течение ближайшего года, увеличился с 66,5 до 68,4%. В то же время

доля тех, кто выражали противоположные настроения, уменьшилась с декабря 2014 по декабрь 2016 г. с 22,1 до 19,1%, однако в декабре 2017 г. она повысилась, но всего лишь до 19,4%.

В 2017 г. было выявлено некоторое снижение остроты проблемы обеспокоенности занятого населения угрозой потери работы, достигшей в 2016 г. самого высокого уровня, начиная с 2000 г. За последний год доля респондентов, в большей или меньшей степени обеспокоенных угрозой потери работы, уменьшилась с 65,4 до 63,3%, в то время как доля тех, кто не очень или совсем не обеспокоены этой проблемой, увеличилась с 21,8 до 23,7%. При этом была отмечена определенная стабилизация уровня уверенности занятых в возможности нового трудоустройства в случае потери работы. За последний год увеличилась как доля респондентов, полностью или скорее уверенных в возможности трудоустройства в случае потери рабочего места — с 36,6 до 36,9%, так и доля лиц, не очень или совсем не уверенных в этом, — с 43,8 до 44%.

На рынке труда получили развитие ряд важных тенденций, наблюдавшихся в предыдущие годы. В частности, в период между декабрем 2016 г. и декабрем 2017 г. продолжилось сокращение доли работников, увольняющихся с основной работы по собственному желанию, когда их не устраивали условия труда (с 7,8 до 5,4%) или заработная плата (с 11,3 до 9,6%). Работники стали также реже увольняться из-за сокращения должности или закрытия предприятия (с 16 до 10,7%) и по причине окончания контракта (с 7,3 до 4,5%). Семейные обстоятельства становились причиной увольнения с основной работы примерно так же часто, как и годом ранее (5,7% в 2016 г. против 6,2% в 2017 г.). Мало изменилась весомость и такой причины, как неудовлетворительные взаимоотношения с руководством или коллегами (6,4% в 2016 г. против 6,8% в 2017 г.). В то же время наблюдался значительный рост числа тех, кто уволился из-за проблем со здоровьем (с 13,2 до 17,6%). Работники также стали чаще увольняться по причине выхода на пенсию (9,9% в 2016 г. против 13,5% в 2017 г.), но реже потому, что пошли учиться (9,4% в 2016 г. против 7,9% в 2017 г.).

Как и во все предыдущие годы, самым распространенным способом поиска работы остаются обращения за помощью к друзьям и знакомым. В 2017 г. этим способом воспользовались 78,9% соискателей. На второй позиции еще прочнее закрепились обращения к рекламным объявлениям в Интернете. Доля лиц, пользующихся этим способом поиска работы, стремительно выросла с 13,1% в 2006 г. до 59,7% в 2017 г., т. е. в 4,5 раза, в том числе только за последний год на 5,9 п. п. Третью позицию разделили в равной мере обращения кандидатов непосредственно на предприятия и за помощью к родственникам. При этом степень распространенности этих способов поиска работы за последний год существенно выросла (с 44,5 до 52,8% и с 40,6 до 50,5% соответственно). Немного повысилась также за последний год значимость такого хорошо известного способа поиска работы, как обращение за необходимой информацией к традиционным рекламным объявлениям — печатным и распространяемым через электронные средства массовой информации (с 40,2% в 2016 г. до 44% в 2017 г.). На последних позициях, как и прежде, расположились такие способы поиска работы, как обращения в государственные и негосударственные службы занятости. При этом в 2017 г. в государственные службы занятости нуждающиеся обращались более чем в два раза чаще, чем в негосударственные (26,8% обращались в государственные, 12% — в частные службы).

Отмечена определенная стабилизация уровня удовлетворенности занятых своей работой в целом и отдельными ее сторонами. С 2016 по 2017 г. уменьшилась как доля работников, полностью или скорее удовлетворенных своей работой в целом (с 68,2 до 66,8%), так и доля тех, кто был недоволен работой (с 10,1 до 9,7%). Удельный вес работников, полностью или скорее удовлетворенных условиями своего труда, за последний год уменьшился с 66,3 до 65,3%, а доля лиц, которых совсем или скорее не устраивают условия труда, сократилась с 11,8 до 11,3%. Доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных заработной платой, увеличилась с 35,5 до 35,9%, притом что доля тех, кого не устраивает размер заработной платы, уменьшилась с 38,3 до 37,6%. Удельный вес работников, в большей или меньшей степени удовлетворенных и неудовлетворенных возможностями для профессионального роста, которые существуют на предприятии или в организации, после небольшого увеличения в предыдущем году в 2017 г. сократился с 49,8 до 47,2%, а доля тех, кого не устраивают такие возможности, уменьшилась с 25,6 до 23,4%.

Список литературы

- Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
- Грамматчиков А. Вновь на разгон // Эксперт. 2018. № 4. С. 56–59.
- Грамматчиков А., Инкижинова С., Кузьмина В., Щукин А. Рост из последних сил // Эксперт. 2018. № 5. С. 26–33.
- Козырева П. М., Смирнов А. И. Жизнь в условиях неопределенности кризисного общества: опыт и ожидания // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 66–78.
- Обухова Е., Пахунов К. Эта волна будет повыше // Эксперт. 2017. № 17. С. 24–30.
- Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 427 с.
- Тощенко Ж. Т. Травма как деформация эволюционного и революционного развития общества (опыт социологического теоретизирования) // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 16–26.

doi:10.17323/978-5-7598-2038-3_7-107

SOCIO-ECONOMIC BEHAVIOR OF RUSSIAN HOUSEHOLDS IN 1994–2017

Voronin G. L., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Nizamova A. E., Sivkova I. V., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I., Evgrafova K. O.

Abstract. The article analyzes the data collected in 2017 during the 26th round of the “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE). In 2017, the steady recovery in household income continued as real income of an average household grew by 10.6%. The share of government transfer payments in total household income decreased for the first time since 2011, while

the proportion of wages rose slightly. Total household income went up in all income groups, but unlike 2016 when low-income families experienced a sharper increase in household income, in 2017 this trend was reversed, and the better-off emerged as main beneficiaries of income growth. In 2017, household expenditures rose at about the same rate as they did the year before. However, although total household expenditures went up by 9.3%, the growth in non-food spending slowed down. Nevertheless, the share of food expenditures continued to decrease. The spending gap between the wealthy and the poor continued to narrow. In 2017, well-off families spent five times more than low-income households. By the end of 2017, the unemployment rate declined from 4.7 to 3.5%, and the workforce participation rate stood at 81.9% of the adult population. Men continued to outperform women in the labor market, having the higher proportion of wage-earners and higher average earnings. In 2017, women earned 70.8% of male work-related income. In 2017, there was a noticeable improvement in reported life satisfaction, with the share of those generally satisfied with their lives climbing to 51.1%. People also became more contented with their family financial circumstances. While the proportion of those who felt that their families became worse-off doubled between 2012 and 2016, growing from 15.5 to 31.5%, it fell to 25.0% in 2017. People were slightly less anxious about losing a job or finding a new one. The share of those concerned about their job security dropped slightly and stood at 63.3%. There was little change in general job satisfaction, with 66.8% of respondents reporting high or moderate level of satisfaction.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS–HSE, household, income, expenditure, consumption, employment, unemployment, inequality, attitudes.

References

- Abul’khanova-Slavskaya K. A. *Strategiya zhizni*. M.: Mysl’, 1991. 299 s.
- Grammatchikov A. *Vnov’ na razgon* // *Ekspert*. 2018. № 4. S. 56–59.
- Grammatchikov A., Inkizhinova S., Kuz’mina V., SHCHukin A. *Rost iz poslednikh sil* // *Ekspert*. 2018. № 5. S. 26–33.
- Kozyreva P. M., Smirnov A. I. *Zhizn’ v usloviyakh neopredelennosti krizisnogo obshchestva: opyt i ozhidaniya* // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2018. № 6. S. 66–78.
- Obukhova E., Pakhunov K. *Eta volna budet povyshe* // *Ekspert*. 2017. №17. S. 24–30.
- Rossiyskoye obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pyataya* / [M. K. Gorshkov i dr.]; pod red. M. K. Gorshkova, V. V. Petukhova. M.: Ves’ Mir, 2017. 427 s.
- Toshchenko Zh. T. *Travma kak deformatsiya evolyutsionnogo i revolyutsionnogo razvitiya obshchestva (opyt sotsiologicheskogo teoretizirovaniya)* // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2017. № 4. S. 16–26.

Рощина Я. М.

РИСКОВАННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ В РОССИИ

doi:10.17323/978-5-7598-2038-3_108-133

Аннотация. В статье на данных RLMS-HSE за 2006–2017 гг. рассматривается проблема злоупотребления алкогольными напитками в России. В ходе анализа разработан ряд классификаций потребления алкоголя, которые позволяют всесторонне описать рассматриваемое явление. Классификация по дневной дозе (среднему количеству условных порций алкоголя, потребленных в день, в течение последних 30 дней) показывает снижение в 2006–2017 гг. доли тех, кто злоупотребляет спиртными напитками или находится в зоне высокого риска. Классификация по объему (потреблению в граммах этанола в месяц) также говорит о снижении уровня потребления алкоголя среди всего населения, особенно среди мужчин. Обе классификации указывают на то, что снижение потребления алкоголя идет за счет увеличения числа лиц, полностью воздерживающихся от его потребления, причем данная тенденция наиболее очевидна в самой младшей из рассматриваемых возрастных групп (14–25 лет). Анализ количества выпитого в день максимального потребления алкоголя (ДМПА) и частоты превышения в течение года безопасной дневной нормы (3 условные порции алкоголя для женщин и 5 порций для мужчин) свидетельствует о том, что 17,7% россиян не превышают указанную норму, 23,8% превышают ее реже одного раза в месяц, 6,5% превышают ее 1–3 раза в месяц, 5,3% – чаще одного раза в неделю. При этом 46,7% россиян являются трезвенниками или не употребляют алкоголь по другим причинам. Среди тех, кто потребляет алкоголь, мужчины превышают дневную норму примерно 21 раз в год, женщины – около 8 раз в год. Представленные данные позволяют отнести Россию к странам с умеренным уровнем потребления алкоголя.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, алкоголь, потребление алкоголя, рискованное поведение, алкоголизм.

Вред для здоровья представляют, прежде всего, некоторые модели потребления алкоголя, как правило связанные с концентрацией определенного уровня алкоголя в крови. В связи с этим большое значение приобретает как измерение количества выпитого, так и разделение моделей потребления на типы в зависимости от степени их опасности для здоровья. Степень риска обычно зависит как от объема потребления (за год или в месяц), так и от модели, или паттерна¹ потребления, прежде всего — объема выпитого в течение одного дня («случая») и частоты таких дней².

Мы будем использовать данные RLMS-HSE за 1994–2017 гг. для населения от 14 лет и старше, которым задают вопросы о потреблении алкоголя. Начиная с 2006 г. появились переменные, которые позволяют выделить трезвенников и рассчитать объем потребления за месяц. В 2017 г. были заданы специальные вопросы для идентификации эпизодически-высокого потребления алкоголя (ЭВПА), или «binge drinking».

Типы рискованного потребления алкоголя

Типология «по дневной дозе»

За весь период наблюдений (1994–2017 гг.) в данных RLMS-HSE отсутствует возможность рассчитать объем потребления алкоголя за месяц, однако имеется информация о «средней» дневной дозе по каждому виду алкогольного напитка за последние 30 дней. Конечно, это не дает возможности оценить, пил ли респондент в один и тот же день разные виды алкоголя, ни максимальное количество, выпитое за один день. Тем не менее можно получить представление о динамике типов потребления по степени риска, примерно как это было сделано в работе Рейли и его коллег³, однако мы примем более низкую дозу для женщин как рискованную (не более трех порций). Для этого мы рассчитали по каждому виду алкоголя для средней дневной дозы количество соответствующих «стандартных порций» (например, три стандартных порции — это 1 л пива или 120 г водки и т. д.) и затем определили для каждого респондента максимальное количество стандартных порций в день, независимо от вида алкоголя. К типу «низкий риск» среди мужчин были отнесены те, кто выпивал не более 5 стандартных порций в день, «высокий риск» — от 6 до 10 порций, «злоупотребление» — 11 и больше порций. Для женщин соответствующие границы были определены как 1–3, 4–6, 7 и более порций. Эту классификацию мы далее будем называть «типологией по дозе».

Типология по объему

На основании определения Национального Института Злоупотребления алкоголем и Алкоголизма (NIAAA, США) практик «умеренного» (light, не более 800 г этанола в месяц для мужчин и не более 400 г для женщин) и «чрезмерного»

¹ Pattern (англ.) — модель, образец.

² Dawson D. A. Defining risk drinking // Alcohol Research: Current Reviews. 2011. No. 34 (2). P. 144.

³ Reilly D., Beurden E.V., Mitchell E., Dight R., Scott C., Beard J. Alcohol education in licensed brief intervention strategies premises using // Addiction. 1998. No. 93 (3). P. 385–398.

(heavy, больше указанного количества) потребления алкоголя мы выделили соответствующие типы, и данную классификацию будем называть «типологией по объему». Данные о соответствующих типах можно рассчитать, начиная с 2006 г.

Модели на основе концепции ЭВПА («binge drinking»)¹

В обследовании RLMS-HSE мы приняли за «опасную» норму 4 и более стандартных порций для женщин (около 70 г этанола) и 6 и более порций – для мужчин (около 100 г этанола). Это примерно соответствует определению «Heavy episodic drinking» Всемирной организации здравоохранения², а также уровню, принятому в Финляндии³ и Австралии⁴. В 2017 г. в анкету RLMS-HSE был включен ряд дополнительных вопросов. Во-первых, респондентов просили вспомнить, потребляли ли они алкоголь в течение прошлых 12 месяцев. Затем потреблявшим предлагалось вспомнить один день, в который они выпили больше всего (день максимального потребления алкоголя, ДМПА, или «heavy day»), и указать в граммах, сколько каждого напитка они выпили. Были выделены следующие виды, в зависимости от процента этанола: 1) пиво, брага, сидр или слабоалкогольный коктейль; 2) столовое вино или шампанское; 3) крепленое вино или вермут; 4) крепкий алкоголь, такой как водка, коньяк и т. д.; 5) барный коктейль.

На основе этих данных нами было рассчитано количество выпитых стандартных порций в каждом виде напитка: пиво, брага, сидр или слабоалкогольный коктейль – 330 г в одной порции; столовое вино или шампанское – 150 г; крепленое вино или вермут – 100 г; крепкий алкоголь, такой как водка, коньяк и т. д., – 40 г; барный коктейль – 150 г. Затем путем суммирования мы получили общее количество выпитых «стандартных порций», которое было разделено на категории:

1. Без превышения нормы (3 и менее порций для женщин, 5 и менее – для мужчин).
2. Не более двух норм (от 4 до 6 порций для женщин и от 6 до 10 для мужчин).
3. Не более трех норм (7–9 порций для женщин и 11–15 для мужчин).
4. Не более четырех норм (9–12 порций для женщин и 16–20 для мужчин).
5. Пять и более норм (13 и более порций для женщин и 21 и более для мужчин).

Интервьюируемым было пояснено понятие «стандартной порции» для разных видов алкоголя, учитывая, что в одной порции содержится 16–18 г этанола⁵, и были даны примеры (330 г пива + 150 г вина + 40 г водки = три порции и т. д.). Затем им был задан вопрос: «Как часто за последние 12 месяцев Вы выпивали за один день, включая время после полуночи, четыре (женщины) / шесть (мужчины) и более порций алкогольных напитков и их любых комбинаций?». Это позволило,

¹ Методология разработана совместно с В. Радаевым специально для волны RLMS-HSE 2017 г.

² Global Status Report on Alcohol and Health 2014 / World Health Organization. Geneva: World Health Organization, 2014.

³ Harkonen J. T., Makela P. Age, period and cohort analysis of light and binge drinking in Finland, 1968–2008 // Alcohol and Alcoholism. 2011. No. 46 (3). P. 349–356.

⁴ What is binge drinking? [Электронный ресурс] / ReachOut Australia 2019. URL: <https://au.reachout.com/articles/what-is-binge-drinking> (дата обращения: 15.06.2019).

⁵ Одна банка пива, 150 г столового вина, 100 г крепленого вина, 40 г водки.

во-первых, получить представление о частоте потребления опасной дозы, а во-вторых – выделить категорию тех, кого можно отнести к типу «эпизодически-высокое потребление» («binge drinking»), – превышающие норму в 3/5 порций не менее одного, но не более трех раз в месяц. Те, у кого такие случаи бывали реже одного раза в месяц, были отнесены к «случайным» потребителям; а у кого чаще – к «постоянным» потребителям алкоголя¹.

Описательная статистика

Типология «по дневной дозе»

Обратимся сначала к динамике описанных выше типов, классифицированных «по дневной дозе». Как показал опрос, среди всего населения от 14 лет и старше (включая не пивших за последние 30 дней), доля «злоупотреблявших» за 1994–2017 гг. уменьшилась с 11,0 до 6,9%, доля относящихся к категории «высокий риск» – с 13,8 до 9,1%, причем наблюдалось постоянное постепенное снижение (рис. 1 и 2). Динамика доли тех, кто пил «с низким риском», была симметрична динамике доли тех, кто вообще не употреблял алкоголь. В 1994–1998 гг. наблюдалось снижение доли низко-рискового потребления с 30,4 до 27,3%; затем последовали скачок в 2001 г. до 36,5% и постепенный рост до 39,4% в 2007 г. Постепенное снижение началось в 2008 г. и продолжалось до 2017 г., когда этот показатель упал до 22,3% (тем не менее незначительный рост наблюдался и в 2016, и в 2017 гг.).

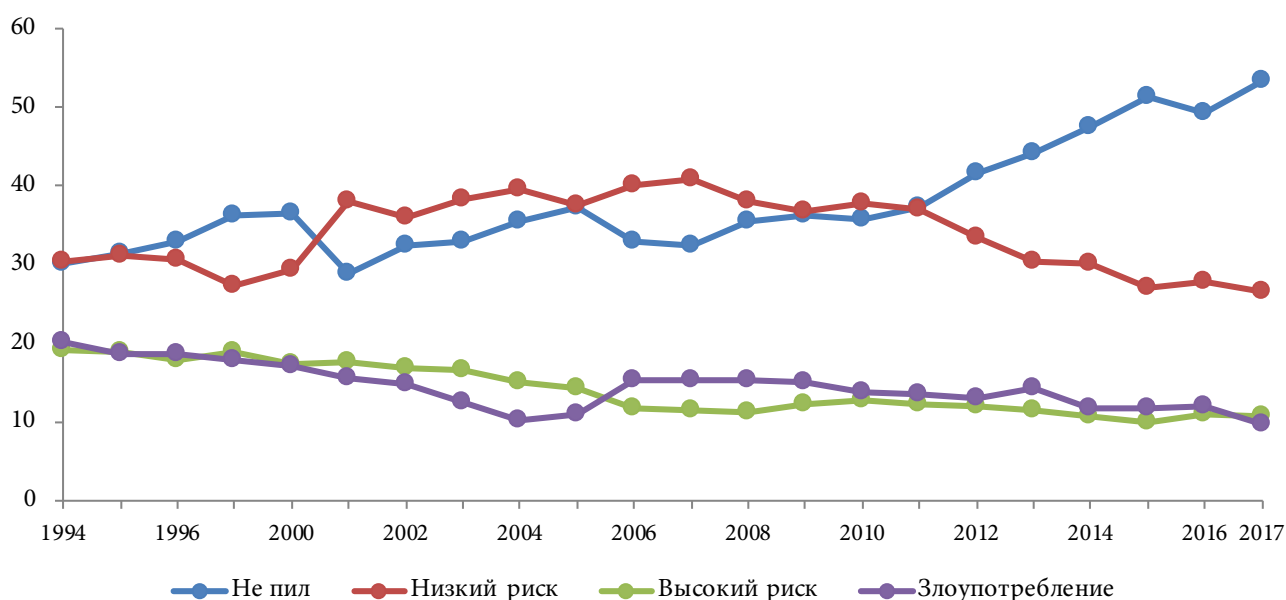

Рис. 1. Динамика типов потребления алкоголя по степени риска в зависимости от максимального количества порций в день, мужчины старше 14 лет, 1994–2017 гг., %

¹ По методологии Администрации по вопросам наркомании и психического здоровья США (SAMHSA) эпизодически-высокое потребление, или «binge drinking», характеризуется потреблением от 1 до 5 раз в месяц.

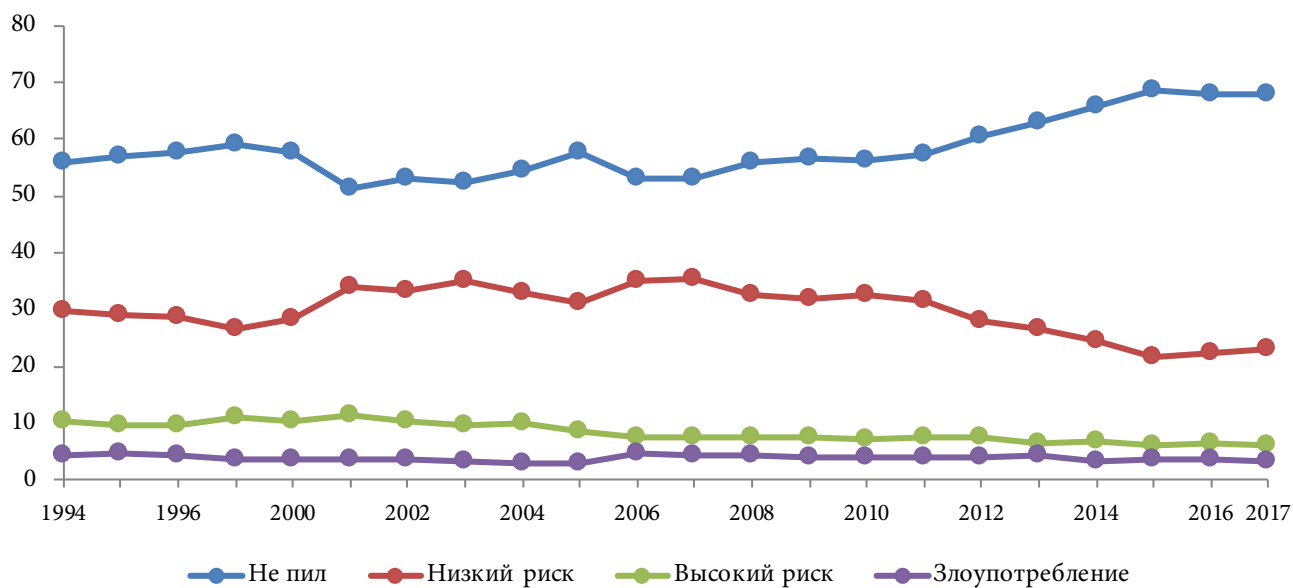

Рис. 2. Динамика типов потребления алкоголя по степени риска в зависимости от максимального количества порций в день, женщины старше 14 лет, 1994–2017 гг., %

Группы «высокого риска» и «злоупотребления» концентрируются среди мужчин и людей в возрасте 25–60 лет. Так, в 2017 г. лиц из группы «высокого риска» среди мужчин (как пивших, так и нет) было 11,4%, а среди женщин – 7,4%, злоупотреблявших – 10,5 и 4,3% соответственно. Среди молодежи 14–24 лет выпивали с высоким риском 4,2%, а злоупотребляли 2,6%; соответствующие доли среди 26–40-летних составили 12,0 и 9,5%, среди тех, кому 41–60 лет, – 11,9 и 8,9%, среди людей старше 60 лет – 5,1 и 4,1%. При этом если сравнивать 2006 и 2017 гг., снижение доли злоупотреблявших и сильно рискующих было примерно одинаковым среди мужчин и женщин, а также трех старших возрастных групп: примерно на 10% уменьшилось количество сильно рискующих и на 30% – злоупотребляющих. Среди молодежи соответствующее снижение составило 32 и 45%, т. е. было гораздо интенсивнее. За это же время доля тех, кто вообще не пил за 30 дней перед опросом, в этой возрастной группе выросла больше чем в полтора раза.

Типология «по объему»

Рассмотрим теперь динамику типов «по объему». Доля «чрезмерно пьющих» в России в 2006 г. составляла 12,6% среди мужчин 14 лет и старше и 18,4% среди пьющих мужчин того же возраста. К 2017 г. эта доля снизилась до 7,3% среди всех мужчин и до 14,8% среди пьющих мужчин (см. табл. 1 и рис. 3). Среди женщин 14 лет и старше доля «чрезмерно пьющих» в 2006 г. составляла 3,9%, а среди пьющих женщин – 8%. В 2017 г. данный показатель в группе женщин равнялся 2,5 и 7,6% соответственно. Таким образом, доля чрезмерно пьющих в России за 12 лет снизилась почти в два раза среди всего населения и на 20% среди пьющих мужчин, однако практически не изменилась среди пьющих женщин. Сильнее всего доля чрезмерно пьющих снизилась в группе людей 25 лет и младше: с 8–9% в 2006–2013 гг. до 6%, и менее в 2014–2017 гг. (см. рис. 4). Все больший вклад в сни-

жение потребления алкоголя стала вносить все увеличивающаяся доля тех, кто совсем отказывается от алкогольных напитков: доля таких лиц выросла с 26,7% в 2006 г. до 42% в 2017 г.

Таблица 1

Доля трезвенников, умеренно пьющих и чрезмерно пьющих
(более 800 г чистого алкоголя для мужчин и более 400 г для женщин)
среди всего населения 14 лет и старше и среди тех, кто потреблял алкоголь за последние 30 дней,
по полу, 2006–2017 гг., горизонтальный %

Модели потребления		2006	2008	2011	2013	2015	2016	2017
Среди всего населения 14 +								
Мужчины	Не пил за последние 30 дней	31,7	33,9	36,9	43,0	50,0	47,9	50,7
	Умеренно пьющие	55,7	53,9	54,2	46,9	41,9	43,9	42,0
	Чрезмерно пьющие	12,6	12,1	9,0	10,1	8,1	8,2	7,3
	Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Женщины	Не пила за последние 30 дней	51,0	54,1	56,6	61,6	67,6	66,4	66,8
	Умеренно пьющие	45,1	42,5	40,5	35,4	29,8	31,2	30,7
	Чрезмерно пьющие	3,9	3,3	2,9	2,9	2,6	2,4	2,5
	Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Только среди пьющих								
Мужчины	Чрезмерно пьющие	18,4	18,4	14,2	17,7	16,2	15,7	14,8
Женщины	Чрезмерно пьющие	8,0	7,3	6,8	7,7	8,0	7,2	7,6

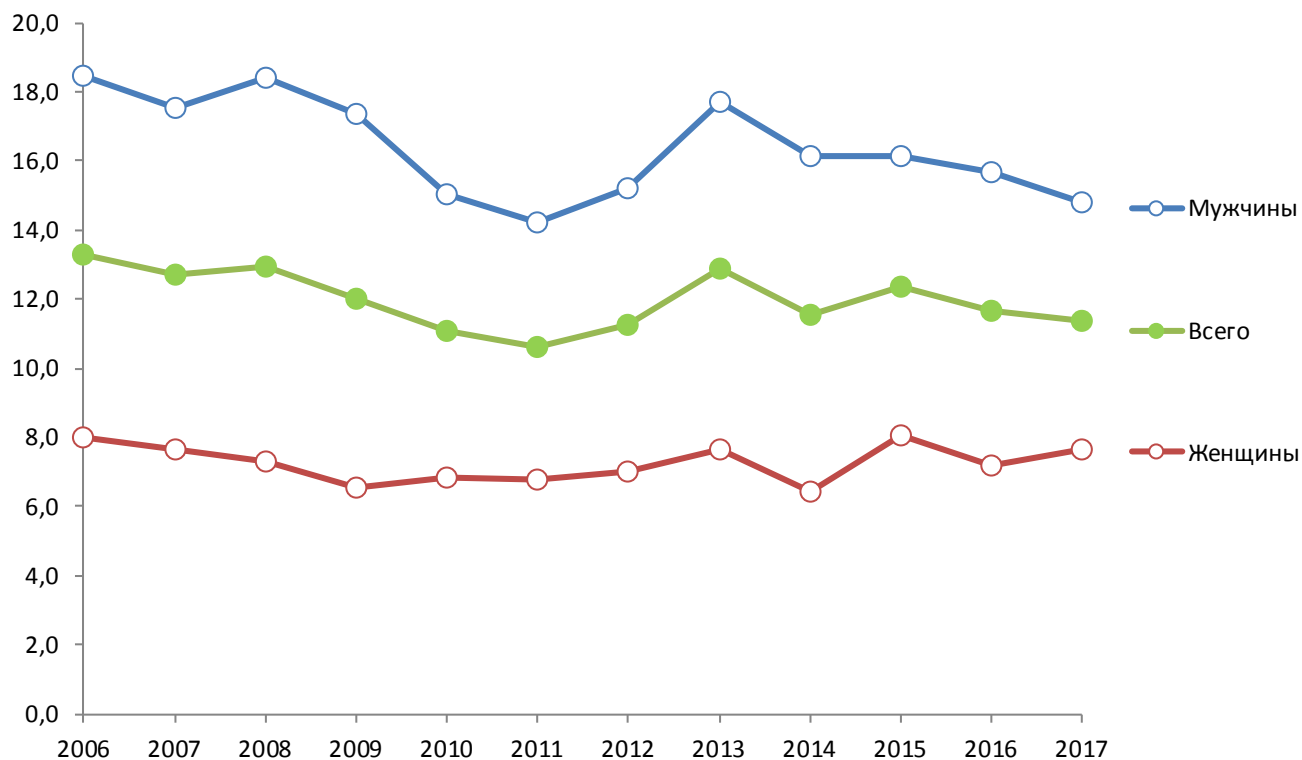

Рис. 3. Доля чрезмерно пьющих по полу, 2006–2017 гг., % среди всех пьющих

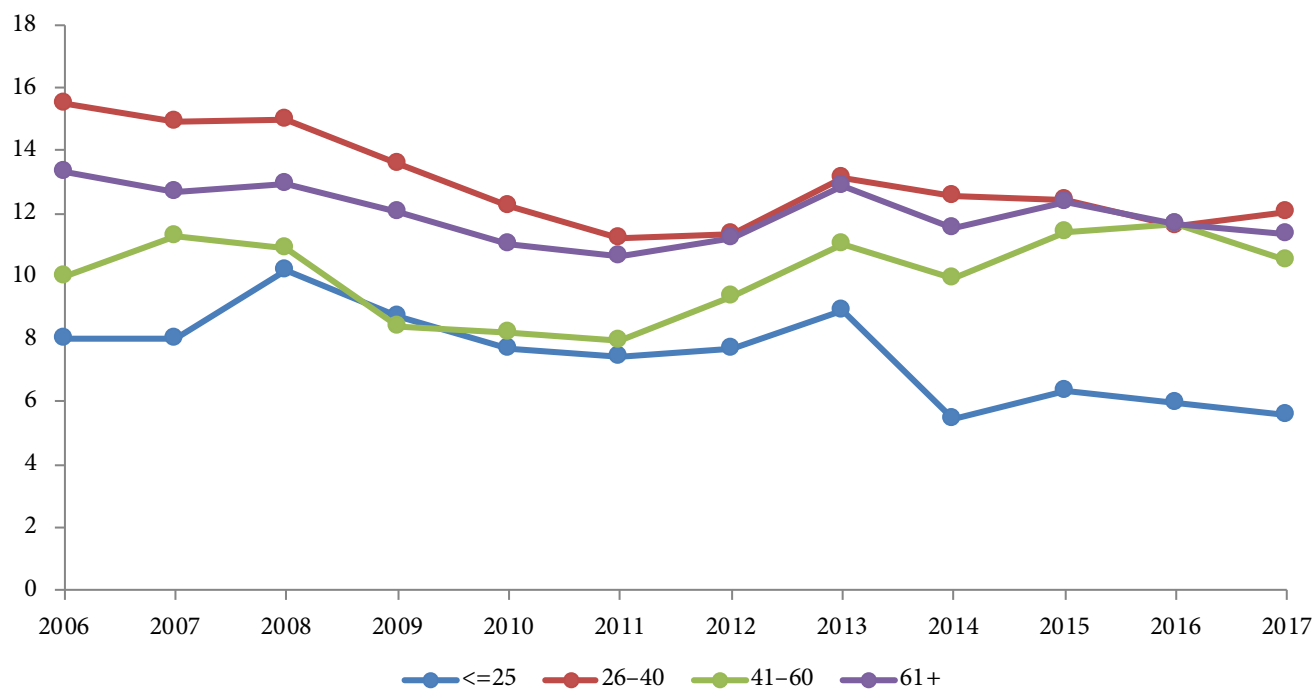

Рис. 4. Доля чрезмерно пьющих по возрасту, 2006–2017 гг., % среди всех пьющих

Между двумя типологиями («по дозе» и «по объему») потребления алкоголя в зависимости от степени риска есть высокая взаимосвязь. Так, среди тех, кто относится к умеренному потребителю «по объему» (менее 800 г этанола для мужчин и менее 400 г этанола для женщин), 71,6% пьют с «низким риском», 21,9% – с «высоким риском», а 6,4% можно считать «злоупотребляющими» (см. таблицу 2). Среди тех, чье потребление «по объему» мы считаем чрезмерным (более 800 г этанола для мужчин, более 400 г для женщин), соответствующие доли составляют 3,2, 4,4 и 92,4%, т. е. практически все превышают дневную норму потребления.

Таблица 2

Соотношение типологий «по дозе» и «по объему», 2006–2017 гг., вертикальный %

Типология по дозе в день	Типология по объему алкоголя за 30 дней	
	Умеренный	Чрезмерный (свыше 800/400 г в мес.)
Низкий риск (не более 3/5 порций)	71,6	3,2
Высокий риск	21,9	4,4
Злоупотребление (7/11 порций и более)	6,4	92,4

Оценка доли абстинентов и потреблявших алкоголь в течение 12 месяцев

Как уже отмечалось выше, в 2017 г. в анкету RLMS-HSE был включен ряд дополнительных вопросов. Прежде всего, это вопрос о потреблении алкоголя в течение предыдущих 12 месяцев (а не только 30 дней). Как оказалось, пили

алкогольные напитки в течение года 54% опрошенных. Абстинентами считают себя 42% респондентов, еще 4% не употребляли за это время алкоголь, хотя и не отказываются от него совсем. При этом среди мужчин за 12 месяцев пили 60,4%, среди женщин – 48,7%; среди молодежи до 24 лет – 35,8%, среднего и старшего возраста (26–60 лет) – около 64%, пожилых (61 год и более) – 41,6% (см. табл. 3).

Таблица 3

Доля употреблявших алкоголь в течение 12 мес.,
в зависимости от пола и возраста, 2017 г., вертикальный %

	Пол		Возраст, лет				Всего
	Муж.	Жен.	<=25	26–40	41–60	61+	
Трезвенник	36,4	46,7	61,7	32,2	32,0	52,6	42,0
Не пил(а)	3,2	4,6	2,5	3,9	3,8	5,8	4,0
Пил(а)	60,4	48,7	35,8	63,9	64,2	41,6	54,0

Насколько высоки эти цифры на Европейском фоне? По данным ВОЗ, в 2010 г. в России могло быть от 20 до 39,9% трезвенников среди всего населения старше 15 лет¹, что, в общем, соответствует оценкам, полученным на основании данных RLMS-HSE (30%). Примерно тот же уровень наблюдался в значительном количестве стран Европы (Швеции, Финляндии, Польше, страны Балтии, Украине, Испании), США и Канаде². Можно также использовать данные Европейского социального исследования (ESS)³, где содержится информация о частоте потребления алкоголя в течение 12 месяцев. Однако последний раз блок вопросов об алкоголе задавался в 2014 г. (см. табл. 4).

Данные RLMS-HSE за 2014 г. позволяют оценить только долю абстинентов, т. е. совсем непьющих, однако на примере 2017 г. мы видим, что различия составляют не более 5 п. п. Если сравнивать долю трезвенников по российским данным (36%) и долю не употреблявших алкоголь за 12 месяцев по европейским данным, то окажется, что в 2014 г. Россию «обгоняли» только Израиль (59%) и Венгрия (47%), приближались к этому уровню потребления Португалия (32%) и Литва (31%). Самые низкие доли лиц, не употреблявших алкоголь в течение года, наблюдались в Скандинавских странах – Дании (8%), Норвегии (12%), Швеции (13%) и Финляндии (16%), а также в Швейцарии (14%). В Бельгии, Эстонии, Великобритании, Нидерландах, Польше примерно пятая часть населения – трезвенники. Таким образом, Россия по доле абстинентов сейчас совсем не похожа на страны с северным типом потребления. По доле трезвенников в зависимости от пола и возраста в 2014 г. Россия была в наибольшей степени похожа на Литву.

¹ Global Status Report on Alcohol and Health 2014. P. 33.

² Op. cit.

³ European Social Survey [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 16.06.2019).

Таблица 4

Доля не употреблявших алкоголь в течение 12 мес., в зависимости от пола и страны
(Европейское социальное исследование 2014 г.), вертикальный %

Страна	Пол		Возраст, лет				Всего
	Муж.	Жен.	<=25	26–40	41–60	61+	
Австрия	15,6	32,4	26,2	23,1	21,6	27,9	24,4
Бельгия	17,9	21,4	20,9	19,1	17,5	22,2	19,7
Швейцария	9,7	18,7	15,3	14,8	13,4	14,4	14,3
Чехия	22,0	28,1	37,7	23,2	17,1	29,7	25,2
Германия	10,5	16,6	11,6	12,0	12,9	16,8	13,6
Дания	5,3	10,5	5,2	8,8	7,5	9,7	7,9
Эстония	17,3	24,3	25,7	14,1	14,6	33,3	21,1
Испания	18,3	34,1	23,6	20,3	21,8	41,1	26,5
Финляндия	11,4	20,4	23,0	9,3	9,1	25,1	16,0
Франция	13,5	30,3	31,3	21,0	19,9	20,4	22,2
Великобритания	16,9	22,7	22,6	20,2	15,1	23,1	19,9
Венгрия	28,8	64,0	46,0	39,9	44,0	60,0	47,6
Ирландия	21,3	27,2	25,8	17,8	22,2	35,5	24,3
Израиль	47,6	70,4	54,5	55,0	60,3	68,5	59,2
Литва	21,1	38,7	52,1	14,4	15,4	46,7	30,7
Нидерланды	17,3	24,2	28,5	20,4	17,1	21,1	20,8
Норвегия	9,5	14,2	18,0	7,1	8,7	15,7	12,0
Польша	12,3	31,5	21,8	9,8	18,1	49,4	22,3
Португалия	16,9	46,4	32,2	23,1	29,1	43,4	32,3
Швеция	11,0	15,4	22,4	12,5	8,3	12,8	13,1
Словения	18,5	30,1	20,4	16,0	25,0	36,1	24,5
Россия (RLMS-HSE, 2014 г.), доля абстинентов	29,6	41,1	54,3	24,7	27,2	48,5	35,9

Типология на основе концепции ЭВПА («Binge drinking»)

Рассмотрим следующие два вопроса в анкете RLMS-HSE за 2017 г.: 1) о количестве выпитого в день максимального потребления алкоголя (ДМПА); 2) о частоте превышения безопасной дозы (3 порции для женщин и 5 порций для мужчин в день).

При ответах на вопрос о количестве выпитого в ДМПА по каждому из пяти видов алкоголя от 1,5 до 1,8% респондентов затруднились дать ответ. Затруднились дать ответ хотя бы по одному из видов алкоголя 2,5% респондентов. Кроме того, в ответах присутствовали чрезвычайно большие дневные дозы; например, для пива и напитков аналогичной крепости – 15 л, для вина и водки – 4 л, алкогольных коктейлей – 3 л. Хотя речь в вопросе шла о целых сутках (с утра и до следующего

утра), все же такой объем выпитого алкоголя с большой вероятностью привел бы респондента к алкогольному отравлению, а возможно, коме или смерти. Поэтому было решено ограничить возможную дневную дозу: для пива — 8 л, для вина — 3 л, для водки — 2 л.

Иногда ответы респондентов, потреблявших алкоголь в течение 12 месяцев, на вопросы о максимальном количестве выпитого и о частоте превышения дневной нормы (более 6 и 4 порций) противоречили друг другу. Так, если подсчитать количество выпитых порций в ДМПА в первом вопросе, оказывается, что 42,3% респондентов не превышали норму. Однако среди тех же респондентов 9,5% в ответе на второй вопрос сказали, что эту норму превышали, и указали частоту. И наоборот, 44,3% респондентов при ответе на второй вопрос сказали, что не превышали указанную норму, но среди них у 11,5% в ответе на первый вопрос доза в ДМПА оказалась выше нормы (см. табл. 5 и 6).

Таблица 5

Соотношение ответов на вопросы о количестве алкоголя в ДМПА и частоте превышения нормы (не более 3 порций для женщин, не более 5 порций для мужчин), 2017 г., общий %

Количество порций в ДМПА	Частота превышения нормы								Всего
	Трезвенники	Не пили	Не выше нормы (до 3/5)	Реже 1 раза в мес.	1–3 раза в мес.	1–2 раза в неделю	3–4 раза в неделю и чаще	Выше нормы в вопросе об объеме	
Трезвенники	43,0								43,0
Не пили		4,1							4,1
Не выше нормы (не более 3/5 порций)			17,3						17,3
До 2 норм				6,2	2,7	0,8	0,2	4,3	14,2
До 3 норм				4,0	1,4	1,3	0,2	1,2	8,1
До 4 норм				1,8	0,7	0,7	0,2	0,3	3,6
5 и больше норм (21+/13+)				2,0	0,8	1,2	0,4	0,3	4,7
Выше нормы в вопросе о частоте				3,6	1,0	0,3	0,1		5,0
Всего	43,0	4,1	17,3	17,6	6,5	4,3	1,0	6,1	100,0

Таким образом, 20% потребителей алкоголя дали противоречивые ответы. Мы предполагаем, что «превышающими дневную безопасную норму» можно считать людей, которые сказали, что выпивали большее количество, хотя бы в одном из двух вопросов. Таким образом, можно сказать, что среди потребителей алкоголя не превышают дневную норму только треть (32,8%) опрошенных, что составляет 17,3% среди всех респондентов, включая непьющих. Учитывая, что 43% — трезвенники, а 4,1% не пили в течение года, получается, что превышали безопасную норму 35,6% населения России от 14 лет и старше.

Таблица 6

Соотношение ответов на вопросы о количестве алкоголя в ДМПА и частоте превышения нормы (не более 3 порций для женщин, не более 5 порций для мужчин), 2017 г., общий % среди потреблявших алкоголь за 12 месяцев

Количество порций в ДМПА	Частота превышения нормы						Всего
	Не выше нормы (до 3/5)	Реже 1 раза в мес.	1–3 раз в мес.	1–2 раза в неделю	3–4 раза в неделю и чаще	Выше нормы в вопросе об объеме	
Не выше нормы (не более 3/5 порций)	32,8						32,8
До 2 норм		11,8	5,0	1,5	0,3	8,1	26,8
До 3 норм		7,5	2,6	2,4	0,4	2,3	15,3
До 4 норм		3,4	1,3	1,3	0,3	0,5	6,8
5 и больше норм (21+/13+)		3,8	1,5	2,2	0,7	0,6	8,9
Выше нормы в вопросе о частоте		6,8	2,0	0,6	0,1		9,5
Всего	32,8	33,3	12,3	8,1	1,9	11,5	100,0

Если рассматривать только тех, кто в течение последних 12 месяцев употреблял алкоголь, то оказывается, что тех, кто не превышал норму в 3/5 порций, больше среди женщин (42,2 против 23,9% среди мужчин), а также среди людей более молодого (до 25 лет) и старшего (более 60 лет) возрастов. Доля тех, кто в ДМПА выпивал более одной, но не более двух норм, т. е. от 4 до 6 порций у женщин и от 6 до 10 порций у мужчин, среди всех половозрастных групп была близкой (от 23 до 28%). Существенное превышение нормы, в три и более раз, было более свойственно мужчинам и людям в возрасте 26–60 лет. При этом 15% пьющих превысили норму не более чем в 3 раза; 6,9% – не более чем в 4 раза; 9% превысили норму в 5 и более раз (см. табл. 7). Как мы уже отмечали, более 9% опрошенных дали противоречивый ответ, при этом доля таких респондентов была выше среди женщин (11,1%) и молодежи (10,3%).

Таблица 7

Распределение количества порций, выпитых в ДМПА, в зависимости от пола и возраста, 2017 г., вертикальный % среди потребителей алкоголя за 12 месяцев

Количество порций в ДМПА	Пол		Возраст, лет				Всего
	Муж.	Жен.	<=25	26–40	41–60	61+	
Не выше нормы (не более 3/5 порций)	23,9	42,2	44,9	26,2	29,0	46,8	32,9
До 2 норм	28,1	25,2	23,7	27,4	27,3	25,9	26,7
До 3 норм	20,6	9,9	10,1	17,3	17,1	11,0	15,3
До 4 норм	9,2	4,6	5,5	8,0	7,8	3,6	6,9
5 и больше норм (21+/13+)	10,8	7,0	5,5	11,7	9,9	3,9	9,0
Выше нормы в вопросе о частоте	7,4	11,1	10,3	9,4	8,9	8,9	9,2

Интересным представляется сравнение объема потребления алкоголя в ДМПА и объема потребления за последние тридцать дней (см. табл. 8).

Таблица 8

Распределение количества порций, выпитых в ДМПА, в зависимости от объема алкоголя, выпиваемого за 30 дней, 2017 г., вертикальный % среди потребителей алкоголя за 30 дней

Количество порций в МДПА	Объем алкоголя за 30 дней			
	Не пили	Умеренный	Чрезмерный	Всего
Не выше нормы (не более 3/5 порций)	47,3	31,1	2,5	33,2
До 2 норм	23,6	30,2	11,2	26,8
До 3 норм	10,4	16,4	24,8	15,4
До 4 норм	2,9	7,0	20,4	6,9
5 и больше норм (21+/13+)	4,2	6,1	40,5	8,3
Выше нормы в вопросе о частоте	11,6	9,3	0,7	9,2

Так, среди не употреблявших алкоголь за 30 дней до опроса почти половина опрошенных не превысили норму; еще почти четверть выпили не более двух норм; 17,5% потребовали три и более нормы. При этом 11,6% назвали объем выпитого в ДМПА менее нормы, но во втором ответе (о частоте превышения нормы) сказали, что ее превышали. Среди тех, чей объем потребления за месяц можно считать умеренным (не более 400 г этанола для женщин и не более 800 г этанола для мужчин), менее трети не превышали дневную норму в ДМПА и почти столько же выпили не более двух норм. А вот среди тех, чье потребление принято называть чрезмерным, не превышали дневную норму в ДМПА лишь 2,5%, две нормы – 11,2%. Примечательно, что среди «злоупотребляющих» практически нет тех, кто дал противоречивые ответы на вопросы о превышении нормы.

Судя по ответам на вопрос о количестве дней в год, когда респонденты пили больше нормы, среди пьющих треть ни разу не превышала норму (т. е. не более 3 порций для женщин, не более 5 для мужчин). Каждый третий превышал норму реже 1 раза в месяц («случайный», или спорадический тип), 12,2% превышали не более 3 раз в месяц («binge drinking», эпизодический тип) и каждый десятый делал это еще чаще (постоянный тип, или «пьяницы»). Противоречивые ответы дали 11,4% (см. табл. 9). Как и в других случаях, доля тех, кто не превышал норму, почти в два раза выше среди женщин и людей молодого и старшего возрастов.

Таблица 9

Распределение частоты превышения дневной нормы, в зависимости от пола и возраста, 2017 г., вертикальный % среди потребителей алкоголя за 12 месяцев

Количество порций в МДПА	Пол		Возраст, лет				Всего
	Муж.	Жен.	<=25	26–40	41–60	61+	
Не превышали норму	23,9	42,7	44,8	26,5	29,3	47,3	33,3
Хотя бы 1 раз в год (в ДМПА)	11,1	11,7	9,4	11,5	12,4	10,2	11,4
Реже 1 раза в месяц	36,7	29,8	31,7	38,4	33,6	23,6	33,3
1–3 раза в месяц	13,1	11,3	9,5	12,3	13,4	11,0	12,2
1–2 раза в неделю	12,0	3,9	4,1	9,5	9,2	5,3	8,0
3–4 раза в неделю и чаще	3,2	0,6	0,6	1,8	2,1	2,7	1,9

При этом среди тех, кто не пил за 30 дней до опроса, 48,1% ни разу за год не превысили дневную норму, и еще 32,6% делали это реже 1 раза в месяц (см. таблицу 10).

Таблица 10

Распределение частоты превышения дневной нормы, в зависимости от объема алкоголя, выпиваемого за 30 дней, 2017 г., вертикальный % среди потребителей алкоголя

Частота превышения дневной нормы	Объем алкоголя за 30 дней			
	Не пили	Умеренный	Чрезмерный	Всего
Не превышали норму	48,1	30,7	1,9	33,5
Хотя бы 1 раз в год (в ДМПА)	15,9	10,5	0,9	11,3
Реже 1 раза в месяц	32,6	35,7	15,5	33,2
1–3 раза в месяц	3,0	16,5	10,3	12,1
1–2 раза в неделю	0,3	6,3	50,5	8,0
3–4 раза в неделю и чаще	0,0	0,4	20,9	1,9

Среди умеренных потребителей 30,7% не превышали дневную норму, 35,7% тяготели к «случайному» типу, 16,5% – к «эпизодически-высокому» («binge drinking»). Среди тех, кто выпивает за месяц чрезмерный объем алкоголя, лишь 2% не превышали норму, 15,5% превышали норму реже одного раза в месяц, 10,3% – от одного до трех раз в месяц, половина превышали норму 1–2 раза в неделю, а 20,9% делали это еще чаще («постоянный» тип). Доля тех, кто дал противоречивые ответы (в вопросе о частоте превышение нормы не указано, но в вопросе о ДМПА объем выпитого выше нормы), выше всего среди тех, кто за последние 30 дней вообще не пил (15,9%) или выпил умеренный объем алкоголя (10,5%). Среди тех, кто выпивает чрезмерный объем, непоследовательные ответы дали всего 0,9%.

Не удивительно, что между числом порций в день максимального потребления алкоголя (ДМПА) и количеством дней, когда респондент превышал дневную норму, существует значимая корреляция. Т. е. чем чаще эта норма превышает, тем выше и максимальное количество выпитого алкоголя. Так, среди превышавших норму не чаще 3 раз в месяц почти половина в ДМПА выпивали не больше 2 дневных норм, и только чуть больше четверти – более 3 норм. Среди лиц, превышавших норму 1–2 раза в неделю, эти показатели равны 20% и 47% соответственно; среди превышавших чаще 3 раза в неделю – 18% и 69% соответственно. У 70% из тех, кто указал, что дневную норму не превышал, но в ответе на вопрос о ДМПА показал ее превышение, объем выпитого алкоголя в этот день не превышал 2 норм, еще у 20% – 3 норм. Таким образом, вероятнее всего, эту группу респондентов мы можем отнести к «случайным» потребителям, т. е. превышающим дневную норму в 3/5 порций реже одного раза в месяц. По крайней мере, мы точно можем сказать, что эти люди хотя бы раз в году превысили эту норму, в ДМПА.

Оценка частоты превышения дневной нормы и международные сравнения

Согласно описанной выше методологии, в России среди потребителей алкоголя за 12 месяцев 33,3% не превышали дневную норму («социальный» тип), 44,7% превышали реже, чем раз в месяц («высоко-случайный» тип), 12,2% пре-

вышали от 1 до 3 раз в месяц («высоко-эпизодический» тип, или «binge drinking»), 9,9% пили больше дневной нормы чаще, чем один раз в неделю («высоко-постоянный» тип). В расчете на все население 46,7% составляют трезвенники или лица, не употреблявшие алкоголь в течение года; 17,7% – лица, не превышающие норму; 23,8% принадлежат к случайному типу, 6,5% – к высоко-эпизодическому типу, 5,3% – к постоянному типу (см. табл. 11). Таким образом, выпили более 6/4 порций хотя бы раз в году 35,6% россиян (в том числе 45,2% среди мужчин и 27,6% среди женщин), а хотя бы раз в месяц – 11,8% (в том числе 16,8% среди мужчин и 7,6% среди женщин).

Таблица 11

Распределение частоты превышения дневной нормы, в зависимости от пола и возраста, 2017 г., вертикальный % среди всех опрошенных

Количество порций в МДПА	Пол		Возраст, лет				Всего
	Муж.	Жен.	<=25	26–40	41–60	61+	
Трезвенник	37,2	47,2	62,2	33,0	32,8	53,1	42,7
Не пили за 12 мес.	3,3	4,6	2,5	4,0	3,9	5,8	4,0
Социальный тип (не превышали норму)	14,2	20,6	15,8	16,7	18,6	19,4	17,7
Случайный тип (реже 1 раза в мес.)	28,4	20,0	14,5	31,5	29,1	13,9	23,8
Эпизодический тип (1–3 раза в мес.)	7,8	5,4	3,4	7,8	8,5	4,5	6,5
Постоянный тип (1–2 раза в неделю и чаще)	9,0	2,2	1,7	7,1	7,1	3,3	5,3

«Среднее количество раз превышения дневной нормы» для мужчин, женщин, разных возрастных групп, а также «умеренных» и «чрезмерных» потребителей представлено в таблице 12. Для расчета среднего интервальные значения были переведены в количественные в расчете на 12 месяцев (для не пивших и не превышавших норму оно было принято равным 0, для превысивших 1–3 раза в полгода – 4, и т. д.). Разумеется, такой подсчет дает приблизительную оценку. Тем не менее можно сказать, что если учитывать только потребителей алкоголя, то мужчины превышают дневную норму примерно 21 раз в год, женщины – около 8 раз; в расчете на все население (включая трезвенников) соответствующие цифры составляют 13 раз и 4 раза.

Таблица 12

Средняя частота превышения дневной нормы алкоголя (4+/6+) среди разных категорий населения, 2017 г., количество раз в год

	Пол		Возраст, лет				Объем алкоголя за 30 дней			Всего
	Муж.	Жен.	<=25	26–40	41–60	61+	Не пили	Умеренное	Чрезмерное	
Среди пьющих	21,0	7,8	7,3	15,6	16,1	12,9	1,9	11,1	97,5	14,3
Среди всех 14 лет и старше	13,2	4,1	2,7	10,4	10,8	6,1				8,2

Насколько соответствуют эти оценки данным по другим странам? По оценкам ВОЗ, в 2010 г. по уровню доли людей, превышающих норму в 60 г этанола («эпизодически-высокое» потребление) хотя бы раз в месяц среди пьющих, Россия входила в группу стран с уровнем от 20 до 29,9%, наряду с США, Канадой,

Бразилией¹. Выше был уровень в странах Прибалтики, на Украине, в Швеции, Финляндии, Франции и Великобритании, а также в некоторых других странах. В то же время уровень был ниже в Германии, Польше, Норвегии, Италии (от 10 до 19,9%). Однако в этом случае не делается разницы между уровнем потребления мужчин и женщин.

Сравнение данных исследований, проведенных в разных странах с 2004 до 2014 г., показало², что наиболее распространенными являются показатели превышения дневной нормы хотя бы раз в год и хотя бы раз в месяц. При этом величина дневной нормы варьируется, но чаще всего используется 5+ или 6+ порций (а также от 50+ до 80+ г этанола) для мужчин и от 4+ до 6+ порций (а также от 40 до 60 г этанола) для женщин. Возраст опрошенных также отличался, чаще всего это были люди в возрасте старше 15 или 18 лет, иногда с верхним ограничением (например, до 60, 64 лет и т. д.), что может вносить свой вклад в различие оценок. Некоторые обследования проводились только среди молодежи (Ирландия) или пожилых людей (Корея). Диапазон доли населения, превышавших дневную норму хотя бы раз в год, составил 40% среди мужчин и 18% среди женщин в Бразилии и 32% и 4% в Китае (что ниже полученных нами оценок для России). Минимальная доля лиц, превышавших норму хотя бы раз в месяц, наблюдалась в Сингапуре (9% среди мужчин, 5% среди женщин) и Испании (10% и 4%), а максимальная – в США (33% и 17%) и Дании (38% и 18%). Данные RLMS-HSE для России показали результат, более близкий к Южной Африке (17% среди мужчин, 4% среди женщин).

Согласно Национальному обследованию здоровья и потребления наркотиков (National Survey on Drug Use and Health), в США в 2015 г. почти 25% населения в возрасте 12 лет и старше хотя бы раз в месяц пили больше дневной нормы (5 и более стандартных порций для мужчин и 4 и более для женщин), причем выше всего эта доля была среди тех, кому от 18 до 25 лет (39%)³. Доля чрезмерно пьющих, т. е. превышающих норму в 5 и более раз в месяц, составила 6,5%⁴. По другим данным, каждый шестой американец 21 года и старше превышает дневную норму 4+/5+ не реже раза в неделю⁵.

По сравнению с Европейскими странами, доля превышавших дневную норму⁶ реже 1 раза в месяц в России (24% в 2017 г.) сопоставима с такими странами, как Австрия, Бельгия, Испания, Франция в 2014 г. (см. табл. 13).

¹ Global Status Report on Alcohol and Health 2014. P. 34.

² Wilsnack R. W., Wilsnack S. C., Gmel G., Kantor L. W. Gender differences in binge drinking: Prevalence, predictors, and consequences // Alcohol Research: Current Reviews. 2018. No. 39 (1). P. 57–76.

³ Hedden S. L., Kennet J., Lipari R., Medley G., Tice P., Copello E. A. P., Kroutil L. A. Key substance use and mental health indicators in the United States: Results from the 2015 National Survey on Drug Use and Health. Rockville, MD: the Substance Abuse and Mental Health Services Administration (SAMHSA), 2016. P. 19.

⁴ Ibid.

⁵ Dvorsky G. America's binge-drinking problem is even worse than we thought [Электронный ресурс]. URL: <https://gizmodo.com/americas-binge-drinking-problem-is-even-worse-than-we-t-1823838748> (дата обращения: 20.06.2019).

⁶ Дневная норма в обследовании в ESS 2014 г. варьируется в зависимости от страны. Например, для Великобритании она составляла около 80 г этанола для мужчин и около 60 г для женщин, т. е. примерно 6+/4+ порций по 14 г этанола. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/round7/fieldwork/source/ESS7_source_showcards_main_questionnaire.pdf (дата обращения: 16.06.2019).

Таблица 13

Распределение частоты ЭВПА, % по строке

Страна	Практически каждый день	Каждую неделю	Каждый месяц	Реже раза в месяц	Никогда	Не пил
Мужчины						
Австрия	5,4	16,8	16,0	25,5	20,6	15,6
Бельгия	1,4	17,8	16,1	20,6	26,0	18,0
Швейцария	2,8	12,2	16,0	31,3	28,0	9,7
Чехия	2,3	15,5	24,8	27,7	7,1	22,7
Германия	2,7	13,1	22,2	30,5	20,8	10,7
Дания	2,3	13,9	25,9	38,7	13,9	5,3
Эстония	2,1	14,4	21,9	31,0	13,1	17,4
Испания	2,4	8,2	12,7	29,2	29,2	18,4
Финляндия	1,1	19,3	25,2	28,5	14,6	11,3
Франция	1,3	10,1	15,4	27,8	31,8	13,5
Великобритания	6,6	24,1	15,0	17,8	19,3	17,1
Венгрия	2,8	8,7	12,0	25,8	21,5	29,1
Ирландия	3,6	31,9	16,2	18,5	8,3	21,5
Израиль	1,2	12,7	7,7	14,5	14,8	49,0
Литва	5,2	20,4	15,5	28,0	10,1	20,8
Нидерланды	2,7	16,5	16,7	22,3	24,5	17,3
Норвегия	1,1	16,8	23,8	34,1	14,6	9,6
Польша	1,9	13,0	17,3	38,2	16,7	12,9
Португалия	7,7	12,9	10,5	25,4	26,5	17,0
Швеция	1,7	22,7	22,2	27,1	15,3	11,1
Словения	1,2	7,8	18,4	35,5	18,6	18,4
Женщины						
Австрия	1,3	6,9	8,3	22,0	29,2	32,3
Бельгия	0,9	8,9	13,4	20,5	34,8	21,5
Швейцария	0,6	5,1	12,2	24,2	39,1	18,8
Чехия	0,5	8,1	14,8	30,3	17,0	29,3
Германия	0,8	8,6	14,3	28,8	30,8	16,7
Дания	0,9	8,4	17,1	44,2	18,8	10,5
Эстония	0,3	3,2	11,3	31,4	29,4	24,5
Испания	1,0	4,0	7,6	15,5	37,8	34,1
Финляндия	0,2	5,4	16,5	31,7	25,8	20,4
Франция	0,4	2,5	8,1	18,2	40,5	30,3
Великобритания	1,7	19,5	13,0	21,6	21,3	22,8
Венгрия	0,2	2,3	2,9	12,2	18,4	64,0
Ирландия	1,5	22,4	16,9	20,1	11,7	27,4
Израиль	0,1	3,1	5,9	8,0	11,7	71,2
Литва	0,4	6,3	8,6	28,0	18,8	37,9
Нидерланды	0,9	7,4	9,7	18,6	39,2	24,2
Норвегия	0,3	7,5	20,1	33,0	24,9	14,3
Польша	0,4	3,3	8,4	22,7	33,1	32,0
Португалия	1,2	2,1	5,3	10,9	33,9	46,5
Швеция	0,5	14,9	20,7	30,5	17,7	15,6
Словения	0,2	2,9	6,9	24,0	35,9	30,2

Продолжение таблицы 13

Страна	Практически каждый день	Каждую неделю	Каждый месяц	Реже раза в месяц	Никогда	Не пил
Всего						
Австрия	3,2	11,6	12,0	23,7	25,1	24,4
Бельгия	1,1	13,2	14,7	20,6	30,6	19,8
Швейцария	1,7	8,5	14,0	27,6	33,7	14,4
Чехия	1,3	11,7	19,6	29,1	12,2	26,1
Германия	1,8	10,8	18,1	29,6	25,9	13,8
Дания	1,6	11,1	21,4	41,5	16,4	7,9
Эстония	1,1	8,3	16,1	31,2	22,0	21,3
Испания	1,7	6,1	10,1	22,1	33,6	26,5
Финляндия	0,6	12,2	20,7	30,1	20,3	16,0
Франция	0,8	6,2	11,6	22,8	36,3	22,2
Великобритания	4,1	21,7	14,0	19,8	20,3	20,1
Венгрия	1,4	5,3	7,1	18,5	19,8	47,9
Ирландия	2,5	27,0	16,6	19,3	10,0	24,5
Израиль	0,6	7,8	6,8	11,2	13,2	60,5
Литва	2,6	12,7	11,7	28,0	14,8	30,2
Нидерланды	1,8	11,9	13,2	20,4	32,0	20,8
Норвегия	0,6	11,8	21,8	33,5	20,1	12,1
Польша	1,1	7,9	12,6	30,0	25,4	23,0
Португалия	4,3	7,2	7,8	17,8	30,4	32,5
Швеция	1,1	18,9	21,5	28,8	16,5	13,3
Словения	0,7	5,3	12,5	29,6	27,5	24,5

Источник: The European Social Survey. Round 7 (2014). Взвешенные данные «Post-stratification weights PSPWGHT».

В России доля тех, кто пил больше нормы практически каждый день, составила среди всего населения только 0,4%, а тех, кто пил 3–4 раза в неделю, – 0,6%. По Европейским странам это сопоставимо с большинством стран (если взять категорию «каждую неделю»), кроме Австрии (3%), Великобритании (4%), Португалии (4%). Если считать, что выделенная нами группа «высоко-постоянных» потребителей, превышающих дневную дозу раз в неделю и чаще (5,3%), соответствует объединению категорий «практически каждый день» и «каждую неделю» в данных ESS 2014 г., то практически во всех странах Европы доля таких потребителей была значительно выше (от 29,5% в Ирландии до 10% в Швейцарии). Лишь в 7 из 21 стран, участвовавших в опросе, эта доля была ниже 10%, и только в Словении, Венгрии и Франции она не превышала 7%.

Несколько сложнее сопоставить долю тех, кого мы отнесли к «эпизодическим» потребителям (6,5%). В данных RLMS-HSE эта группа соответствует частоте превышения нормы 1–3 раза в месяц. В европейском же вопроснике есть ответы «каждый месяц» и «каждую неделю», но не понятно, в какую группу отнесут себя те, кто превышает норму 2 раза в месяц. Если сравнить эту группу с теми, кто превышал дневную норму каждый месяц (т. е. хотя бы раз в месяц) по европейским данным, то мы снова увидим более высокую долю «эпизодических» потребителей почти во всех европейских странах. Только для Израиля, Венгрии и Португалии цифры сопоставимы (не более 8%).

Как мы видели выше, в современной России значительно больше, чем в Европе три года назад, тех, кто совсем отказывается от алкоголя. Поэтому имеет смысл сравнить распределение выделенных типов среди только потребителей алкоголя. Доля

лиц, не превышавших норму, в России (33%) близка к соответствующим данным по Австрии, Германии, Словении, Польше. Во Франции, Испании, Португалии эта доля наиболее высока (более 45%), а в Чехии, Дании, Ирландии и Дании – наиболее низка (ниже 20%). Около 10% «высоко-постоянных» потребителей (превышение нормы не реже 1 раза в неделю), кроме России, наблюдалось в Эстонии, Испании, Франции и Словении. Это самые низкие уровни. Самые высокие – в Великобритании и Ирландии (более 30%). Наконец, доля группы «высоко-эпизодических» потребителей в России (12%) близка к данным по Испании, Франции, Венгрии и Португалии (в остальных странах она выше – от 16 до 26,5%). «Профиль» распространенности выделенных групп в России наиболее похож на такие страны, как Польша, Словения и Эстония (28–36% не превышающих норму, 39–45% превышающих реже раза в месяц, 12–20% эпизодических потребителей и 8–12% постоянных потребителей).

Если же сравнить примерную среднюю частоту превышения дневной нормы за год в России в 2017 г. среди всех опрошенных (8,2 раза), то она сопоставима с такими странами, как Франция, Израиль, Словения и Венгрия в 2014 г. (см. таблицу 14). Но средняя частота среди лиц, употреблявших алкоголь (14,3 раза), скорее близка к данным по Польше, Норвегии, Финляндии, Эстонии, Швейцарии, т. е. к странам с северным типом потребления.

Таблица 14

Средняя частота превышения дневной нормы алкоголя по Европейским странам,
количественно раз в год

Страна	Пьющие			Все население		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Австрия	37,1	15,2	26,8	31,2	10,3	20,3
Бельгия	21,0	13,0	16,9	17,2	10,2	13,6
Швейцария	21,9	9,0	15,6	19,8	7,3	13,4
Чехия	26,3	12,8	19,6	20,3	9,0	14,5
Германия	23,1	12,4	17,8	20,7	10,4	15,4
Дания	21,5	13,0	17,3	20,3	11,6	15,9
Эстония	23,4	7,2	14,9	19,2	5,4	11,7
Испания	19,2	11,1	15,4	15,6	7,3	11,3
Финляндия	20,2	8,4	14,5	17,9	6,7	12,2
Франция	15,1	6,2	11,0	13,1	4,3	8,5
Великобритания	46,8	24,2	35,5	38,8	18,7	28,4
Венгрия	24,5	8,4	18,5	17,3	3,0	9,6
Ирландия	41,3	27,4	34,5	32,4	19,8	26,0
Израиль	24,6	10,5	19,3	12,5	3,0	7,6
Литва	42,2	11,5	27,4	33,1	6,9	18,8
Нидерланды	25,5	12,2	19,0	21,1	9,3	15,1
Норвегия	18,4	10,0	14,0	16,6	8,5	12,3
Польша	19,6	7,3	13,9	17,1	5,0	10,7
Португалия	44,0	11,8	30,6	36,5	6,3	20,7
Швеция	24,2	15,7	20,1	21,5	13,2	17,4
Словения	15,1	5,5	10,6	12,3	3,9	8,0

Источник: The European Social Survey. Round 7 (2014). Взвешенные данные «Post-stratification weights PSPWGHT».

Согласно другим исследованиям, в Финляндии в 2008 г. среднее количество дней эпизодически-высокого потребления у мужчин составляло около 20 раз в год, а у женщин – около 10 раз в год¹. В Швеции в 2012 г. на одного жителя приходилось в среднем 4,5 таких случаев². В США в 2005 г. среднее количество дней превышения дневной дозы (более 5 порций независимо от пола) составило для мужчин 13,7, для женщин – 2,5 раза³. Таким образом оказывается, что в настоящее время Россия выделяется среди европейских стран по доле трезвенников, а средняя частота превышения дневной нормы среди пьющих имеет близкие аналоги.

Проблемы, связанные с алкоголем, в зависимости от типа потребления

Хорошо известно, что большой объем потребления алкоголя вызывает много проблем как со здоровьем, так и в окружении человека; как правило, негативно сказывается на заработках, занятости и т. д. В нескольких раундах RLMS-HSE были заданы вопросы о наличии проблем, связанных с употреблением алкоголя. В 2008–2014 гг. респондентам задавали вопросы о том, если ли у них в связи с употреблением алкоголя следующие виды проблем: в семье, на работе (учебе), со здоровьем или какие-то другие. За эти годы среди употреблявших алкоголь доля тех, кто отметил проблемы в семье, снизилась с 10 до 8%, на работе – с 3 до 2%, со здоровьем – с 10 до 7,0%; тех, кто имел хотя бы одну из проблем, – с 17 до 13%. В 2015–2016 гг. задавались вопросы о последствиях употребления алкоголя в предыдущие 30 дней. Различия между этими двумя волнами по долям ответивших незначительны.

В 2012 г. также был задан ряд вопросов о ментальном здоровье. Посмотрим, есть ли взаимосвязь между опасным типом потребления алкоголя и наличием у респондентов проблем с психологическим здоровьем. К сожалению, протестировать такую связь на данных 2017 г. нельзя, так как в этом году такие вопросы не задавались. В целом можно увидеть очевидную взаимосвязь между рискованными типами потребления алкоголя (злоупотреблением «по дневной дозе» и особенно чрезмерным потреблением «по объему») и наличием у респондента подобных проблем. В 2008–2014 гг. при сравнении чрезмерного потребления алкоголя с умеренным потреблением риск наличия проблем в семье вырастал примерно в 6 раз, на работе или учебе – в 9 раз, со здоровьем – в 4,5 раза. Вероятность наличия хотя бы одной из проблем увеличивалась в 4 раза (см. табл. 15).

Что касается непосредственных последствий потребления алкоголя, то чаще всего респонденты отмечали, что они плохо себя чувствовали на следующий день (12,3%), но среди тех, чье потребление было «чрезмерным», эта доля составляла 37,7%, а среди умеренных потребителей – 8,8%, т. е. в 4 раза меньше (см. табл. 16).

¹ Harkonen J. T., Makela P. Op. cit.

² Norström T., Svensson J. The declining trend in Swedish youth drinking: Collectivity or polarization? // *Addiction*. 2014. No. 109 (9). P. 1437–1446.

³ Kerr W. C., Greenfield T. K., Bond J., Ye Y., Rehm J. Age-period-cohort modelling of alcohol volume and heavy drinking days in the US national alcohol surveys: Divergence in younger and older adult trends // *Addiction*. 2009. No. 104 (1). P. 27–37.

Таблица 15

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что в связи с употреблением алкоголя Вами лично у Вас есть проблемы?», 2008–2014 гг., вертикальный % среди потребителей алкоголя за 30 дней

Проблемы	По дозе			По объему		Всего
	Низкий риск	Высокий риск	Злоупотребляли	Умеренно	Чрезмерно	
В семье	3,8	7,9	24,8	5,0	30,0	7,0
На работе, учебе	1,1	2,0	7,4	1,0	9,0	2,0
Со здоровьем	4,2	7,7	20,0	5,0	23,0	7,0
Другие проблемы	0,5	0,9	3,6	1,0	4,0	1,0
Хотя бы одна из проблем	7,7	13,6	33,6	10,0	40,0	12,0

Таблица 16

Распределение ответов на вопрос: «За последние 30 дней в результате употребления алкоголя Вы..?», 2015–2016 гг., вертикальный % среди потребителей алкоголя за 30 дней

	По дозе			По объему		Всего
	Низкий риск	Высокий риск	Злоупотребляли	Умеренно	Чрезмерно	
Пропускали занятия, работу?	0,2	0,7	2,8	0,4	3,6	0,8
Совершали поступки, о которых сожалели впоследствии?	1,0	2,7	9,4	1,6	12,3	2,9
Не помнили, где были и что делали накануне?	0,6	1,8	9,4	1,0	12,5	2,4
Ссорились с окружающими людьми?	1,8	4,4	14,7	2,7	19,7	4,7
Ломали, разбивали свои или чужие вещи?	0,2	0,3	1,9	0,3	2,5	0,5
Попадали в неприятности с полицией?	0,3	0,3	1,9	0,3	2,9	0,6
Получали телесные повреждения, травмировались?	0,3	0,8	3,9	0,5	5,4	1,1
Обращались за медицинской помощью из-за передозировки алкоголя?	0,1	0,1	0,7	0,1	0,9	0,2
Плохо себя чувствовали на следующий день – головная боль, тошнота и т. д.?	5,2	14,1	33,1	8,8	37,7	12,3
У вас был незапланированный и (или) непредохраненный половой акт?	0,3	0,6	1,9	0,4	2,4	0,7
Водили автомобиль в нетрезвом состоянии?	0,2	0,3	0,8	0,2	1,2	0,3

На втором месте были ссоры с окружающими, их отметили 4,7%: среди умеренных потребителей – 2,7%, а среди неумеренных – 19,7%, т. е. в 7 раз чаще. Остальные последствия среди умеренных потребителей встречались еще реже,

не более чем в 1,6% случаев. Среди тех, чье потребление мы можем назвать чрезмерным, более чем 12% совершали поступки, о которых потом жалели, а также не помнили, где были и что делали накануне. Кроме того, 5,4% получали травмы, 3,6% пропускали работу или учебу, почти 3% имели неприятности с полицией, более чем 2% ломали вещи или имели незапланированный половой акт, около 1% обращались за медицинской помощью. Доля тех, кто водил автомобиль в нетрезвом состоянии, была также выше среди тех, кто пьет много: 1,2%, по сравнению с 0,2% среди умеренных потребителей.

Можно также отметить некоторые психические расстройства, которые более характерны для тех, кто много пьет, по сравнению теми, кто выпивает умеренный объем алкоголя в месяц, и особенно с непьющими лицами (см. табл. 17). Среди них – частая нервозность (43%), приступы агрессии (42,9%), периодическая депрессия (23,7%). Таким образом, построенные нами типологии, особенно та, что основана на объеме выпитого в граммах этанола за месяц, действительно позволяют выявить группы людей, склонных к опасному потреблению алкоголя, которое имеет серьезные негативные последствия как для самого человека, так и для окружающих.

Таблица 17

Распределение ответов на вопрос: «Для Вас характерны...?», 2012 г.,
вертикальный % среди потребителей алкоголя за 30 дней

	Не пил	По дозе			По объему		Всего
		Низкий риск	Высокий риск	Злоупотребляли	Умеренно	Чрезмерно	
Частая нервозность	26,9	27,4	33,1	40,4	29,2	43,0	28,8
Чувство тревоги, частые приступы паники	22,8	19,2	19,7	22,7	19,4	23,3	21,4
Приступы раздраженности, агрессии	19,3	22,9	28,4	40,5	24,9	42,9	23,0
Хроническая бессонница	20,2	13,8	12,8	17,7	13,6	19,3	17,3
Ослабление памяти	25,1	19,0	18,7	22,0	18,9	22,9	22,3
Периодическая депрессия	15,7	14,7	17,5	22,5	15,7	23,7	16,1
Другие психические расстройства	2,5	1,7	2,1	3,8	1,9	4,1	2,3

Так как в 2017 г. вопросы о наличии проблем не задавались, пока нельзя оценить их распространенность в группах, выделенных на основе подхода ЭВПА.

Мы полагаем, что два рассмотренных подхода к измерению доли людей, склонных к опасному потреблению алкоголя (по частоте превышения дневной нормы в год и по объему этанола, потребленного за 30 дней), дают сходные результаты. Они позволяют выделить, прежде всего, два таких типа: «высоко-постоянных» потребителей (превышающих дневную норму раз в неделю и чаще) и «чрезмерных потребителей» (выпивающих за 30 дней более 400 г этанола для женщин и более 800 г для мужчин). Оба они характеризуются высоким объемом и частотой потребления и представляют как большую опасность для здоровья, так и создают жизненные проблемы самим людям и их окружению. Более двух третей представи-

телей этих групп курят, что усугубляет вред для здоровья. Эти типы в значительно большей степени, чем остальные, распространены среди мужчин, людей среднего возраста, горожан. Есть основания полагать, что на принадлежность к этим типам влияет также более низкий уровень образования, хотя высокий доход характерен только для тех, кто относится к «чрезмерным» потребителям.

В то же время представители «эпизодически-высокого» типа потребления (превышение дневной нормы от одного до трех раз в месяц в течение года) выпивают относительно небольшой объем этанола в месяц (около 270 г). Так как по ряду социально-экономических характеристик они близки к «умеренным» потребителям, можно ожидать, что они сталкиваются с проблемами с похожей частотой, что не дает возможности оценивать такую модель потребления как «опасную». В то же время этот тип потребления может вести ко все большему привыканию к алкоголю, и со временем некоторые люди могут перейти к постоянному превышению дневной нормы.

Что касается оценок распространенности выделенных типов, то, прежде всего, важно отметить значительный рост доли абстинентов (трезвенников) среди россиян в возрасте 14 лет и старше за 2006–2017 гг. (с 26,7 до 38,5%), что существенно превышает уровень большинства европейских стран. В этот же период доля тех, кого мы отнесли к чрезмерно пьющим, снизилась среди всего населения с 7,7 до 4,2%, среди пьющих – с 10,6 до 8,2%. Если сравнивать долю лиц, превышающих дневную норму раз в месяц и чаще только среди пьющих, то ее величина в России в 2017 г. (22%) была ниже, чем в большинстве европейских стран, и сопоставима с уровнем Испании, Франции, Венгрии и Словении в 2014 г.

Таким образом, Россия больше не находится в пуле стран с самым высоким уровнем потребления алкоголя, даже с учетом неформальных каналов приобретения алкоголя (контрафакта и домашнего производства). Тем не менее мы полагаем, что по-прежнему необходима политика пропаганды ответственного потребления алкоголя и здорового образа жизни, прежде всего среди молодежи, так как изменить привычки людей старшего и среднего возрастов сложно, тогда как закрепить низкий уровень потребления среди более молодых поколений может быть реалистичной задачей.

Список литературы

Dawson D. A. Defining risk drinking // *Alcohol Research: Current Reviews*. 2011. No. 34 (2). P. 144–156.

Dvorsky G. America's binge-drinking problem is even worse than we thought [Электронный ресурс]. URL: <https://gizmodo.com/americas-binge-drinking-problem-is-even-worse-than-we-t-1823838748> (дата обращения: 20.06.2019).

European Social Survey [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 16.06.2019).

Global Status Report on Alcohol and Health 2014 / World Health Organization. Geneva: World Health Organization, 2014. 392 pp.

Harkonen J. T., Makela P. Age, period and cohort analysis of light and binge drinking in Finland, 1968–2008 // *Alcohol and Alcoholism*. 2011. No. 46 (3). P. 349–356.

Hedden S. L., Kennet J., Lipari R., Medley G., Tice P., Copello E. A. P., Kroutil L. A. Key substance use and mental health indicators in the United States: Results from the 2015 National Survey on Drug Use and Health. Rockville, MD: the Substance Abuse and Mental Health Services Administration (SAMHSA), 2016. 74 pp.

Kerr W. C., Greenfield T. K., Bond J., Ye Y., Rehm J. Age-period-cohort modelling of alcohol volume and heavy drinking days in the US national alcohol surveys: Divergence in younger and older adult trends // *Addiction*. 2009. No. 104 (1). P. 27–37.

Norström T., Svensson J. The declining trend in Swedish youth drinking: Collectivity or polarization? // *Addiction*. 2014. No. 109 (9). P. 1437–1446.

Reilly D., Beurden E. V., Mitchell E., Dight R., Scott C., Beard J. Alcohol education in licensed brief intervention strategies premises using // *Addiction*. 1998. No. 93 (3). P. 385–398.

What is binge drinking? [Электронный ресурс] / ReachOut Australia 2019. URL: <https://au.reachout.com/articles/what-is-binge-drinking> (дата обращения: 15.06.2019).

Wilsnack R. W., Wilsnack S. C., Gmel G., Kantor L. W. Gender differences in binge drinking: Prevalence, predictors, and consequences // *Alcohol Research: Current Reviews*. 2018. No. 39 (1). P. 57–76.

doi:10.17323/978-5-7598-2038-3_108-133

RISKY ALCOHOL CONSUMPTION IN RUSSIA

Roshchina Ya. M.

Abstract. In this paper, I analyze alcohol consumption among Russians in 2006–2017 on the basis of the RLMS-HSE data. First, I develop several classifications of alcohol use to gain a better insight into the process of alcohol consumption. One relies on the average daily alcohol intake during the last thirty days. It shows that the share of those who are prone to excessive alcohol intake and alcohol abuse steadily went down between 2006 and 2017. Likewise, another classification, based on the monthly alcohol intake estimated in grams of ethanol, documents the decline in alcohol consumption, particularly, among men. Both classifications show that the rising share of abstinent people drives down the level of alcohol consumption, with the young people aged 14–25 taking the lead in the process. Then, I calculate alcohol intake during the days of excessive alcohol consumption and the number of days per year when alcohol consumption the level of non-hazardous alcohol consumption, which exceeds three standard drinks for women and five for men. This exercise confirms that 46.7% of Russian are abstinent or, at least, consume no alcohol during 2017. Alcohol intake of 17.7% does not exceed the established level of non-hazardous consumption, while 23.8% drink excessively less than once a month, 6.5% do it up to three times a month, 5.3% more than once a week. On average, among those who consume alcohol, men drink excessively 21 times a year, women eight times a year. This puts Russia among the countries with a moderate level of alcohol consumption.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, alcohol, alcohol consumption, alcoholism.

References

Dawson, D. A. Defining risk drinking // *Alcohol Research: Current Reviews*. 2011. No. 34 (2). P. 144–156.

Dvorsky G. America's binge-drinking problem is even worse than we thought [Elektronnyj resurs]. URL: <https://gizmodo.com/americas-binge-drinking-problem-is-even-worse-than-we-t-1823838748> (data obrashcheniya: 20.06.2019).

European Social Survey [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/> (data obrashcheniya: 16.06.2019).

Global Status Report on Alcohol and Health 2014 / World Health Organization. Geneva: World Health Organization, 2014. 392 pp.

Harkonen J. T., Makela P. Age, period and cohort analysis of light and binge drinking in Finland, 1968–2008 // *Alcohol and Alcoholism*. 2011. No. 46 (3). P. 349–356.

Hedden, S. L., Kennet, J., Lipari, R., Medley, G., Tice, P., Copello, E. A .P., and Kroutil, L. A. Key substance use and mental health indicators in the United States: Results from the 2015 National Survey on Drug Use and Health. Rockville, MD: the Substance Abuse and Mental Health Services Administration (SAMHSA), 2016. 74 pp.

Kerr, W. C., Greenfield, T. K., Bond, J., Ye, Y., and Rehm, J. Age-period-cohort modelling of alcohol volume and heavy drinking days in the US national alcohol surveys: Divergence in younger and older adult trends // *Addiction*. 2009. No. 104 (1). P. 27–37.

Norström, T., Svensson, J. The declining trend in Swedish youth drinking: Collectivity or polarization? // *Addiction*. 2014. No. 109 (9). P. 1437–1446.

Reilly, D., Beurden, E.V., Mitchell, E., Dight, R., Scott, C., and Beard, J. Alcohol education in licensed brief intervention strategies premises using // *Addiction*. 1998. No. 93 (3). P. 385–398.

What is binge drinking? [Elektronnyj resurs] / ReachOut Australia 2019. URL: <https://au.reachout.com/articles/what-is-binge-drinking> (data obrashcheniya: 15.06.2019).

Wilsnack, R. W., Wilsnack, S. C., Gmel, G., and Kantor, L. W. Gender differences in binge drinking: Prevalence, predictors, and consequences // *Alcohol Research: Current Reviews*. 2018. No. 39 (1). P. 57–76.

Приложение 1

Вопросник РМЭЗ НИУ ВШЭ 2017 г.

M80.0 Вы употребляете хотя бы иногда алкогольные напитки, включая пиво?

Да, употребляете.....1

Нет, никогда не употребляете.....2 ⇒ [ПЕРЕХОДИТЕ К 42. НА СТР. 59]

M80 В течение последних 30 дней Вы употребляли алкогольные напитки?

Да.....1 ⇒ [ПЕРЕХОДИТЕ К 35.]

Нет.....2

M80.1 В течение последних 30 дней Вы употребляли пиво?

Да.....1

Нет.....2 ⇒ [ПЕРЕХОДИТЕ К 42. НА СТР. 59]

M81 Как часто Вы употребляли алкогольные напитки в течение последних 30 дней?

[ИНТЕРВЬЮЕР! ПИВО ТОЖЕ СЧИТАЕТСЯ АЛКОГОЛЬНЫМ НАПИТКОМ]

Каждый день.....1

4–6 раз в неделю.....2

2–3 раза в неделю.....3

Один раз в неделю.....4

2–3 раза в течение последних 30 дней.....5

Один раз в течение последних 30 дней.....6

3/0.....7

ОТКАЗ.....8

M84 Сейчас я буду перечислять разные спиртные напитки, а Вы скажите мне, пожалуйста, какие из них Вы пили в течение последних 30 дней, и если пили, то сколько грамм Вы обычно выпивали за день?

Вы пили...? (да–нет)

Сколько грамм выпивали за день?

Сколько дней в месяц пили?

111. Пиво промышленного производства

112. Пиво домашнее

12. Брагу

8. Домашнее вино любое – виноградное, плодово-ягодное и т. п.

21. Сухое вино, шампанское промышленного производства

31. Крепленое вино промышленного производства, в том числе мартини, вермут

4. Самогон

5. Водку

9. Коньяк, виски, ликеры

7. Коктейли, содержащие алкоголь

6. Что-нибудь другое?

M174 А в течение последних 12 месяцев Вы употребляли алкогольные напитки, включая пиво?

Да.....1

Нет.....2 ⇒ [ПЕРЕХОДИТЕ К 46. НА СТР. 51]

M175 Вспомните, пожалуйста, день, в который за последние 12 месяцев Вы выпили больше всего алкоголя. Давайте попробуем оценить, что именно и в каком количестве Вы в этот день выпили.

Вы пили...? (да/нет)

Сколько грамм выпили?

1. Пиво, брагу, сидр или слабоалкогольный коктейль

2. Некрепленое вино, шампанское, домашнее вино – до 14 градусов

3. Крепленое вино, вермут

4. Водку или любой другой крепкий напиток 40 градусов и более – коньяк, виски, ром, спиртосодержащие настойки и т. п., самогон

5. Алкогольные коктейли, в том числе барные

40.(176) Посмотрите, пожалуйста, на карточку, где перечислены примеры одной порции алкоголя.
[ИНТЕРВЬЮЕР! ПЕРЕДАЙТЕ РЕСПОНДЕНТУ КАРТОЧКУ]

Как часто за последние 12 месяцев Вы выпивали за один день, включая время после полуночи...

[ДЛЯ ЖЕНЩИН] четыре или более порций алкогольных напитков и их любых комбинаций – например, четыре бокала вина или шампанского, т. е. одна неполная бутылка 0,75 л, или четыре небольшие банки, бутылки или кружки пива, или четыре рюмки/стопки водки, или одна рюмка/стопка водки и три небольшие банки, бутылки, кружки пива, или две рюмки/стопки водки и два бокала вина и т. д.

[ДЛЯ МУЖЧИН] шесть или более порций алкогольных напитков и их любых комбинаций – например, шесть рюмок/стопок водки, т. е. половина бутылки 0,5 л, или шесть небольших или четыре больших бутылки, банки, кружки пива, т. е. два литра пива, или две рюмки/стопки водки и четыре небольшие банки, бутылки, кружки пива, или три рюмки/стопки водки и три бокала вина и т. д.

ПРАКТИЧЕСКИ ЕЖЕДНЕВНО.....	01
3–4 РАЗА В НЕДЕЛЮ.....	02
1–2 РАЗА В НЕДЕЛЮ.....	03
1–3 РАЗА В МЕСЯЦ.....	04
1–3 РАЗА В ПОЛГОДА.....	05
1–3 РАЗА В ГОД.....	06
НЕ БЫЛО ТАКИХ СЛУЧАЕВ.....	07

Рощина Я. М., Бычкова Т. Ю.

СТРУКТУРА ПИТАНИЯ РОССИЯН В 2011 г.

doi:10.17323/978-5-7598-2038-3_134-156

Аннотация. В работе на основании данных RLMS-HSE рассматриваются практики питания россиян в 2011 г. Под практиками питания понимаются индивидуальные предпочтения тех или иных продуктов питания и режим их потребления (количество приемов пищи в день и их характер). В целом россияне предпочитают питаться три раза в день (завтрак, обед и ужин), однако в течение дня многие прибегают в среднем к двум перекусам. Мужчины питаются более разнообразно, чем женщины; то же характерно для людей старшего возраста по сравнению с более молодыми, для горожан по сравнению с жителями села, для людей со средним достатком по сравнению с менее обеспеченными слоями населения. Россияне чаще питаются дома, реже – на работе или в заведениях общественного питания. На основании факторного и кластерного анализа выделены типы, характеризующие практики питания россиян. Наиболее распространены нейтральный и разнообразный тип питания. По сравнению с нейтральным, разнообразный тип питания включает полуфабрикаты, газированные воды, алкоголь, соки и др. Оба эти типа характерны для более пожилых россиян с низкой самооценкой здоровья. При этом лица с более высоким уровнем образования, из более состоятельных домохозяйств, проживающие в областных центрах, Москве или Санкт-Петербурге, с большей вероятностью питаются разнообразно. Молодые мужчины с нормальным весом и хорошей самооценкой здоровья наиболее склонны к употреблению готовых блюд и к перекусам, т. е. к нездоровому типу питания. Для молодых женщин с хорошей самооценкой здоровья более характерна комбинация здорового и нездорового типа питания. Эта группа отличается более высоким уровнем образования (высшее) и более высокой вероятностью проживать в Москве или Санкт-Петербурге. Последний, ориентированный на потребление натуральных продуктов тип питания в большей степени присущ молодым, имеющим маленьких детей, с низким уровнем образования, проживающим в сельской местности или на территории Северного Кавказа.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, потребление, питание, продукты питания.

Питание является фундаментальной потребностью человека, и потребность эта прошла длинный эволюционный путь от физической необходимости до важного социально и культурно значимого процесса, породившего разнообразные практики питания. Практики питания – это маркер социальных трансформаций общества¹, который можно рассматривать как в историческом, так и в современном контексте. В разных странах на формирование практик питания влияли такие факторы, как территориальное расположение, климат, а также религиозная и политическая ситуация в стране.

Далее под *практиками питания* мы понимаем предпочтения, пищевое поведение и индивидуальный режим потребления той или иной социальной группы, сформированные историческими, политическими и культурными факторами.

В социологии принято выделять традиционную и современную модель питания. Традиционная модель предполагает, что прием пищи должен происходить в определенный промежуток времени и включать в себя определенную последовательность блюд². Например, во многих странах традиционно считалось, что обед должен включать в себя три блюда. При этом первое блюдо всегда должно было быть горячим. Однако, по мнению А. Фишлера, сегодня традиционная модель питания ослабляет свои позиции, питание становится индивидуализированным и неструктурированным³. А. Вард считает, что в современном мире поведение людей в сфере питания становится случайным и нерегулярным⁴. Современную модель питания характеризует «быстрое питание» с использованием готовых блюд или полуфабрикатов, а также питанием вне дома.

Потребление пищи может формироваться человеком, его индивидуальными привычками, и в то же время оно всегда находится под влиянием общества, его правил и норм. По мнению А. Варда, анализируя пищевые практики, необходимо учитывать связанные с ними социальные аспекты. Например, потребляя определенные продукты питания, люди приписывают себя к определенному классу и отделяют себя от других.

Исследователями выявлено, что потребление продуктов питания различается в зависимости от страны⁵. Например, пищевые практики в Дании и Финляндии различаются не только по режиму потребления, но и по составу многих блюд, включенных в рацион. На территории России подобные различия можно обнаружить и между городами и регионами, поскольку страна охватывает большое пространство с разными климатическими поясами и национальными особенностями, несомненно влияющими на практики питания и непосредственно на выбор пищи⁶. Кроме того, в России можно проследить различия в потреблении между мужчи-

¹ Носкова А. В. Питание как объект социологии и маркер социального неравенства // Вестник Института социологии. 2015. № 14. С. 49–64.

² Ганскау Е. Ю., Минина В. Н., Семенова Г. И., Гронов Ю. Е. Повседневные практики питания жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 1. С. 41–58.

³ Fischler C. L'omnivore. Paris: Odile Jacob, 1990.

⁴ Warde A. Consumption, food and taste. London: Sage, 1997. P. 187.

⁵ Ibid. P. 82.

⁶ Росстат. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2015 г.: [база данных]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_101/Main.htm (дата обращения: 10.03.2016).

нами и женщинами¹. Существуют различия в потреблении между людьми разных возрастов. Так, при изучении стран северной Европы исследователи выявили, что наибольшие различия обнаруживаются между группами от 18 до 24 лет и от 55 и старше. Учитывая все вышеперечисленное, можно утверждать, что практики питания и пищевое поведение являются важной характеристикой как отдельной личности, так и общества в целом.

Далее мы проанализируем практики питания россиян в 2011 г. на основе данных 20-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Помимо данных основного вопросника RLMS-HSE мы используем дополнительный модуль 2011 г., включающий в себя подробную информацию о питании респондентов. В анализ также включена переменная «социальный класс», сконструированная Я. М. Рощиной на основе данных RLMS-HSE в 2016 г.²

Социально-экономические характеристики выборки респондентов

Полученная нами на основании данных RLMS-HSE выборка включает 13 712 респондентов в возрасте от 18 лет и старше. Выборка является репрезентативной для России в целом (в анализе используются взвешенные данные). В выборке оказалось 44,9% мужчин и 55,1% женщин. Молодежь (от 18 до 34 лет) составляет 32,6% выборки, средняя возрастная группа (от 35 до 54 лет) – 35,6%, старшая возрастная группа (от 55 и старше) – 31,8%.

Почти четверть респондентов имеют законченное высшее образование (23,8%) и столько же – законченное среднее специальное образование (23,8%). Законченное среднее образование (школа) имеют 34,4% респондентов, незаконченное среднее образование – 14,2%. Окончили только 0–6 классов 3,1% респондентов. Большинство опрошенных работают (58,6%), среди них: законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена – 3,8%; специалисты высшего уровня квалификации – 10,4%; специалисты среднего уровня квалификации, служащие, офисные работники, работники сферы торговли и услуги – 23,3%; военнослужащие – 0,3%; квалифицированные рабочие – 16,7%; неквалифицированные рабочие – 4,0%. Приблизительно треть респондентов (32%) проживают в селе; 68% – в городе.

Переменная «социальный класс» сконструирована Я. М. Рощиной по методике Европейского общества опросов общественного мнения и маркетинговых исследований (European Society of Marketing Research Professionals, ESOMAR) с учетом российских особенностей. Социальный класс определяется на основании статуса члена семьи, который приносит основной доход (критерии: уровень образования, занятость, профессиональный статус (включая количество подчиненных), имущественный статус семьи для незанятых). Распределение респондентов

¹ Громашева О. А. Мужское и женское в практиках питания: интерпретации петербургских родителей и детей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 5. С. 241–251.

² Рощина Я. М. Стиль жизни в отношении здоровья: имеет ли значение социальное неравенство? // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 3. С. 17–18.

по социальному классу выглядит следующим образом: А – высший (управленцы, чиновники) – 0,7%; В – высший средний (управленцы среднего звена, мелкие предприниматели) – 4,5%; С₁ – средний-средний (специалисты с высшим образованием) – 24,8%; С₂ – низший средний (служащие без высшего образования) – 39,9%; D – низший (квалифицированные рабочие, пенсионеры) – 13,6%; E – низший-низший (неквалифицированные рабочие, малообеспеченные пенсионеры) – 15,5%.

Структура вопросника и общие вопросы о питании

Вопросы о питании взрослых и детей старше двух лет задавались респондентам в рамках RLMS-HSE в 2011 г. Респондентов просили рассказать о том, что они ели за прошедшие сутки: с того момента, как они встали утром, до того момента, как легли спать. Опрос проводился с октября 2011 по март 2012 г. Более половины респондентов приняли участие в октябре (39,4%) и ноябре (36,4%); 12,1% – в декабре; 5,7% – в январе; 4,9% – в феврале; 1,4% – в марте. Респонденты отвечали на вопросы в разные дни недели: 65% – с понедельника по пятницу; 31% – с субботы по воскресенье; 4% – в праздники.

В вопросник включено несколько общих переменных о питании:

1. Что касается количества пищи, вчера Вы съели столько же, сколько обычно едите, меньше, чем обычно, или больше, чем обычно?
2. Связано ли Ваше питание с рекомендациями врача?
3. Связано ли Ваше вчерашнее питание с соблюдением специальной диеты?
4. Связано ли Ваше вчерашнее питание с религиозными обычаями?
5. Когда есть возможность, что Вы выбираете:
 - продукты с пониженным содержанием жира или продукты с обычным содержанием жира?
 - продукты с пониженным содержанием соли или продукты с обычным содержанием соли?
 - низкокалорийные продукты или обычные продукты?
 - продукты, содержащие искусственные подсластители – заменители сахара, или продукты, содержащие сахар?
 - продукты с добавлением витаминов и минералов или продукты без добавления витаминов и минералов?

Распределение ответов на перечисленные выше вопросы представлено ниже в таблицах 1–3. В основном за прошедшие сутки респонденты потребляли столько же пищи, как обычно. У подавляющего большинства респондентов питание никак не связано с рекомендациями врача, соблюдением специальной диеты и религиозными обычаями. Большинство опрошенных потребляют обычные продукты, которые содержат обычное содержание жира, соли, сахара, а также продукты, которые не содержат витаминов и минералов. Представленные в таблицах данные не дают оснований сокращать выборку.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Вчера Вы съели столько же, сколько обычно едите, меньше, чем обычно, или больше, чем обычно?», %

Столько же	85,0
Меньше	10,1
Больше	3,3

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Связано ли Ваше (вчерашнее) питание с рекомендациями врача, специальной диеты или религиозными обычаями?», %

Связано с рекомендациями врача	5,4
Связано с соблюдением специальной диеты	5,1
Связано с религиозными обычаями	1,0

Таблица 3

Выбор продуктов питания респондентами, %

Продукты с пониженным содержанием жира	16,7
Продукты с пониженным содержанием соли	11,4
Низкокалорийные продукты	10,5
Продукты, содержащие заменители сахара	6,0
Продукты с добавлением витаминов и минералов	27,1

После общих вопросов следуют 40 блоков, каждый из которых соответствует блюду/напитку/добавке, которые респондент потребил в пищу за прошедшие сутки. Для каждого блюда или продукта респондентам необходимо было указать:

- наименование блюда (продукта);
- время приема пищи;
- тип приема пищи (завтрак, обед, ужин, перекус, другое);
- место приема пищи;
- количество продукта/блюда (граммы, единицы);
- способ приготовления блюда (домашнее / не домашнее);
- способ приготовления составляющих блюда;
- тип исходного продукта (для приготовленных блюд).

Далее для описания пищевых практик и их типологии мы будем использовать именно эти переменные.

Количество приемов пищи в течение дня

Так как анкета была организована вокруг понятия «блюдо (продукт)», в привязке к которому спрашивалось время и тип приема пищи (завтрак, обед, ужин, перекус), нами был произведен подсчет количества приемов пищи в каждом типе на основе указанного времени. Было принято решение, что если блюда были отнесены респондентом к одному и тому же типу, например завтрак, и указанное

время отличалось не более чем на час, то это один и тот же прием пищи. Однако если респондент указывал, что какое-то блюдо он съел на завтрак в 6 часов утра, а другое – в 9 часов утра, это фиксировалось как «второй завтрак».

В анкете необходимо было указать, что именно респондент потребил за прошедшие сутки, которые выпадали как на будние дни, так и на выходные и праздники. В результате было обнаружено, что на уровне 95% вероятности нет значимых различий в средних значениях количества приемов пищи в течение дня в зависимости от дня недели или праздника. Таким образом, в дальнейшем можно было пренебречь днем недели (включая праздники) при анализе данных относительно количества приемов пищи в течение дня.

Завтрак. В течение прошедшего дня у большинства респондентов (96,3%) был один завтрак; 0,7% респондентов предпочитали завтракать два раза в течение дня; 3% пропускали в своем рационе завтрак. Было выявлено, что в среднем женщины потребляли большее количество завтраков, чем мужчины. Кроме того, было обнаружено, что на уровне 95% вероятности средняя возрастная группа потребляла большее количество завтраков, чем молодежь. В свою очередь, старшая возрастная группа потребляла большее количество завтраков, чем средняя возрастная группа и молодежь. Значимых различий в средних значениях между респондентами, принадлежащими к разным социальным классам, а также проживающими в городской и сельской местности, обнаружено не было.

Обед. Практически все респонденты предпочитали обедать всего один раз в день (93,9%); пропускали в своем рационе обед 5,7% респондентов; предпочитали два раза обедать в течение всего дня только 0,4% респондентов. Значимых различий в средних значениях между мужчинами и женщинами, а также респондентами, принадлежащими к разным социальным классам, не обнаружено. Однако на уровне 95% вероятности старшая возрастная группа потребляла большее количество обедов, чем средняя возрастная группа и молодежь. В свою очередь, средняя возрастная группа также потребляла большее количество обедов, чем молодежь. Кроме того, было выявлено, что респонденты, проживающие в сельской местности, в среднем потребляли большее количество обедов, чем горожане.

Ужин. В течение дня большинство респондентов предпочитали ужинать один раз в день (95,3%); пропускали ужин 4,2% респондентов; ужинали два раза 0,5% респондентов. На уровне 95% вероятности было обнаружено, что в среднем в селах люди ужинали большее количество раз, чем в городах. Однако значимых различий между мужчинами и женщинами, респондентами, принадлежащими к разным возрастным группам, а также к разным социальным классам, обнаружено не было.

Перекусы. Более половины респондентов в течение дня перекусывали всего один (35,2%) или два (20,9%) раза в день. Некоторые респонденты перекусывали три раза в день (7,2%), четыре раза в день (1,8%), пять раз в день (0,4%). Вовсе не перекусывали 34,2% респондентов. На уровне 95% вероятности было обнаружено, что в среднем женщины чаще перекусывали в течение прошедшего дня, чем мужчины. Также было выявлено, что в среднем молодежь чаще перекусывает, чем средняя возрастная группа. В городах люди перекусывают большее количество раз, чем в селах. Кроме того, значимые различия были обнаружены между соци-

альными классами. На уровне 95% вероятности было обнаружено, что в среднем, высший-средний (В) класс предпочитает большее количество перекусов, чем низший-средний (C_2) класс, низший и низший-низший (D и E) классы. В свою очередь, средний-средний (C_1) класс имел в среднем большее количество перекусов, чем низший-средний (C_2) и низший-низший (E) классы. Низший-средний (C_2) класс перекусывал больше, чем низший-низший (E) класс, и меньше, чем низший (D) класс. Низший класс имел перекусов больше, чем низший-низший класс. В целом можно сказать, что чем выше социальный класс, тем к большему количеству перекусов он склонен.

Так как большинство респондентов предпочитают потреблять один завтрак, обед и ужин, то в последующем анализе будут учитываться только основные рационы принятия пищи и два перекуса. Помимо этого выявлено, что количество приемов пищи (завтраки, обеды, ужины, перекусы) значительно не различается в будние дни, выходные дни и праздники. Скорее всего, это связано с тем, что люди стараются поддерживать привычный прием пищи основных рационов питания, независимо от дня недели и праздников.

Количество блюд, напитков, добавок в течение дня

Все названные респондентами продукты были условно разделены на три типа: блюда (включая готовые продукты, такие как колбаса, сыр и т. д.), напитки и добавки (соусы, масло, и т. д.). Для каждого респондента мы посчитали количество блюд, напитков и добавок всего за день, а также в каждый тип приема пищи (если было два завтрака, то количество блюд суммировалось как относящееся к завтраку).

В результате было выявлено, что в праздники и выходные респонденты в среднем потребляли большее количество блюд, чем в будние дни.

Блюда. Приблизительно половина респондентов потребляли в течение дня от восьми (12%), девяти (12,8%) до десяти (12,3%), одиннадцати (10,2%) блюд в течение дня. Остальные респонденты потребляли либо меньшее количество блюд, либо большее.

Напитки. Около половины респондентов потребляли в течение прошедшего дня: два напитка – 21,8%; три напитка – 43,7%; четыре напитка – 19,3%; пять напитков – 6%.

Добавки. Распределение потребляемых добавок в течение прошедшего дня варьируется: от одной добавки потребляли 18,0% респондентов; две добавки – 21,8%; три добавки – 20,9%; четыре – 14,5%; 11,9% респондентов не использовали в своем рационе добавки.

В результате сравнения средних значений было выявлено, что значимые различия наблюдаются только в средних значениях потребляемых блюд в зависимости от дня недели и праздников. В праздники и выходные респонденты предпочитали потреблять большее количество блюд, чем в будние дни. Количество блюд варьировалось от восьми до двенадцати, количество напитков от трех до четырех, количество добавок от одной до четырех в течение дня.

Количество блюд, напитков, добавок на завтрак, обед, ужин, перекусы

Теперь рассмотрим подробно каждый из приемов пищи в отдельности. Более половины респондентов потребляли на завтрак одно (19,9%), два (35,3%) или три (22,9%) блюда; 9,1% потребляли четыре блюда; 2,6% – пять блюд; 0,8% – шесть блюд; 0,2 – семь блюд; 6,1% ничего не ели на завтрак. Практически все респонденты (89,5%) потребляли на завтрак один напиток; два напитка выпивали 1,2% респондентов; 6,2% не пили на завтрак никаких напитков. Около половины респондентов (48,6%) использовали одну добавку на завтрак; две использовали 23,4% респондентов; три – 2,5%; четыре – 0,2%; не использовали добавки на завтрак 22,3% респондентов.

Распределение количества блюд, потребляемых в обед, таково: 0,2% респондентов не обедали; 4,7% потребляли в обед одно блюдо; 17% – два блюда; 28% – три блюда; 22,9% – четыре блюда; 12,7% – пять блюд; 5,5% – шесть блюд; 2% – семь блюд; 0,7% – восемь блюд; 0,3% – девять блюд. Большинство респондентов (70,1%) потребляли на обед один напиток; 1,4% – два напитка; 22,6% не пили никаких напитков в обед. Около половины респондентов (48,8%) не использовали добавок на обед; потребляли одну добавку 36,7% респондентов; две – 8%; три – 0,7%. Более половины респондентов потребляли на ужин два (25,1%) или три (30,2%) блюда; четыре блюда потребляли 18,7% респондентов; пять – 7,1%; одно – 10,1%; не потребляли никаких блюд – 0,6% респондентов. Практически все респонденты потребляли один напиток на ужин (70,8%); два напитка потребляли 1,9% респондентов; не пили вообще 23%. Кроме того, около половины респондентов потребляли на ужин всего одну добавку (41%) либо не потребляли их вовсе (44,8%). Во время перекусов респонденты в основном потребляли одно блюдо (21,6%); два блюда потребляли 15,6%; три – 8,8%; не потребляли блюд в перекусы 10,9% респондентов. Более половины респондентов в перекусы потребляли один напиток (27,6%) либо вовсе не потребляли напитки (28,2%). Чаще всего во время перекуса респонденты не использовали добавки (44,2%) либо предпочитали одну добавку (15,9%) или две (4,2%).

В целом можно сказать, что в выходные дни люди потребляют больше блюд и напитков, чем в будние дни. Разнообразнее пьют и едят мужчины по сравнению с женщинами; люди старшего возраста по сравнению с молодежью; горожане по сравнению с жителями села; представители средних классов по сравнению с более бедными россиянами. Количество потребляемых блюд и напитков более разнообразно у респондентов, принадлежащих к среднему-среднему (C_1) классу и выше, а потребление добавок, наоборот, более разнообразно у низшего слоя населения.

Время и место приема пищи

Время потребления пищи на завтрак с пяти часов утра до часу дня. Большая часть респондентов предпочитала завтракать в 7 утра (18,7%), в 8 утра завтракали 22,4%, в 9 утра – 21,7%. Кроме того, практически все респонденты потребляли пищу дома (96%), и лишь малая часть завтракала на рабочем месте (2,2%). Среди тех, кто отметил наличие второго завтрака (а это всего 0,6% выборки), подавляющее большинство съели его на работе. Обедом люди называли прием пищи от

десяти часов утра до семи часов вечера. Большая часть респондентов предпочитала обедать в 12 часов дня (16,9%), в час дня обедали 28,7%, в два – 26%. Практически никто не обедал дважды (всего 0,1%). Три четверти респондентов обедали дома (75,4%), 12% – на рабочем месте, 5,5% – в столовой, по 2% – в гостях или в кафе без официанта. Время ужина с четырех часов вечера до половины двенадцатого ночи. Большая часть респондентов предпочитала ужинать в 18 часов (23,2%), 19 часов (32,2%) или 20 часов (19,9%). Практически все ужинали дома (95,8%), в гостях ужинали всего 1,8%, на рабочем месте – 1,3%.

Было выявлено, что в течение прошедшего дня большинство респондентов потребляло только 2 перекуса. Чаще всего первый раз перекусывали с 14:30 до 17:30 (20,6%), с 9:30 до 12:30 (16,9%) или с 19:30 до 22:30 (15,2%). В основном респонденты перекусывают дома (83,9%); 11,3% респондентов делают это на рабочем месте и только 1,3% – в гостях. Время потребления пищи во время второго перекуса с пяти часов утра до одиннадцати часов вечера. Большинство респондентов второй раз перекусывали с 14:30 до 17:30 (20,6%), а также с 19:30 до 22:30 (15,2%). Второй перекус делали почти 7% респондентов, из них почти половина – на рабочем месте, еще треть – в «другом» месте (в местах, не перечисленных в анкете). Почти каждый десятый из респондентов, имевших второй перекус, перекусывал в кафе.

Распределение приемов пищи дома, на работе и в других местах показано в таблице 4.

Таблица 4

Количество раз приема пищи в разных местах в течение дня, % по строке

Место приема пищи	0 раз	1 раз	2 раза	3 раза	4 раза
Дом	0,9	3,6	19,0	41,9	34,6
В гостях	95,6	3,6	0,6	0,1	0,04
Ресторан, кафе с официантом	99,3	0,6	0,1		
Кафе, столовая без официантов	97,6	2,3	0,1	0,01	0,01
Кафе, ларек, буфет фастфуда	98,6	1,3	0,1	0,01	
Столовая в школе	99,2	0,6	0,2	0,04	0,03
Школа, место учебы, но питание не в столовой	99,3	0,7	0,1		
Просто столовая, столовая предприятия, учреждения	94,4	4,8	0,7	0,1	0,04
Рабочее место	81,1	12,1	5,6	1,0	0,2
Другое место	98,3	1,4	0,2	0,1	0,02

Практически все опрошенные в течение дня хотя бы один раз питались дома, причем большинство делали это три раза (42%) или четыре раза (35%). На втором месте по частоте – питание на рабочем месте, т. е. не в столовой на работе, а именно на рабочем месте. Так поступили 19% респондентов. Еще 5,5% ели в столовой на работе, 4,4% – в гостях, 2,4% – в кафе без официанта, 1,4% – в киоске фастфуда. Всего, как оказалось, 72,6% респондентов питались только дома или в гостях, 27% – в каком-либо публичном месте. Однако если исключить рабочее место, эта доля окажется ниже: только 10% опрошенных посетили в течение дня кафе, ресторан, столовую или хотя бы киоск фастфуда. При этом доля посетивших эти заведения общественного питания была значимо выше среди социальных клас-

сов А, В и С₁ (от 15 до 19%); молодежи до 34 лет (16%); мужчин (13%); москвичей и жителей Санкт-Петербурга (17%) и областных центров (13,5%). Среди сельских жителей лишь 4% посетили предприятия общественного питания в день, предшествующий опросу. Оказалось также, что в будние дни общепит посещают 11%, а в выходные и праздники – 7,5%.

Структура приемов пищи

Потребление продуктов питания представляет собой своего рода ритуал, это касается как состава блюд, так и их порядка или количества. Так, на Востоке в ресторанах официанты нередко приносят всю еду, которая включает широкий диапазон продуктов, одновременно. На Западе, наоборот, принято потреблять блюда по очереди. В России и СССР обычный обед состоял из трех блюд (первое – суп, второе, десерт или напиток), а праздничный ужин включал также закуски. Однако многие исследователи считают, что традиционное понимание обеда уходит в прошлое¹. По результатам опроса Левада-Центра, люди предпочитают на завтрак бутерброды, яйца, кашу, чай или кофе². Хотя завтрак, обед и ужин остаются полноценными приемами пищи, с развитием точек быстрого питания люди стали все чаще перекусывать в течение дня.

Как мы отмечали выше, в вопросник были включены 40 блоков, где респондентам необходимо было вписать, что они потребляли в течение прошедшего дня. В итоге нами было выделено 1913 переменных, описывающих потребление респондентов. Далее переменные были разбиты на 47 типичных групп, которые мы будем использовать в дальнейшем анализе. Эти группы могут быть классифицированы как блюда (закуски, супы, второе), напитки и добавки. Частота потребления отдельных блюд, напитков и добавок представлена в таблицах 5 и 6.

Респонденты на завтрак чаще всего потребляли: легкие супы (молочный или овощной); молочные и кисломолочные продукты; блюда из овощей; блюда из мяса и мясной продукции; жиры; фрукты; печенье, вафли, сухари; каши; сыр; салаты; супы на мясном или курином бульоне в сочетании с хлебом и булками. Чаще всего потребляемыми напитками на завтрак были чай, кофе, компот, кисель в сочетании с сахаром или сахарозаменителями.

Во время обеда большинство респондентов употребляли блюда из овощей; молочные и кисломолочные продукты; супы (молочный, овощной); жиры; блюда из мяса и мясной продукции (колбаса); фрукты; печенье, вафли, сухари; сыр; салаты в сочетании с хлебом и булками. Пили чаще всего чай, кофе, компот, кисель, соки в сочетании с сахаром или сахарозаменителями.

На ужин большинство респондентов предпочитали блюда из овощей; молочные и кисломолочные продукты; супы (молочный, овощной, на курином или мясном бульоне); жиры; блюда из мяса, птицы и мясной продукции (колбаса); фрукты; печенье, вафли, сухари; сыр; салаты; каши в сочетании с хлебом и булками, из напитков – чай, кофе, компот, кисель, соки в сочетании с сахаром или сахарозаменителями.

¹ Ганскау Е. Ю., Минина В. Н., Семенова Г. И., Гронов Ю. Е. Указ. соч. С. 41–58.

² См.: Ганскау Е. Ю. Образцы потребления продуктов питания в Санкт-петербургских семьях // Социология потребления: сб. ст. / Под ред. Л. Т. Волчковой, Ю. Гронова, В. Н. Мининой. СПб.: Социол. об-во им. М. М. Ковалевского, 2001. С. 109–129.

Во время перекусов большинство респондентов ели блюда из овощей; молочные и кисломолочные продукты; супы (молочный, овощной, на курином или мясном бульоне); жиры; блюда из мяса, птицы и мясной продукции (колбаса); фрукты; печенье, вафли, сухари; сыр; салаты; каши, конфеты, в сочетании с хлебом и булками, а пили чай, кофе, компот, кисель, соки, алкоголь в сочетании с сахаром или сахарозаменителями.

Таблица 5

Частота потребления различных блюд по типу приема пищи, %

Блюда	Завтрак	Обед	Ужин	Перекус
Хлеб, булки	93,0	92,0	92,3	91,9
Блюда из овощей	61,30	59,7	60,4	60,8
Молочные, кисломолочные продукты	51,30	48,5	49,8	54,4
Суп молочный или овощной	45,40	44,0	45,2	44,8
Жиры	46,0	42,9	43,9	46,0
Блюда из мяса	38,10	36,2	37,6	37,9
Фрукты	36,20	34,9	35,3	50,6
Печенье, вафли, сухари	35,80	34,3	34,8	40,8
Каша	35,10	33,6	34,1	36,3
Блюда из птицы	29,60	29,1	28,8	30,2
Колбаса, мясопродукты	29,70	27,8	28,2	30,6
Сыр	29,0	26,1	27,1	30
Салаты	25,90	24,2	25,0	27,4
Суп на мясном или курином бульоне	21,10	21,7	21,0	21,5
Конфеты	19,60	18,4	18,7	24,5
Соусы, специи	18,30	17,7	17,8	19,4
Блюда из макарон	17,30	16,9	17,3	17,1
Пирожки, бургеры	13,40	13,0	13,4	15,5
Блюда из рыбы	12,90	12,5	12,6	13,8
Свежие овощи	13,90	12,1	12,8	14,9
Десерты, торты	12,50	11,8	11,7	14,4
Сосиски, сардельки	11,70	11,0	11,5	11,9
Варенье, мед	10,50	10,0	10,0	11,6
Блюда из творога, творог	10,0	9,4	9,5	11,3
Смешанные блюда	8,70	8,9	8,9	9,0
Пельмени, вареники	8,40	8,5	8,7	8,0
Закуска из рыбы	8,30	8,1	8,1	8,6
Блинчики	7,20	6,5	6,9	6,9
Орехи, сухофрукты	4,60	4,5	4,4	6,3
Суп рыбный	2,50	2,7	2,7	2,5
Блюда из круп	1,60	1,6	1,6	1,3
Закуска из мяса или птицы	1,10	1,1	1,0	1,2
Мюсли	0,60	0,6	0,5	0,7
Чипсы, попкорн, жвачка	0,40	0,4	0,4	0,6
Детское питание	0,20	0,2	0,2	0,3

Таблица 6

Частота потребления различных напитков и добавок по типу приема пищи, %

Напитки	Завтрак	Обед	Ужин	Перекус
Чай	91,2	92,4	92,9	92,1
Сахар и заменители	81,3	80,9	81,4	79,9
Кофе	41,4	41,1	39,9	47,2
Компот, кисель	16,2	19,5	17,3	15,9
Соки	8,1	9,2	8,8	10,0
Алкоголь	6,5	6,6	6,9	7,9
Вода	4,8	4,6	4,7	7,4
Газировка	1,8	1,8	2,0	2,8
Кофейные напитки и прочее	1,7	1,7	1,5	1,9
Какао	1,2	1,4	1,3	1,2

Таким образом, можно заключить, что на завтрак, обед и ужин респонденты потребляли сходный состав блюд и напитков. Однако в обед большинство респондентов не едят кашу, а на ужин предпочитают супы на мясной основе. Состав блюд оказался аналогичным также во время перекусов, хотя к напиткам нередко добавлялся алкоголь.

Типы повседневных практик питания

Для выявления типов повседневных практик питания, которых придерживается население России, были использованы методы факторного и кластерного анализов. Были использованы переменные относительно количества блюд по каждому из типов, а также количество блюд, напитков и добавок в каждый прием пищи.

Перед решением задачи кластеризации была снижена размерность данных при помощи факторного анализа. Полученные факторы были использованы в модели кластерного анализа. Для построения латентных признаков был использован метод главных компонент с вращением.

Факторный анализ был проведен по очереди для двух групп переменных, отражающих содержание и разнообразие питания:

1. Отражающих количество блюд, напитков и добавок во время каждого приема пищи.
2. Характеризующих количество в рационе респондента конкретной группы блюд/напитков или добавок.

По критерию Кайзера алгоритм выделил 5 и 20 латентных переменных, в первой и второй моделях соответственно (собственное значение факторов больше 1). О хорошем качестве моделей свидетельствует процент объясненной факторами дисперсии (63,9 и 55,4% соответственно).

Первая модель позволила получить факторы, характеризующие разнообразие рациона в конкретный прием пищи. Были выделены латентные признаки, которые можно обозначить как разнообразие следующих видов принятия пищи:

перекусов; обедов; напитков и добавок на ужин; напитков и добавок на завтрак; завтраков и ужинов. Вторая факторная модель (см. табл. 7) выявила 10 коррелирующих между собой комбинаций продуктов, объединенных общим смыслом (например, чай с сахаром, колбаса + сыр + хлеб и т. п.), хотя некоторые продукты не комбинировались с другими или комбинировались с отсутствием других (например, не сочетались друг с другом кофе и чай).

Таблица 7

Результаты модели факторного анализа с вращением (типы сочетаний блюд)

Блюда	Факторы									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Блюда из яиц	-0,027	0,187	-0,073	-0,182	0,118	0,071	-0,092	-0,252	0,078	-0,082
Каши	-0,042	-0,244	-0,132	0,674	-0,016	0,040	-0,158	-0,009	0,027	-0,093
Мюсли и т. д.	-0,002	0,013	0,026	-0,156	0,149	0,118	-0,101	0,071	0,060	-0,076
Блюда из творога, творог	0,011	-0,034	-0,057	-0,024	0,004	0,666	-0,004	0,045	0,003	0,029
Молочные, кисломолочные продукты	-0,014	-0,041	0,158	0,039	-0,036	0,648	-0,106	-0,083	-0,092	-0,138
Суп на мясном или курином бульоне	0,022	0,049	-0,072	0,064	0,805	-0,015	-0,061	-0,020	-0,207	-0,037
Суп овощной или молочный	0,037	0,081	-0,065	0,076	-0,764	0,016	-0,124	-0,087	-0,206	-0,055
Суп рыбный	-0,006	0,040	-0,025	0,031	0,028	-0,023	-0,045	-0,068	0,721	-0,008
Закуска из рыбы	0,022	0,016	-0,004	0,022	0,064	-0,013	0,675	-0,030	-0,030	-0,060
Салаты	-0,060	0,064	0,072	0,081	0,030	-0,106	0,081	0,502	-0,002	-0,099
Блюда из круп	-0,012	0,035	0,014	-0,087	-0,055	-0,076	-0,090	0,033	-0,034	-0,096
Блюда из макарон	0,017	0,096	0,025	-0,078	0,000	-0,102	-0,171	-0,009	-0,035	0,725
Блюда из мяса	0,012	0,055	0,005	0,081	-0,155	-0,076	-0,026	0,096	-0,196	0,043
Блюда из овощей	0,127	-0,023	0,035	-0,110	-0,015	-0,041	0,445	0,142	0,096	-0,044
Блюда из птицы и т. д.	0,050	0,051	0,022	0,085	0,127	-0,053	-0,139	0,075	-0,237	-0,009
Блюда из рыбы	-0,007	-0,010	0,012	0,025	-0,049	-0,012	0,014	0,105	0,674	-0,031
Блюда смешанные	-0,034	0,096	0,025	-0,069	-0,024	-0,018	-0,096	0,028	-0,112	-0,070
Пельмени, вареники	0,018	-0,010	0,005	-0,008	0,090	0,032	0,048	-0,047	0,003	-0,060
Колбаса, мясoproductы	-0,019	0,660	0,023	-0,133	-0,014	-0,042	0,005	0,063	0,037	0,019
Сосиски, сардельки	0,014	-0,043	-0,002	0,049	0,007	0,036	0,057	-0,064	-0,014	0,691
Сыр	-0,017	0,407	0,142	0,333	0,043	0,128	0,016	0,202	0,031	0,133
Блинчики	-0,056	-0,039	-0,021	-0,017	-0,002	0,051	-0,059	-0,041	0,023	-0,056
Печенье, вафли, сухари и т. д.	0,618	-0,201	0,029	0,013	-0,035	0,055	-0,023	0,005	-0,031	-0,015
Пирожки, бургеры и т. д.	0,013	-0,130	0,016	-0,026	-0,024	-0,105	-0,097	0,056	-0,040	-0,115
Хлеб, булки	0,090	0,670	-0,095	0,198	-0,033	-0,083	0,074	-0,095	-0,035	-0,052
Варенье, мед	-0,118	-0,041	-0,410	0,083	-0,039	0,213	0,105	-0,074	-0,010	-0,013
Десерты, торты	0,001	-0,147	0,059	-0,064	0,032	0,022	0,185	0,242	0,060	0,196
Конфеты	0,149	-0,102	-0,163	-0,111	0,072	0,033	0,059	0,433	0,029	0,017

Продолжение таблицы 7

Блюда	Факторы									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Орехи и сухофрукты	-0,025	0,017	-0,079	0,092	0,000	0,314	0,186	-0,039	0,070	0,029
Овощи свежие	0,013	-0,031	0,020	0,131	-0,030	0,047	0,075	0,188	-0,024	0,005
Фрукты	0,009	0,024	-0,038	0,136	0,005	0,334	-0,073	0,387	0,081	0,079
Алкоголь	-0,286	0,136	0,018	-0,105	-0,088	-0,165	0,437	0,131	-0,051	-0,019
Вода	-0,054	-0,029	0,016	0,008	-0,021	-0,053	0,074	-0,035	-0,013	0,002
Газировка	-0,108	-0,062	0,129	0,034	0,107	-0,060	0,187	-0,211	0,027	0,029
Какао	-0,017	-0,028	-0,082	0,047	-0,017	0,090	0,049	-0,011	-0,045	0,090
Компот, кисель	-0,377	-0,172	0,041	0,202	0,020	-0,099	-0,152	-0,036	0,060	0,023
Кофе	0,065	0,048	0,838	-0,009	-0,016	0,074	0,048	0,020	-0,007	0,032
Соки	-0,179	0,084	0,024	-0,076	0,008	0,093	-0,107	0,473	-0,002	-0,051
Чай	0,621	0,150	-0,612	0,049	0,042	-0,081	-0,013	0,054	0,040	0,051
Витамины, добавки	0,105	-0,072	0,020	-0,050	0,083	-0,112	-0,109	0,133	0,029	-0,020
Жиры	0,114	0,179	0,026	0,719	0,004	-0,002	0,073	0,048	0,034	0,025
Сахар и заменители	0,648	0,326	0,203	0,125	-0,006	-0,097	-0,036	-0,166	-0,009	0,053
Соусы, специи	0,050	0,056	0,030	-0,054	-0,141	-0,124	0,001	0,090	-0,056	0,171
Чипсы, попкорн, жвачка	-0,077	-0,034	-0,020	-0,021	-0,030	0,075	0,179	0,003	-0,031	0,120
Детское питание	-0,011	-0,035	0,024	0,052	-0,026	-0,066	0,003	0,004	0,025	-0,029
Блюда из яиц	0,112	0,555	-0,138	0,046	-0,015	0,029	-0,112	-0,089	0,108	-0,181
Каши	-0,050	-0,035	-0,084	0,016	0,025	0,092	-0,091	-0,067	0,039	-0,019
Мюсли и т. д.	0,241	0,042	-0,002	0,043	0,076	0,131	-0,123	0,100	0,265	0,356
Блюда из творога, творог	-0,085	-0,026	-0,047	-0,009	-0,070	-0,015	-0,043	0,004	-0,049	0,147
Молочные, кисломолочные пр.	0,093	0,037	0,112	-0,131	-0,070	0,077	0,134	-0,022	0,013	-0,050
Суп на мясном или курином бульоне	-0,053	-0,031	-0,012	-0,078	-0,042	0,098	0,002	-0,023	0,011	-0,035
Суп овощной или молочный	0,148	0,001	-0,094	-0,102	-0,034	0,084	-0,021	0,035	0,033	-0,067
Суп рыбный	-0,018	-0,030	0,028	0,052	0,056	-0,026	0,020	0,034	0,018	-0,027
Закуска из рыбы	0,064	-0,024	0,042	0,009	0,046	0,010	-0,078	0,021	0,018	-0,069
Салаты	0,029	0,119	-0,026	-0,074	-0,103	-0,009	0,044	0,022	0,000	0,080
Блюда из круп	-0,046	-0,097	0,017	-0,014	-0,048	0,095	0,048	0,712	-0,051	0,109
Блюда из макарон	0,079	0,011	0,026	-0,029	0,043	0,165	0,011	0,058	0,082	-0,052
Блюда из мяса	0,742	0,034	-0,094	-0,010	-0,054	0,161	0,048	0,056	0,009	-0,048
Блюда из овощей	0,043	0,215	-0,315	-0,270	-0,145	0,122	-0,010	-0,021	-0,211	0,146
Блюда из птицы и т. д.	-0,612	0,159	-0,216	-0,085	-0,009	0,263	-0,024	0,257	0,065	-0,096
Блюда из рыбы	-0,031	0,028	-0,049	-0,099	-0,069	0,127	0,008	-0,035	0,012	0,006
Блюда смешанные	-0,039	0,013	-0,041	0,046	-0,013	-0,790	-0,033	-0,083	-0,003	0,025
Пельмени, вареники	0,003	0,026	0,838	-0,035	-0,039	0,022	-0,017	-0,025	-0,039	-0,015

Окончание таблицы 7

Блюда	Факторы									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Колбаса, мясопродукты	-0,067	0,009	0,071	-0,004	0,032	-0,026	-0,052	-0,006	-0,016	0,017
Сосиски, сардельки	-0,033	0,018	-0,043	-0,052	-0,048	-0,074	-0,077	-0,130	-0,111	0,075
Сыр	0,090	-0,068	0,008	0,002	0,110	-0,112	0,050	0,104	-0,010	0,017
Блинчики	0,014	-0,006	0,005	-0,006	-0,069	0,059	0,787	-0,002	-0,020	-0,023
Печенье, вафли, сухари и т. д.	0,008	0,057	0,037	-0,220	0,114	0,043	-0,170	-0,033	-0,025	0,012
Пирожки, бургеры и т. д.	0,008	0,055	0,029	0,633	-0,120	-0,064	-0,085	0,017	-0,115	0,050
Хлеб, булки	0,119	0,146	-0,142	-0,238	-0,164	-0,024	-0,059	0,011	-0,023	-0,056
Варенье, мед	-0,047	0,067	-0,002	-0,118	0,127	-0,074	0,266	0,008	0,214	-0,024
Десерты, торты	-0,039	0,061	-0,058	0,091	-0,291	-0,183	0,195	0,158	0,183	-0,066
Конфеты	0,117	-0,043	0,074	-0,041	0,043	-0,192	-0,137	0,191	0,164	-0,288
Орехи и сухофрукты	0,021	0,061	-0,048	0,162	0,165	-0,021	-0,116	0,458	-0,023	-0,083
Овощи свежие	-0,096	0,614	0,020	0,039	0,084	-0,065	0,082	-0,066	-0,028	0,095
Фрукты	-0,044	0,049	-0,058	0,043	0,256	-0,068	-0,010	0,018	-0,008	-0,074
Алкоголь	-0,171	0,025	0,119	0,044	0,051	0,104	0,027	-0,093	0,047	0,045
Вода	-0,053	0,036	-0,017	-0,022	0,707	0,024	-0,037	0,027	0,012	0,020
Газировка	0,133	0,155	-0,104	0,377	0,126	-0,033	0,034	0,150	0,010	0,004
Какао	-0,038	0,019	-0,029	0,072	-0,032	-0,018	0,010	0,038	0,046	0,730
Компот, кисель	0,122	0,178	-0,035	-0,373	-0,241	-0,135	-0,178	0,201	-0,210	0,003
Кофе	-0,020	0,022	0,013	0,033	0,014	-0,073	0,061	0,003	0,102	-0,093
Соки	0,037	-0,030	-0,060	0,245	0,036	0,273	-0,093	-0,271	-0,097	0,003
Чай	0,002	-0,012	0,010	0,093	-0,145	-0,077	0,072	0,070	0,045	-0,065
Витамины, добавки	0,136	0,097	-0,065	-0,108	0,359	-0,112	0,369	0,002	-0,132	0,021
Жиры	0,047	0,056	0,049	-0,045	-0,020	0,021	0,032	-0,006	0,018	0,047
Сахар и заменители	-0,034	0,001	-0,013	0,165	-0,217	0,020	0,091	-0,002	-0,054	0,041
Соусы, специи	0,007	0,525	0,428	0,056	-0,015	0,085	0,006	0,096	-0,004	0,020
Чипсы, попкорн, жвачка	-0,034	0,031	-0,041	0,245	-0,123	0,116	0,037	-0,014	0,034	-0,324
Детское питание	-0,019	0,013	-0,032	-0,075	-0,044	-0,008	-0,034	-0,061	0,819	0,059

Далее была сделана типологизация респондентов на основе кластерного анализа методом К-средних. Были рассмотрены различные кластерные решения, среди которых наиболее удачной с точки зрения формальных показателей и общей логики оказалась модель с пятью кластерами. Некоторые факторы, такие как, например, детское питание, были исключены.

В таблице 8 приведены кластерные центры (средние значения исходных переменных), рассчитанные после взвешивания исходной выборки. В таблице 9 даны средние значения количества разных блюд, напитков и добавок, потребленных в течение дня. Выявленные типы питания не различаются по будням, выходным и праздникам.

Таблица 8

Финальные центры кластеров в кластерной модели (после взвешивания), средние значения факторов

Наименование факторов	1	2	3	4	5	Всего
Разнообразие перекусов	-0,1357	1,0948	0,1217	-0,0938	-0,4447	-0,0064
Разнообразие обеда	0,2538	0,4282	0,1999	-0,0667	-0,2497	0,0014
Разнообразие ужина	0,1789	0,6034	-0,1113	-0,1571	-0,1281	0,0030
Разнообразие завтрака	-0,0684	0,3929	0,0228	-0,3005	-0,0548	0,0184
Много блюд на завтрак, обед и ужин	0,0770	-0,5031	1,0583	0,2084	-0,4175	-0,0032
Чай и сахар	-0,1558	0,9412	0,0144	-0,6494	-0,2264	-0,0048
Колбаса, сыр, хлеб	0,2754	0,2513	0,2798	0,0910	-0,2192	0,0201
Кофе	0,0878	0,3361	-0,1906	0,0616	-0,0268	0,0042
Каша с маслом	-0,5556	0,4069	0,2215	-0,3466	-0,1447	0,0148
Суп мясной	-0,4289	-0,0025	-0,0508	0,0608	0,0336	0,0014
Молочные и творожные блюда, фрукты и сухофрукты	-0,3437	-0,2735	0,5371	0,2582	-0,2470	-0,0142
Закуска из рыбы, овощи, алкоголь	-0,6159	0,0689	0,1922	-0,3006	-0,0758	-0,0139
Салаты, конфеты, фрукты, соки	0,1817	-0,1984	0,2793	1,4582	-0,3597	-0,0031
Супы и блюда из рыбы	-0,2065	0,0093	0,0029	-0,0079	-0,0013	-0,0025
Макаронны и сосиски	-0,8022	0,1067	0,1353	-0,2395	-0,0452	-0,0046
Блюда из мяса	-0,2907	-0,0139	0,1639	0,2261	-0,1045	0,0037
Блюда из яиц, овощи, соусы	-0,6532	0,3493	0,4403	-0,1310	-0,3098	-0,0020
Пельмени, соусы	0,1523	0,2341	-0,2712	-0,1476	0,0761	-0,0016
Пирожки, газировка	-0,0305	0,6647	-0,5188	0,7900	-0,1153	-0,0001
(-) ? Смешанные блюда	0,7679	-0,0778	-0,2650	0,8068	0,0229	0,0169
Блюда из круп	5,7404	0,0534	0,1199	-0,6729	-0,1492	0,0027
Количество кейсов в кластере	227	2333	3389	1223	6538	227
Доля от взвешенной выборки, %	1,7	17,0	24,7	8,9	47,7	1,7

Таблица 9

Количество и виды потребляемых блюд по кластерам (после взвешивания), средние значения

	Натуральное питание	Готовые блюда	Разнообразное питание	Современное питание	Нейтральный тип	Всего
Количество блюд на завтрак	2,16	1,93	3,12	2,19	1,74	2,16
Количество напитков на завтрак	0,91	0,97	0,96	0,90	0,89	0,92
Количество добавок на завтрак	1,00	1,40	1,07	0,76	0,94	1,04
Количество блюд на обед	3,73	3,27	4,34	3,40	2,88	3,37

Продолжение таблицы 9

	Натуральное питание	Готовые блюда	Разнообразное питание	Современное питание	Нейтральный тип	Всего
Количество напитков на обед	0,84	0,83	0,79	0,83	0,65	0,73
Количество добавок на обед	0,64	1,05	0,50	0,31	0,44	0,55
Количество блюд на перекус	1,04	2,05	1,82	1,36	0,63	1,24
Количество напитков на перекус	0,40	1,23	0,57	0,55	0,22	0,51
Количество добавок на перекус	0,24	1,08	0,23	0,14	0,08	0,30
Количество блюд на ужин	3,10	2,86	3,80	2,84	2,42	2,89
Количество напитков на ужины	0,80	0,85	0,76	0,82	0,70	0,75
Количество добавок на ужины	0,76	1,08	0,53	0,42	0,53	0,62
Блюда из яиц	0,12	0,20	0,28	0,14	0,13	0,18
Каша	0,25	0,41	0,45	0,40	0,37	0,40
Мюсли и т. д.	0,01	0,00	0,00	0,05	0,00	0,01
Блюда из творога, творог	0,13	0,06	0,21	0,14	0,05	0,10
Молочные, кисломолочные пр.	0,81	0,59	1,14	0,83	0,63	0,77
Суп на мясном или курином бульоне	0,11	0,21	0,22	0,22	0,23	0,22
Суп овощной или молочный	0,45	0,45	0,57	0,40	0,44	0,47
Закуска из рыбы	0,05	0,11	0,13	0,08	0,08	0,09
Салаты	0,29	0,27	0,45	0,59	0,19	0,30
Блюда из круп	1,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,02
Блюда из макарон	0,08	0,22	0,20	0,16	0,18	0,19
Блюда из мяса	0,60	0,46	0,58	0,58	0,35	0,45
Блюда из овощей	0,84	0,89	1,36	0,91	0,80	0,96
Блюда из птицы и т. д.	0,60	0,35	0,39	0,32	0,30	0,34
Блюда из рыбы	0,08	0,11	0,17	0,18	0,12	0,14
Блюда смешанные	0,01	0,11	0,14	0,05	0,08	0,10
Пельмени, вареники	0,03	0,13	0,05	0,06	0,10	0,09
Колбаса, мясопродукты	0,23	0,42	0,50	0,38	0,26	0,36
Сосиски, сардельки	0,06	0,13	0,19	0,08	0,10	0,13
Сыр	0,31	0,37	0,51	0,32	0,18	0,31

Окончание таблицы 9

	Натуральное питание	Готовые блюда	Разнообразное питание	Современное питание	Нейтральный тип	Всего
Блинчики	0,08	0,06	0,08	0,06	0,09	0,08
Печенье, вафли, сухари и т. д.	0,38	0,72	0,61	0,28	0,35	0,47
Пирожки, бургеры и т. д.	0,16	0,37	0,06	0,36	0,11	0,17
Хлеб, булки	2,06	2,32	2,67	1,69	1,85	2,12
Варенье, мед	0,13	0,05	0,31	0,07	0,10	0,14
Десерты, торты	0,13	0,18	0,23	0,17	0,09	0,15
Конфеты	0,29	0,23	0,44	0,35	0,15	0,25
Орехи и сухофрукты	0,37	0,07	0,11	0,03	0,02	0,06
Овощи свежие	0,17	0,26	0,36	0,22	0,07	0,19
Фрукты	0,36	0,48	0,87	0,88	0,33	0,54
Алкоголь	0,06	0,05	0,06	0,21	0,09	0,09
Вода	0,04	0,08	0,07	0,07	0,07	0,07
Газировка	0,00	0,08	0,00	0,01	0,01	0,02
Какао	0,02	0,01	0,02	0,01	0,01	0,01
Компот, кисель	0,29	0,08	0,31	0,06	0,19	0,19
Кофе	0,47	0,91	0,51	0,53	0,44	0,54
Соки	0,08	0,03	0,02	0,88	0,01	0,10
Чай	2,10	2,73	2,14	1,43	1,74	1,99
Жиры	0,60	0,93	0,70	0,40	0,42	0,58
Сахар и заменители	1,82	3,27	1,47	1,04	1,47	1,74
Соусы, специи	0,27	0,48	0,21	0,20	0,13	0,22

В таблице 10 представлены социально-экономические характеристики полученных кластеров (типов).

Таблица 10

Социально-экономические характеристики кластеров (после взвешивания), вертикальный %

	Натуральное питание	Готовые блюда	Разнообразное питание	Современное питание	Нейтральный тип	Всего
<i>Женщины</i>	55,5	47,3	55,8	62,5	56,2	55,1
<i>Возраст, лет</i>						
18–34	41,4	39,2	25,4	44,5	31,4	32,6
35–59	44,9	46,4	46,4	40,9	44,3	44,9
>=60	13,7	14,4	28,2	14,5	24,2	22,5
<i>Состоят в браке</i>	63,9	64,8	67,3	60,6	60,7	63,1
<i>Есть свои дети 0–5 лет в домохозяйстве</i>	16,7	15,5	13,3	15,5	13,0	13,8

Продолжение таблицы 10

	Натуральное питание	Готовые блюда	Разнообразное питание	Современное питание	Нейтральный тип	Всего
<i>Образование</i>						
8–9 классов школы или НПО без ср. образ.	21,4	17,7	13,4	12,3	22,4	18,5
10–11 классов школы	25,0	19,4	16,1	22,2	20,4	19,4
НПО или СПО со ср. образ.	31,7	41,2	40,5	31,3	37,4	38,2
ВО (все уровни)	21,9	21,7	30,0	34,2	19,8	24,0
<i>Квинтильные группы</i>						
1 – самые бедные	29,8	16,2	11,5	13,9	21,4	17,6
2	19,7	19,6	17,1	12,7	21,5	19,3
3	20,6	19,6	23,6	16,9	20,8	20,9
4	12,8	22,6	23,2	26,1	18,5	20,9
5 – самые богатые	17,0	21,9	24,6	30,3	17,8	21,2
<i>ИМТ</i>						
Недост. вес, ИМТ до 18,5	1,8	3,8	2,6	4,5	3,1	3,2
Норма, ИМТ от 18,5 до 25	43,6	45,9	38,1	45,2	41,7	41,8
Избыт. вес, ИМТ от 25 до 30	36,4	31,9	33,9	30,3	31,4	32,1
Ожирение, ИМТ 30 и более	18,2	18,4	25,5	19,9	23,8	22,9
<i>Здоровье</i>						
Плохое и очень плохое	12,4	10,2	14,5	9,7	16,3	14,1
Среднее	41,6	50,0	55,3	45,5	50,4	50,9
Хорошее и очень хорошее	46,0	39,8	30,2	44,8	33,4	34,9
<i>Национальность</i>						
Русские, смешанные русские	61,9	86,9	88,4	82,4	83,4	84,8
Украинцы, белорусы, молдаване	0,9	1,4	2,0	1,4	1,6	1,6
Жители Северного Кавказа	26,1	,8	1,2	7,8	6,0	4,4
Малые народности Поволжья и Севера	2,7	3,9	2,7	1,0	3,7	3,2
Татары, башкиры	3,1	3,7	2,5	3,0	2,3	2,7
Прочие европейские	2,7	1,4	1,7	1,3	1,3	1,4
Прочие не европейские	2,7	1,9	1,6	3,0	1,7	1,8
<i>Есть любая работа</i>	60,4	70,0	63,3	67,5	58,9	62,7

Окончание таблицы 10

	Натуральное питание	Готовые блюда	Разнообразное питание	Современное питание	Нейтральный тип	Всего
<i>Употребляют алкоголь</i>	68,3	77,4	72,3	73,2	68,5	71,4
<i>Курят</i>	26,9	42,3	26,6	25,8	33,1	32,3
<i>Социальный класс</i>						
А – высший		0,7	1,2	0,8	0,4	0,7
В – высший средний	5,7	4,3	5,2	8,5	3,5	4,5
С1 – средний-средний	15,8	27,6	28,1	36,6	20,8	25,1
С2 – низший средний	51,8	42,3	37,2	35,3	41,7	40,3
Д – низший	14,0	13,5	14,4	9,7	14,1	13,7
Е – низший-низший	12,7	11,5	13,9	9,0	19,4	15,7
<i>Место жительства</i>						
Москва, Санкт-Петербург	3,5	10,4	11,4	16,4	8,6	10,2
Областной центр	28,9	34,7	34,8	34,6	27,7	31,3
Город	25,4	26,4	27,4	24,5	26,6	26,6
ПГТ, село	42,1	28,5	26,4	24,5	37,1	32,0
<i>Тип дня питания</i>						
С пн по пт, кроме праздников	63,9	64,4	64,2	63,2	66,1	65,0
Сб или вс, если не праздник	32,6	31,9	31,3	31,7	30,3	31,0
Праздники	3,5	3,7	4,4	5,1	3,6	4,0

Начнем наше описание с пятого кластера, в силу того что этот тип питания самый распространенный (47,7% выборки) и типичный для среднего россиянина. Он отличается меньшим разнообразием, чем средние значения по всей выборке. Так, на представителя этого «нейтрального» типа приходится на завтрак менее двух блюд и примерно один напиток; на обед – чуть меньше трех блюд; на ужин – два с половиной блюда. Самые употребляемые продукты в этом типе, как и по всей выборке, – чай и сахар (в среднем их употребляют около двух раз в день), а также хлеб. Чаще всего в этом типе потребляются блюда из овощей, молочные и кисломолочные продукты, кофе, каши, блюда из мяса, печенье и т. п., фрукты и колбасы.

По своим социально-экономическим характеристикам этот тип также наиболее близок к «среднему россиянину». В этой группе выше доля людей старше 60 лет (24,2 против 22,5% в среднем по выборке), с самым низким уровнем образования, т. е. без полного среднего (22,4 против 18,5%), из двух нижних (бедных) квинтилей (43 против 37%), с плохим здоровьем (16,3 против 14%), из низшего-низшего класса Е (19,4 против 15,7%), из сельской местности (37,1 против 32%). Соответственно, ниже доля людей с высшим образованием, имеющих работу (59 против 63%), употребляющих алкоголь (68,5 против 71,4%), принадлежащих к высшему-среднему классу В, проживающих в областных центрах, Москве и Санкт-Петербурге.

Второй по распространенности тип (24,7%) – третий кластер, который можно назвать «разнообразным питанием». Его представители едят и пьют на завтрак, обед и ужин больше блюд, чем остальные. Для этого типа наименее употребляемые блюда и продукты таковы: мюсли, газировка, какао, соки, пельмени и вареники, пирожки, бургеры и т. п., алкоголь и блинчики. Всех остальных напитков и продуктов в этой группе потребляется больше, чем в среднем по выборке. Эта группа несколько старше «среднего россиянина» (28% в возрасте 60 лет и старше), однако в ней выше, чем в среднем, людей со средним профессиональным (40,5%) и особенно с высшим (30%) образованием, из трех верхних квинтилей по доходам (71%), с самооценкой здоровья как «среднего» (55,3%). Однако в этой группе также выше доля людей с избыточным весом и ожирением (79,5%). В группе больше представлены русские (88,4%), люди из высших и средних классов (классы А, В, С₁ вместе – 34,5%), жители областных центров, Москвы и Санкт-Петербурга (45,2%).

Среди всех опрошенных 17% респондентов можно отнести к типу питания, который мы условно назвали «предпочитающие готовые блюда и перекусы» (второй кластер). Для этих людей в равной степени характерны ориентация на перекусы в течение дня и максимальное разнообразие продуктов на перекусах. Для них также типично потреблять много добавок (жиров и сахара). В этой группе потребляют в среднем больше, чем по выборке, сахара, хлеба, чая, блюд из овощей, масла, кофе, печенья и т. п., колбасы, сыра. Кроме того, представители этой группы потребляют больше пирожков, бургеров и т. д., блюд из макарон, свежих овощей, блюд из яиц, пельменей и вареников, закусок из рыбы, сладких газированных напитков. Однако доля этих продуктов в питании относительно невысока. В целом этот набор не отвечает представлениям о здоровом питании, однако в этой группе наблюдается наибольшая доля людей с нормальным весом (49,7%) и самооценкой здоровья как «хорошего» (39,8%). Вероятно, что это связано с гендерным и возрастным составом группы: в группе 52,8% мужчин против 44,9% в среднем по выборке; 39,2% лиц моложе 35 лет против 32,7% в среднем по выборке. В этой группе выше, чем в среднем, доля людей со средним профессиональным образованием (41,2%), из четвертого доходного квинтиля (22,6%), имеющих работу (70%), употребляющих алкоголь (77,4%), курящих (42,4%), принадлежащих к классам С₁ и С₂ (69,9%), проживающих в областных центрах, но не в Москве и Санкт-Петербурге (34,7%). Примечательно, что в этой группе практически нет людей северокавказских национальностей.

Типа питания, который мы назвали современным, придерживаются 8,9% респондентов (четвертый кластер). Его особенностью является не разнообразие (оно примерно такое же, как и у «среднего россиянина»), но продукты, которые его представители потребляют выше среднего уровня. Это, прежде всего, фрукты, молочные и кисломолочные продукты, салаты, блюда из мяса, конфеты, пирожки и бургеры, алкоголь и редко потребляемые в России мюсли. Т. е. этот тип сочетает элементы как здорового, так и вредного (конфеты, бургеры и т. п.) питания. Отличительной особенностью демографического состава этого кластера является более высокая доля женщин (62,5%) и молодежи до 34 лет (44,5%). Среди людей, придерживающихся этого типа питания, выше доля лиц с высшим образованием (34,2%); из четвертого (26,1%) и пятого (30,3%) квинтилей по доходам; с нормальным весом (49,7%) и хорошим здоровьем (44,8%); из классов А и В (9,4%),

и С₁ (36,6%), что больше, чем в любом другом типе; проживающих в Москве и Санкт-Петербурге (16,4%). В то же время в этом кластере чуть меньше доля русских (82,4%), но выше представителей народов Кавказа (7,8%).

Наконец, самый редкий тип питания — это питание, ориентированное на натуральные продукты; прежде всего это блюда из круп, молочные и кисломолочные продукты, а также блюда из мяса и птицы, а также орехи и сухофрукты. Этот тип питания характерен всего для 1,8% населения, однако при разных вариантах моделей кластерного анализа он неизменно появлялся. Вероятно, наиболее яркой чертой этой группы является национальный состав: 26,1% составляют жители Северного Кавказа (при среднем проценте по выборке — 4,4%). Среди приверженцев этого типа питания выше доля молодежи (41,4%), имеющих детей до 5 лет (16,7%), с низким уровнем образования (21,4% не имеют школьного аттестата, 25% имеют общее среднее образование). Гендерный состав соответствует среднему по выборке (женщины составляют 55%). Среди представителей данной группы 42,1% проживают в сельской местности (против 32% в среднем по выборке); 29,8% относятся к нижнему квинтилю по доходам; 51,8% — к нижнему-среднему (С₂) классу. Несколько удивительно, что при таком типе питания 36,4% имеют избыточный вес (в среднем по России — 32%) и ожирение (18,2% против в среднем по России 23%). В то же время 46% считают свое здоровье хорошим.

Таким образом, нам удалось выделить пять типов питания, типичных для россиян. Наиболее распространенные типы — нейтральный и разнообразный — могут быть отнесены к более традиционным типам, отчасти похожим на питание советских людей. Вероятно, к традиционному типу нужно отнести и выделенный нами тип натурального питания, прежде всего свойственный народам Северного Кавказа. В то же время два других типа — предпочтение готовых блюд и перекусов и современный — представляют собой скорее тип питания современного общества. Они характерны для жителей больших городов и сложились под влиянием глобализации потребления. Несмотря на то что некоторые исследователи утверждают, что традиционное питание уходит в прошлое, всего около 26% россиян предпочитают современное питание, которое характеризуется частыми перекусами, использованием готовых блюд, сочетанием здорового и вредного потребления. Таким образом, можно сказать, что в основном население России ориентировано на традиционное питание дома, однако современный тип питания также имеет сравнительно широкое распространение.

Список литературы

Ганскау Е. Ю. Образцы потребления продуктов питания в Санкт-петербургских семьях // Социология потребления: сб. ст. / Под ред. Л. Т. Волчковой, Ю. Гронова, В. Н. Мининой. СПб.: Социол. об-во им. М. М. Ковалевского, 2001. С. 109–129.

Ганскау Е. Ю., Минина В. Н., Семенова Г. И., Гронов Ю. Е. Повседневные практики питания жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 1. С. 41–58.

Громашева О. А. Мужское и женское в практиках питания: интерпретации петербургских родителей и детей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 5. С. 241–251.

Носкова А. В. Питание как объект социологии и маркер социального неравенства // Вестник Института социологии. 2015. № 14. С. 49–64.

Росстат. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2015 г.: [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_101/Main.htm (дата обращения: 10.03.2016).

Рощина Я. М. Стиль жизни в отношении здоровья: имеет ли значение социальное неравенство? // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 3. С. 13–36.

Fischler C. *L'omnivore*. Paris: Odile Jacob, 1990. 414 pp.

Warde A. *Consumption, food and taste*. London: Sage, 1997. 231 pp.

doi:10.17323/978-5-7598-2038-3_134-156

FOOD CONSUMPTION IN 2011 RUSSIA

Roshchina Ya. M., Bychkova T. Yu.

Abstract. In this article, we draw on the RLMS-HSE data for 2011 to examine food consumption in Russia. We focus on individual food preferences, the number, timing and composition of daily meals. Russians, in general, prefer to have three meals and a couple of snacks during the day. The food consumption of men is more varied than that of women. The same is true if we compare the elderly with other age groups, urban areas with the countryside, and the better-off with the disadvantaged. Russians prefer to have all their meals at home; eating at work and eating out is far less popular. To identify different types of food consumption, we use principal component analysis and clustering. We find that two of the most popular types are 'standard' and 'varied' food consumption. Compared to 'standard', 'varied' type includes semi-processed food, fizzy drinks, alcohol, juices, etc. These types are the most common among the elderly with poor health. At the same time, people with higher levels of education, or higher incomes, along with those who live in towns, including Moscow and St. Petersburg, are more likely to opt for the 'varied' type. Young men with low BMI and good health are likely to display the 'unhealthy' type of food consumption as they tend to eat out and have snacks more often than the average Russian does, while young women with good health combine healthy eating with some unhealthy food habits (snacking, etc.). Apart from being female, those who tend to combine the elements of healthy and unhealthy food behavior are more likely to live in Moscow or St. Petersburg and have higher education. If young people live in the countryside or the North Caucasus, have kids and low level of education, they prefer the 'natural' type of food consumption with more dairy products, dried fruits and nuts in their diet.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, food consumption, diet, food products.

References

Ganskau E. Yu. *Obraztsy potrebleniya produktov pitaniya v sankt-peterburgskikh sem'yakh // Sotsiologiya potrebleniya: sb. st. / Pod red. L. T. Volchkovoy, Yu. Gronova, V. N. Mininoy. SPb.: Sotsiol. ob-vo im. M. M. Kovalevskogo, 2001. S. 109–129.*

Ganskau E. Yu., Minina V. N., Semenova G. I., Gronov Yu. E. *Povednevnyye praktiki pitaniya zhitel'ey Sankt-Peterburga i Leningradskoy oblasti // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2014. № 1. S. 41–58.*

Gromasheva O. A. *Muzhskoye i zhenskoye v praktikakh pitaniya: interpretatsii peterburgskikh roditeley i detey // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2011. № 5. S. 241–251.*

Noskova A. V. *Pitaniye kak ob'yekt sotsiologii i marker sotsial'nogo neravenstva // Vestnik Instituta sotsiologii. 2015. № 14. S. 49–64.*

Росстат. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2015 г.: [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_101/Main.htm (дата обращения: 10.03.2016).

Рощина Я. М. Стиль жизни в отношении здоровья: имеет ли значение социальное неравенство? // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 3. С. 13–36.

Fischler C. *L'omnivore*. Paris: Odile Jacob, 1990. 414 pp.

Warde A. *Consumption, food and taste*. London: Sage, 1997. 231 pp.

Богданов М. Б., Лебедев Д. В.

СТРУКТУРА УСПЕВАЕМОСТИ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ И ГРУППЫ ШКОЛЬНИКОВ С ВЫСОКОЙ УСПЕВАЕМОСТЬЮ

doi:10.17323/978-5-7598-2038-3_157-174

Аннотация. В статье представлен анализ успеваемости российских школьников в возрасте до 14 лет в связи с их социально-демографическими характеристиками. Высокая успеваемость в той или иной степени связана с полом ребенка, уровнем образования родителей, размером класса, в котором ребенок учится, а также наличием дополнительных занятий вне школы и разнообразным досугом. Влияние типа школы, места проживания и среднедушевого дохода семьи на успеваемость незначительно или вовсе отсутствует. Профиль школьников с высокой успеваемостью, выделенный с помощью метода деревьев классификации (алгоритм CHAID), подтвердил связь высокой успеваемости в младшей и средней школе с полом ребенка: девочки более успешны на данном этапе учебы, чем мальчики. Следующим по важности фактором успеваемости для девочек является практика использования Интернета в учебных целях, для мальчиков – наличие дополнительных занятий вне школьной программы. Несмотря на то что выработанная на основании метода деревьев классификации модель имеет сравнительно слабую предсказательную силу, она демонстрирует связь между характеристиками детей и домохозяйств, в которых эти дети живут, с успеваемостью в школе.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS–HSE, дети, школа, успеваемость, CHAID, деревья классификации.

В российском поле исследований образования заметное место занимает изучение различных детерминант успеваемости студентов, начиная от социально-психологических и личностных, заканчивая физиологическими, физическими, трудовыми и результатами ЕГЭ¹. Повышенное внимание к успеваемости студентов отчасти обусловлено легкой доступностью этой социальной группы для исследователей. Тем не менее можно констатировать, что факторам, влияющим на успеваемость школьников, уделяется меньше внимания. Следует отметить работу Я. М. Рощиной, в которой в том числе анализируется связь между семейным капиталом и текущими достижениями студентов². В работе показано, что принадлежность к «отстающим» зависит от пола, проблем со здоровьем и типа школы и отрицательно связана с наличием высшего образования у родителей и их профессиональным статусом.

В данной работе описывается распределение школьников до 14 лет по успеваемости в зависимости от их социально-демографических характеристик, а также от других, имеющих более контекстуальный характер, переменных. С помощью метода дерева классификации предпринимается попытка построить профиль учащихся с высокой успеваемостью по их социально-демографическим и другим характеристикам. В работе использованы данные лонгитюдного обследования домохозяйств «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)» за 2013–2017 гг.

Очевидно, что оценки представляют собой достаточно субъективный показатель уровня знаний школьников. Так, строгость оценивания может различаться не только от школы к школе, но и от города к городу, от региона к региону. В каких-то школах может выпускаться по несколько золотых медалистов в год, а в каких-то — ни одного. При этом первые школы могут иметь слабые показатели по средним баллам ЕГЭ у выпускников и количеству победителей различных олимпиад, а вторые, наоборот, могут иметь высокие баллы ЕГЭ и много «олимпиадников». В этом смысле школьные оценки нельзя никоим образом сравнивать с более объектив-

¹ Колесникова Е. И. Индивидуально-психологические и личностные факторы академической успеваемости студента вуза // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2014. № 1 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-psihologicheskie-i-lichnostnye-factory-akademicheskoy-uspevaemosti-studenta-vuza> (дата обращения: 12.11.2018); Кайкова Л. В., Евстафьева А. В., Тихомирова Л. Ф. Социально-психологические предпосылки успеваемости студентов // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-predposylki-uspevaemosti-studentov> (дата обращения: 12.11.2018); Балина Т. Н., Дерипаско Д. А. Личностные детерминанты успеваемости студентов // Вестник ТИУиЭ. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-determinanty-uspevaemosti-studentov> (дата обращения: 12.11.2018); Лапкин М. М., Яковлева Н. В., Прошляков В. Д. Исследование психологических и физиологических детерминант успешности обучения студентов в медицинском вузе // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-psihologicheskikh-i-fiziologicheskikh-determinant-uspeshnosti-obucheniya-studentov-v-meditsinskom-vuze> (дата обращения: 12.11.2018); Деметрио Т. Г. Э. Занятия спортом и образовательные достижения в школе: российские данные // Вопросы образования. 2018. № 2; Янбарисова Д. М. Работа во время учебы в вузах Татарстана: влияет ли она на успеваемость? // Вопросы образования. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-vo-vremya-ucheby-v-vuzah-tatarstana-vliyaet-li-ona-na-uspevaemost> (дата обращения: 12.11.2018); Хавенсон Т. Е., Соловьева А. А. Связь результатов Единого государственного экзамена и успеваемости в вузе // Вопросы образования. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-rezultatov-edinogo-gosudarstvennogo-ekzamena-i-uspevaemosti-v-vuze> (дата обращения: 12.11.2018).

² Рощина Я. М. Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 257–277.

ными, хотя бы в смысле устойчивости межшкольного сравнения, показателями знаний школьников, например, баллами таких международных тестирований, как PISA и TIMSS.

Кроме того, нужно отметить, что в RLMS-HSE на вопрос об оценках в школе отвечают родители ребенка, если ей или ему меньше 14 лет. Таким образом, примерно до 8 класса за школьников отвечают их родители, а не сами дети, что также, очевидно, может вносить смещения в распределение оценок, так как, вероятно, вопрос об оценках своих детей может быть сенситивным для родителей детей с низкой успеваемостью. Учитывая, что данные собираются в формате личного интервью, то можно предположить, что родители детей с низкой успеваемостью могут быть склонны завышать оценки своих детей дабы выдать социально одобряемый ответ. Об этом свидетельствует практически нулевая доля детей во все годы, успеваемость которых родители оценили как «в основном тройки и часто двойки» (см. рис. 1).

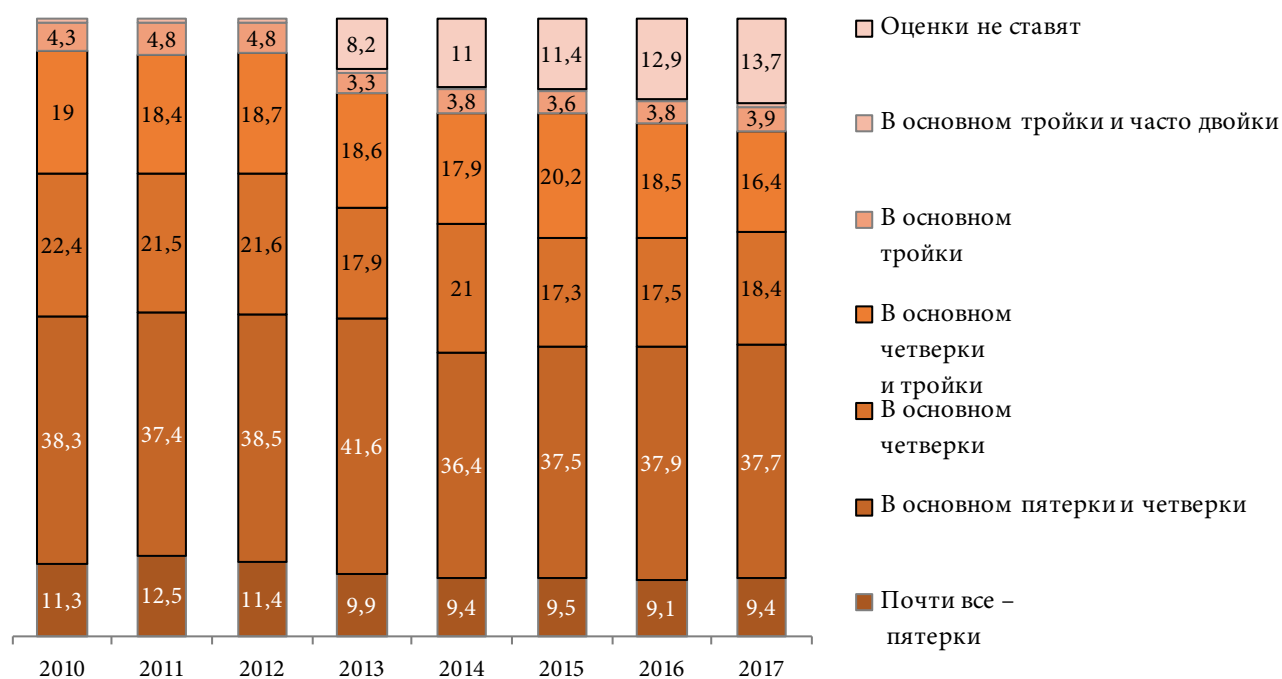

Рис. 1. Динамика распределения оценок школьников до 14 лет, 2010–2017 гг., %

Прежде всего, необходимо проследить динамику изменения распределения оценок по годам. До 2013 г. в вопросе об успеваемости ребенка отсутствовал вариант ответа «оценки не ставят». Доля школьников, которым не ставят оценки, выросла с 8% в 2013 г. до 14% в 2017 г. Причем этот тренд нельзя однозначно объяснить увеличившейся долей учеников младшей школы, поскольку доля учеников 1–4 классов в выборке практически не менялась. Скорее всего, это связано как с распространением практики отказа от выставления оценок детям в первом классе (см. рис. 2), так и с небольшим увеличением доли учащихся первых классов в выборке, с 13% в 2013 г. до 15% в 2017 г.

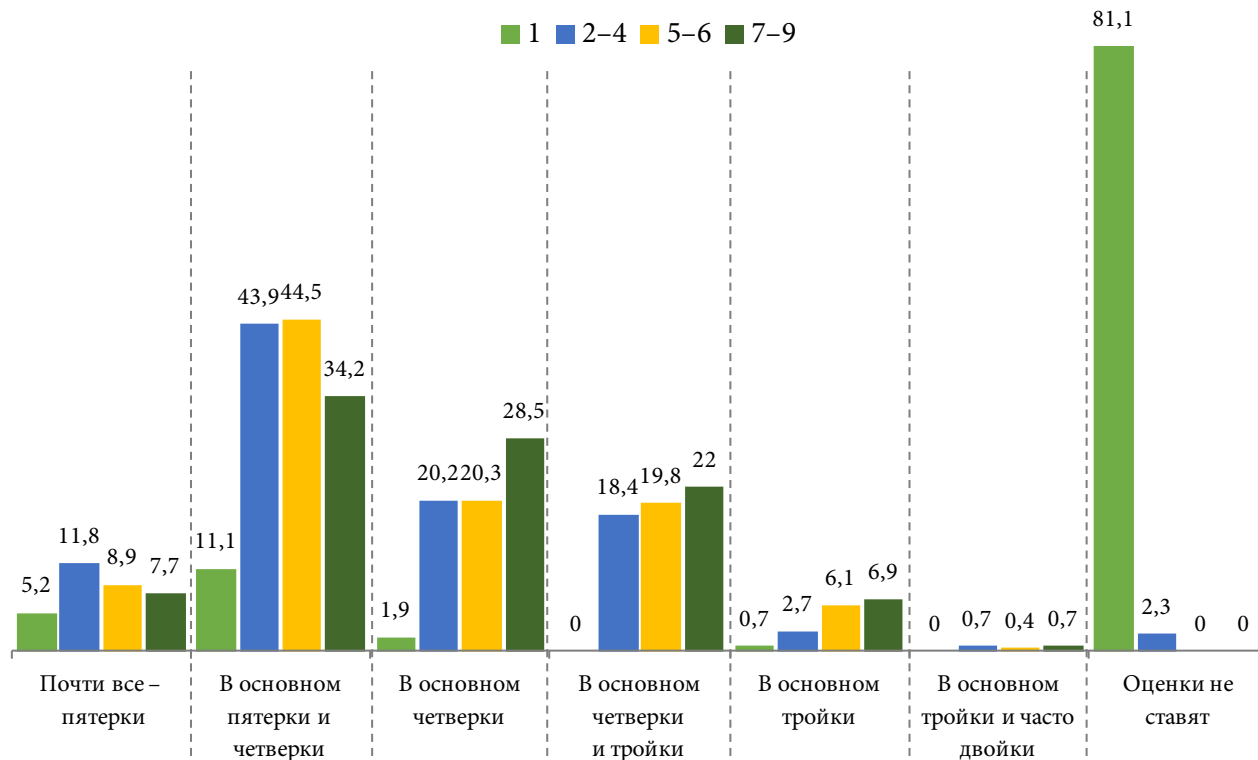

Рис. 2. Распределение оценок школьников до 14 лет по классу обучения, 2017 г., %

Единственное заметное изменение в распределении оценок в выбранный временной период – это уменьшение на 8 п. п. доли тех, кто учится в основном на пятерки и четверки, в 2014 г. по сравнению с 2013 г. В то же время на 3 п. п. выросла доля тех, кто учится в основном на четверки. После этого, с 2014 по 2017 г., никаких значимых изменений в распределении оценок учащихся не наблюдалось.

В распределении оценок по полу прослеживается явная дифференциация (см. рис. 3).

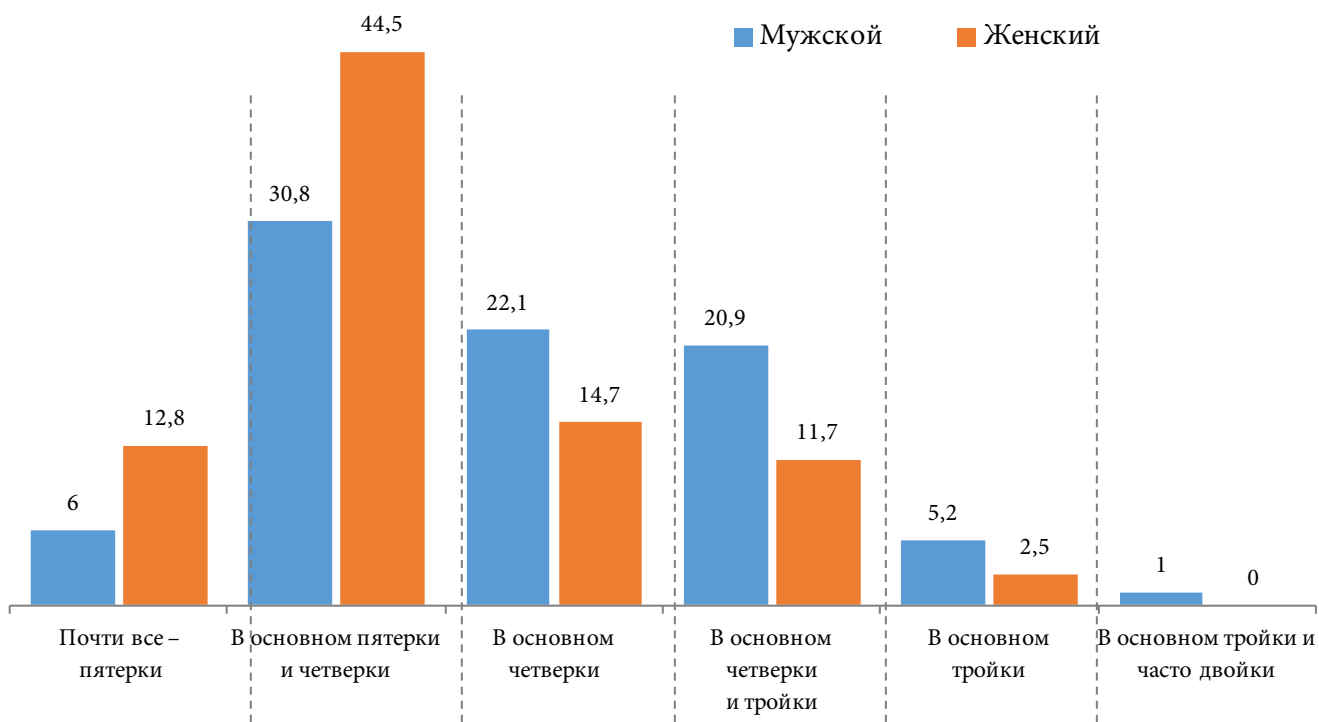

Рис. 3. Распределение оценок школьников до 14 лет по полу, 2017 г., %

Среди девочек в два раза выше доля отличниц (6% у мальчиков против 13% у девочек), а также заметно выше доля тех, кто учится в основном на пятерки и четверки (31% среди мальчиков и 45% среди девочек). В то время как среди мальчиков выше доля тех, кто учится на четверки, на четверки и тройки и только на тройки. Все различия статистически значимы на уровне доверительной вероятности 0,95.

На рис. 4 представлено распределение оценок школьников до 14 лет по типу образовательного учреждения.

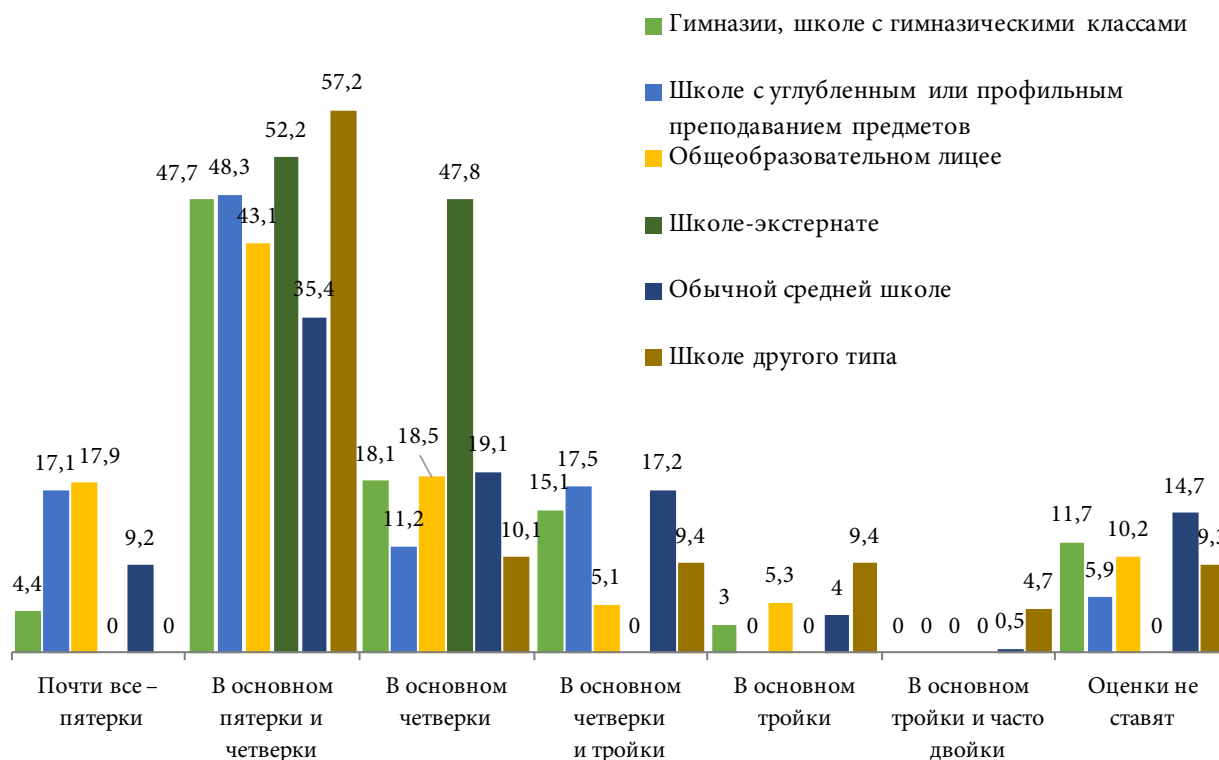

Рис. 4. Распределение оценок школьников до 14 лет по типу образовательного учреждения, 2017 г., %

В основном наблюдается мало значимых отличий между школьниками, обучающимися в разных типах образовательных учреждений, относительно их успеваемости. Однако стоит отметить, что значительно больше школьников, обучающихся в школах другого типа, получают в основном тройки и часто двойки в сравнении с учениками, обучающимися в обычных средних школах (5 против 1% соответственно), при уровне доверительной вероятности 0,95. В то же время дети, обучающиеся в школах другого типа, не получают значимо больше пятерок и четверок (разница с другими типами образовательных учреждений незначима на уровне доверительной вероятности 0,95).

Как видно из рис. 5, отсутствуют значимые различия между школьниками из разных типов населенных пунктов по успеваемости (при заданном уровне доверительной вероятности 0,95). Среди учеников, проживающих в различных типах населенных пунктов, наиболее распространенной категорией успеваемости является «в основном пятерки и четверки». В областных центрах таких детей 33%, в городах – 40%, в поселках городского типа – 42,3%, в селах – 40,1%.

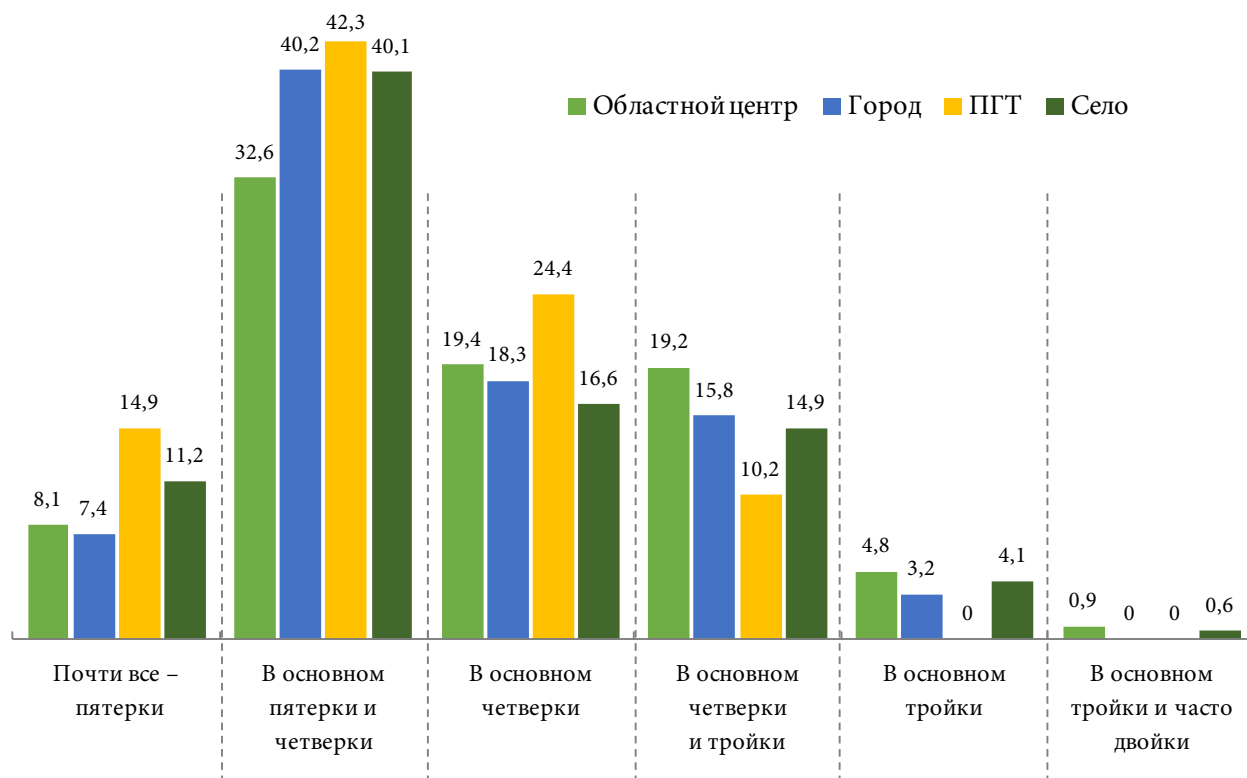

Рис. 5. Распределение оценок школьников до 14 лет по типу населенного пункта проживания, 2017 г., %

Одной из основных предпосылок в исследованиях образовательного процесса является предположение о наличии связи между социально-экономическим положением домохозяйства и образовательными успехами детей. К сожалению, данное предположение не находит подтверждения на имеющихся репрезентативных данных 2017 г. Используя среднедушевой доход в качестве показателя экономической состоятельности семьи и выделив квинтильные группы, мы не нашли никаких значимых различий в успеваемости в случае каждой отдельной группы по успеваемости (см. рис. 6).

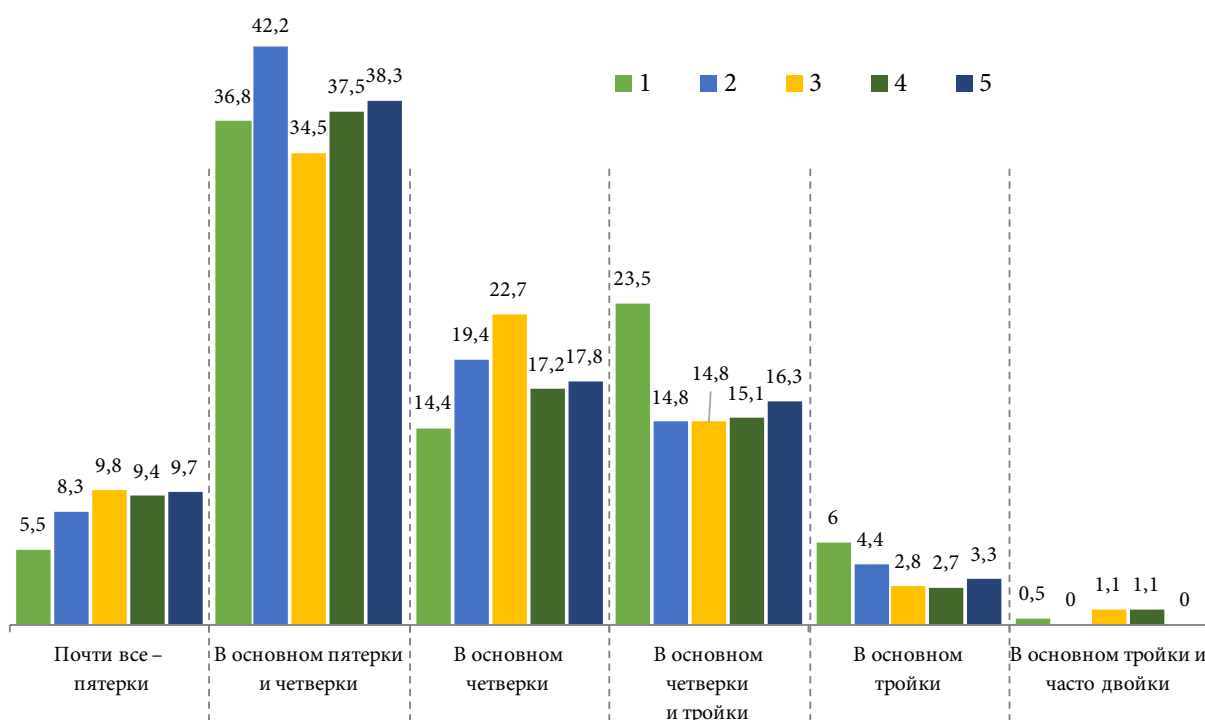

Рис. 6. Распределение оценок школьников до 14 лет по квинтильной доходной группе домохозяйства, 2017 г., %

Можно предположить, что данное разделение приводит к нивелированию связи экономического положения семьи и успеваемости ребенка. В этом контексте использование показателя среднедушевого дохода домохозяйства, не разделенного на группы, в последующей модели позволит рассмотреть различные конфигурации связи между среднедушевым доходом и другими показателями и успеваемостью.

Далее рассмотрим распределение оценок школьников до 14 лет по количеству одноклассников (см. рис. 7).

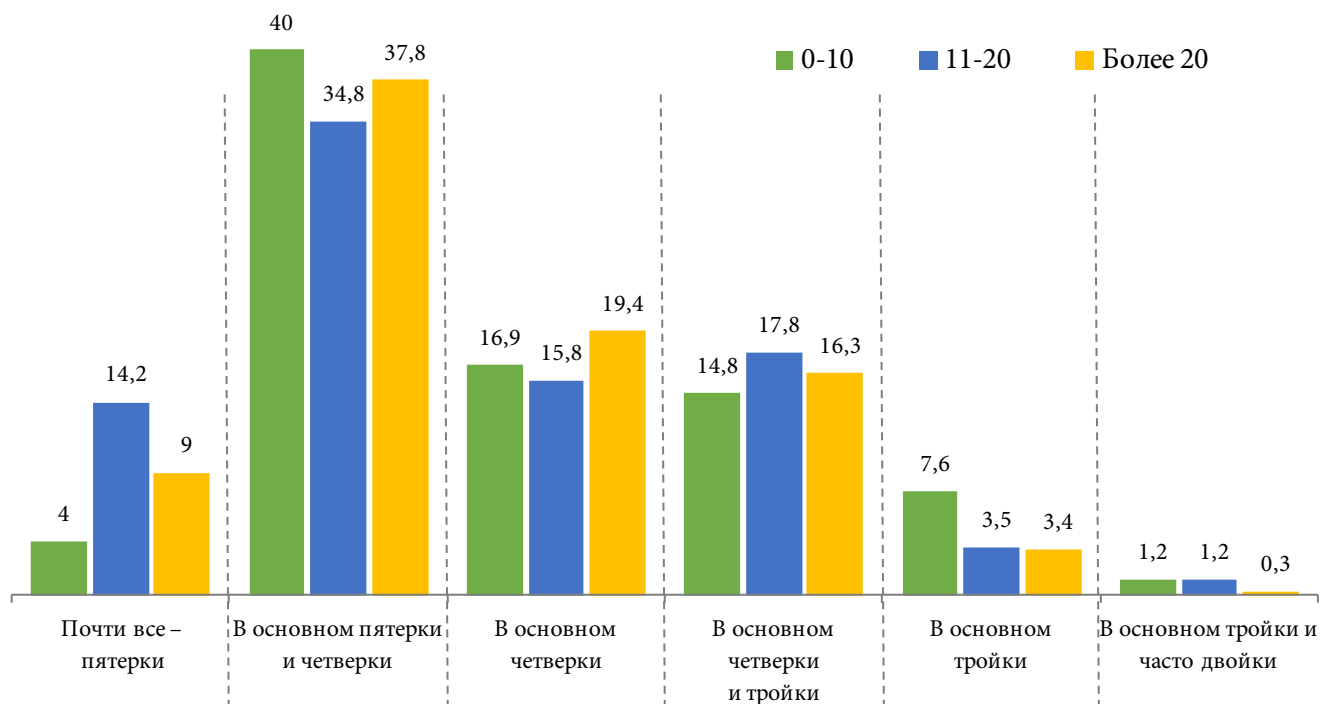

Рис. 7. Распределение оценок школьников до 14 лет по количеству одноклассников (три категории), 2017 г., %

Обучающиеся, в классе которых присутствуют от 11 до 20 одноклассников, значительно чаще имеют успеваемость «почти все – пятерки», нежели школьники, в классе которых от 0 до 10 одноклассников (14 против 4% соответственно), при заданном уровне доверительной вероятности 0,95. Это требует внимания, поскольку контрастирует с идеей о том, что небольшое количество учеников в классе повышает концентрацию и заинтересованность в образовании, что должно в итоге приводить к более высокой успеваемости. Возможно, эта разница заключается в более строгой системе оценивания, к которой учителя прибегают в случае наличия малого количества учеников в классе.

На рис. 8 представлено распределение оценок школьников до 14 лет по факту наличия хотя бы одного дополнительного вида занятий: рисование или музыка; танцы, фотография, театр или какие-то другие виды творчества; кружки юного техника; углубленное изучение компьютерных технологий; иностранный язык; еще какие-то предметы.

Школьники, занимающиеся хотя бы одним типом дополнительных занятий, на заданном уровне доверительной вероятности 0,95 значительно чаще имеют успеваемость «почти все – пятерки» и «в основном пятерки и четверки» (11 и 42% соответственно) нежели те обучающиеся, которые не занимаются ни одним типом подобных дополнительных занятий (7 и 31% соответственно). Кроме того,

школьники, не имеющие дополнительных занятий, значительно чаще нежели те, у кого такие занятия есть, имеют успеваемость в основном четверки и тройки (20 против 14% соответственно) и в основном тройки (7 против 2% соответственно).

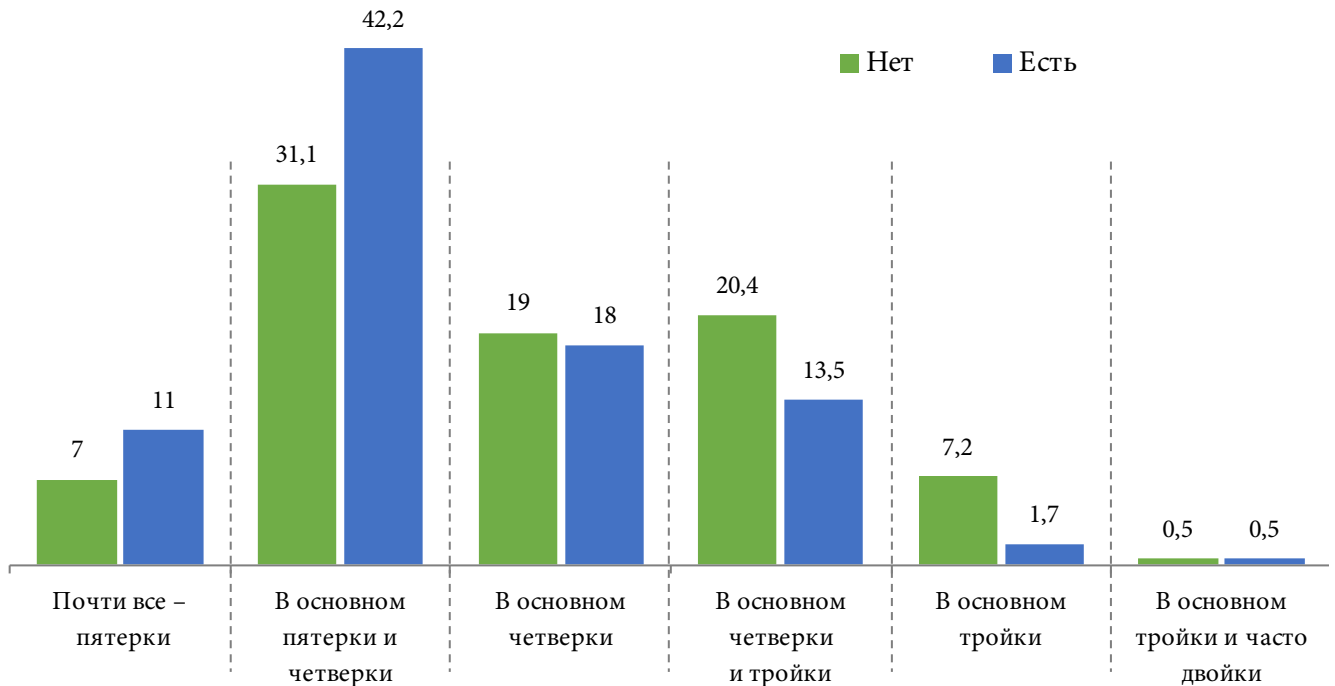

Рис. 8. Распределение оценок школьников до 14 лет по факту наличия дополнительных занятий, 2017 г., %

Мы предполагали, что активность социальной жизни школьника также может быть связана с успеваемостью. Чем выше активность и социальный кругозор ребенка, тем выше ее/его успеваемость. Однако, исходя из данных, представленных на рис. 9, можно отметить, что не наблюдается никаких значимых различий на заданном уровне доверительной вероятности 0,95 между школьниками с разной частотой встреч со сверстниками по уровням успеваемости.

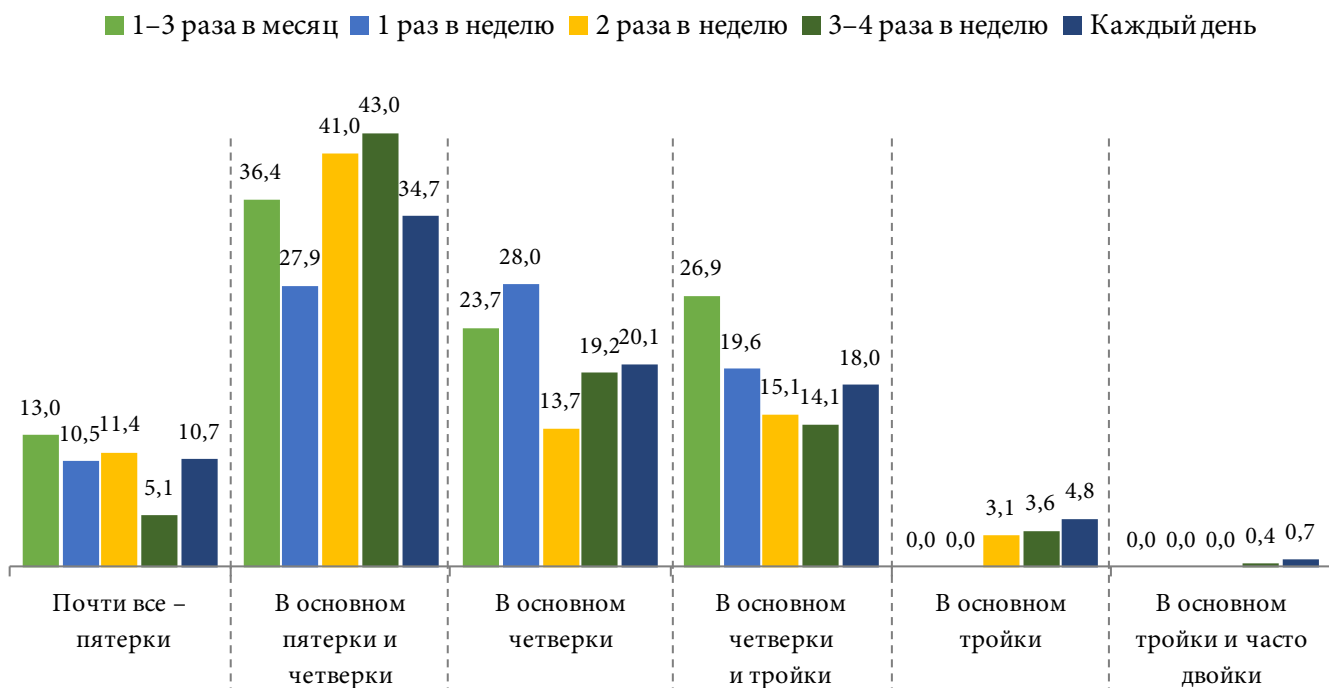

Рис. 9. Распределение оценок школьников до 14 лет по частоте встреч со сверстниками, 2017 г., %

Стоит отметить при этом, что факт наличия досуговой активности (посещение театров, музеев, выставок, зоопарков, цирков и других культурно-зрелищных мероприятий; участие в экскурсиях, походах, поездках и т. п.) положительно связан с успеваемостью ребенка. Как показано на рис. 10, школьники, вовлеченные в досуговую активность хотя бы раз за последние 12 месяцев, с большей вероятностью получают «в основном четверки» (20 против 9% у тех обучающихся, у которых подобная активность отсутствует). Важно оговориться, что подобная связь может опосредовать связь успеваемости с социально-экономическим положением семьи.

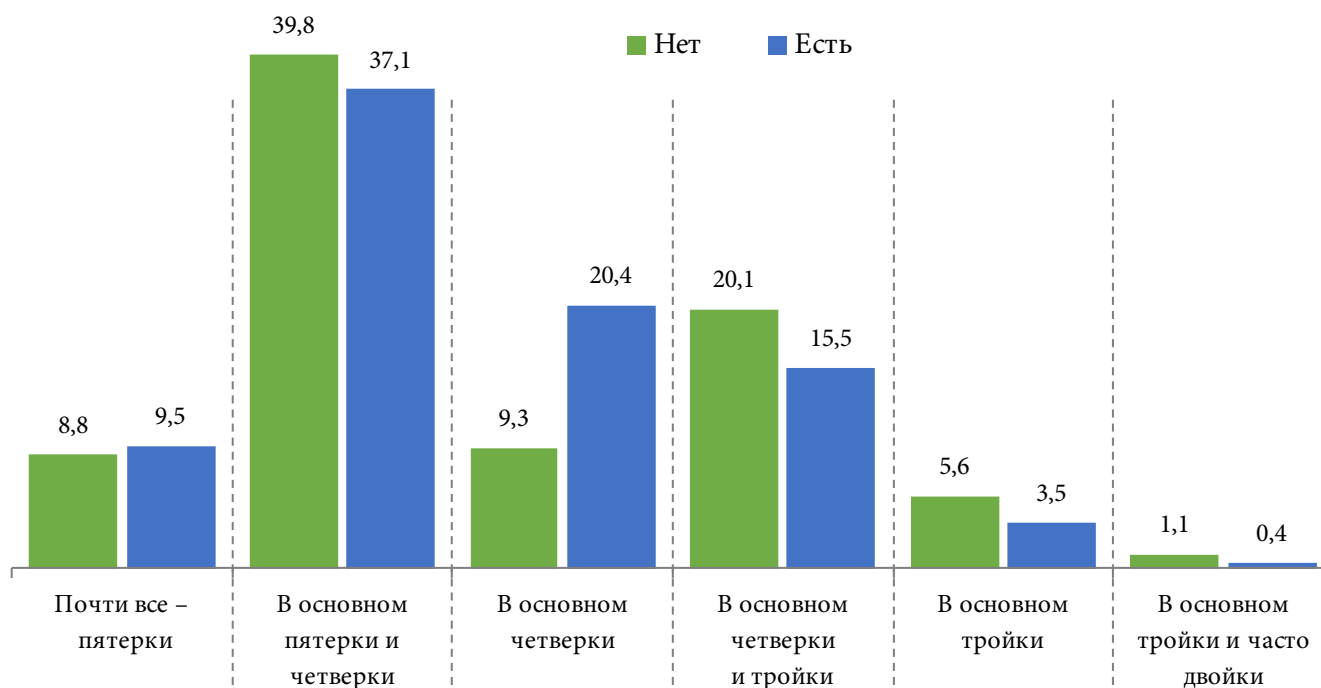

Рис. 10. Распределение оценок школьников до 14 лет по факту досуговой активности, связанной с образованием, 2017 г., %

Прослеживается также связь успеваемости школьников с тем, какой наивысший уровень образования наблюдается у их родителей. Так, школьники, у которых уровень образования родителей – законченное высшее образование и выше, значительно чаще имеют успеваемость «почти все пятерки» в сравнении с теми школьниками, чьи родители имеют законченное среднее образование (13 против 6%). Кроме того, те школьники, у родителей которых наивысший уровень образования на двоих – незаконченное среднее образование (36%) или что-то еще (15%), значительно чаще имеют успеваемость «в основном тройки», нежели те обучающиеся, у которых максимальный уровень образования родителей – законченное среднее специальное образование (2%) и законченное высшее образование и выше (1%) (см. рис. 11).

В этом исследовании мы решили уделить отдельное внимание тому, насколько проникновение Интернета и в особенности факт его использования для обучения могут быть связаны с тем или иным уровнем успеваемости. Школьники значительно чаще имеют успеваемость «в основном четверки» в случае положительного ответа на вопрос о факте использования Интернета хотя бы раз за последние 12 месяцев при заданном уровне доверительной вероятности 0,95 (см. рис. 12).

Важно заметить, что подобный показатель (факт пользования Интернетом хотя бы раз за последние 12 месяцев) может опосредовать связь социально-экономического положения семьи с успеваемостью ребенка.

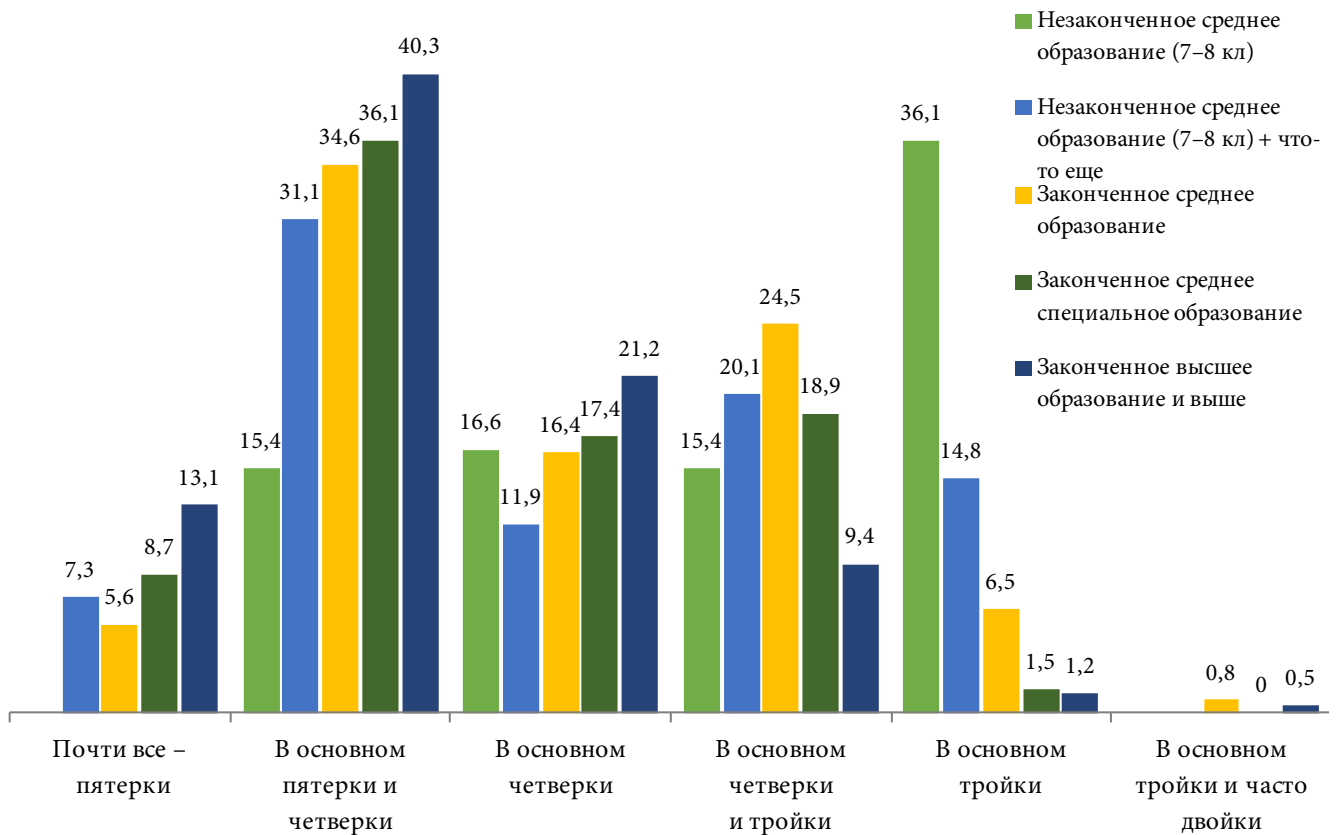

Рис. 11. Распределение оценок школьников до 14 лет по наиболее высокому уровню образования обоих родителей, 2017 г., %

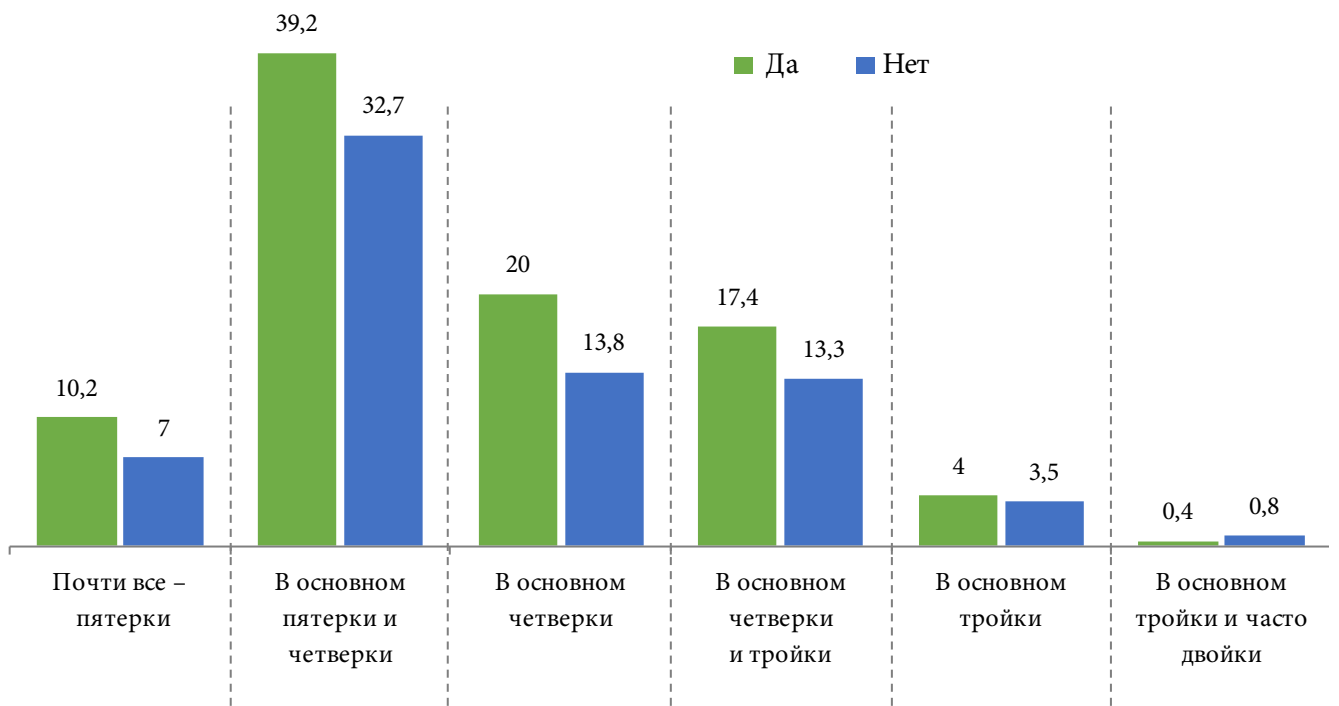

Рис. 12. Распределение оценок школьников до 14 лет по факту использования Интернета за последние 12 месяцев, 2017 г., %

Как свидетельствуют данные, представленные на рис. 13, школьники, которые пользовались Интернетом, в том числе для учебы (из тех, кто хотя бы раз пользовался им за последние 12 месяцев), значительно чаще получают в основном пятерки и четверки (42%) и в основном четверки и тройки (19%), нежели обучающиеся, которые не используют Интернет в этих целях (24,5 и 10% соответственно). Важно отметить, что наблюдаемая связь может быть как положительной для образовательного процесса, так и отрицательной, поскольку возможности сети Интернет могут использоваться школьниками как для обогащения своих знаний, так и с целью обмана учителя.

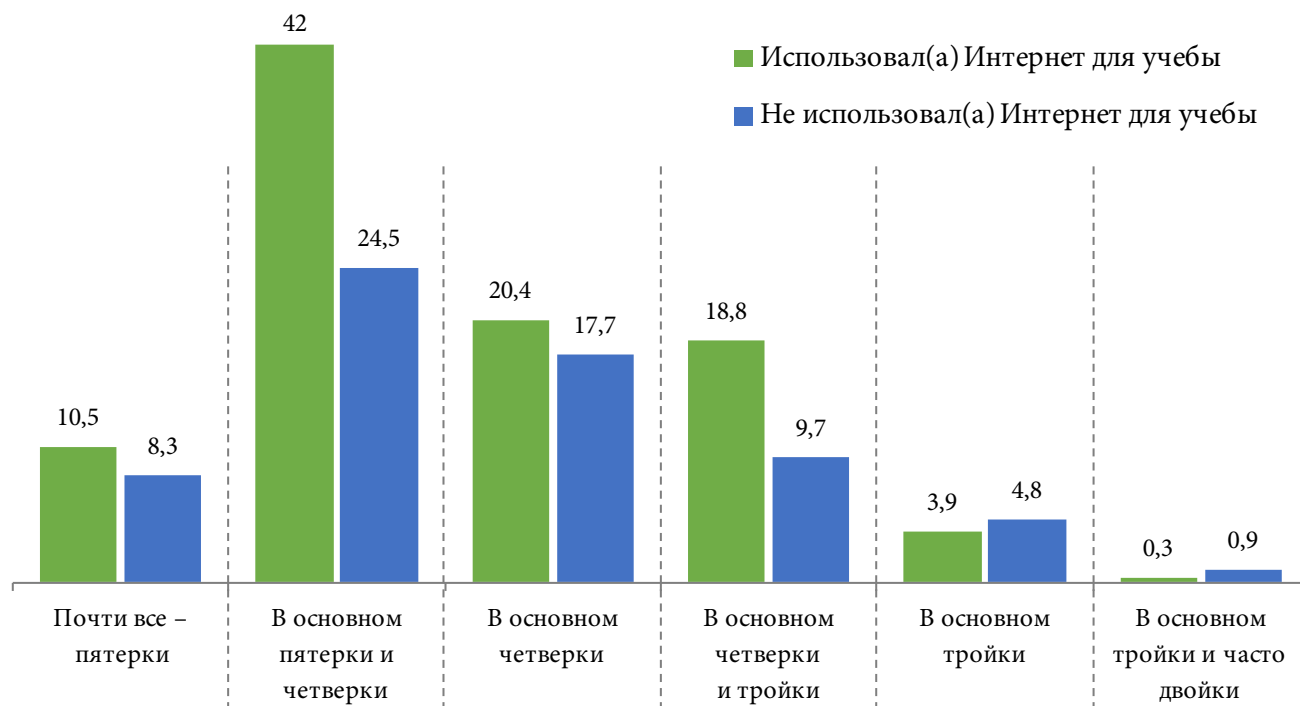

Рис. 13. Распределение оценок школьников до 14 лет по факту использования Интернета для учебы (самооценка школьников), 2017 г., %

В контексте изучения распределения оценок школьников по различным социально-демографическим переменным интересно выделить профиль учеников с высокой успеваемостью. Наша задача определить, учащиеся с какой комбинацией социально-демографических, семейных и досуговых переменных чаще всего оказываются отличниками. Для решения данной задачи использовался метод деревьев классификации, а именно алгоритм CHAID (Chi-square Automatic Interaction Detection), который использует статистику Хи-квадрат для того, чтобы определить переменные, которые в наибольшей степени связаны с зависимой переменной, в нашем случае – с успеваемостью школьников. Кроме того, мы использовали поправку Бонферони на множественные сравнения, чтобы скорректировать возможную детекцию ложных связей с зависимой переменной.

Так как распределение оценок достаточно однородно – чуть больше половины школьников учатся «в основном на пятерки и четверки» и «в основном на четверки» (рис. 1), а «круглых» отличников (тех, у кого почти все пятерки) и тех, кто учится на двойки и тройки, достаточно мало в выборке, оценки были укрупнены в три группы:

- троечники и двоечники («в основном тройки», «в основном тройки и часто двойки»);
- хорошисты («в основном четверки», «в основном четверки и тройки»);
- отличники («почти все — пятерки», «в основном пятерки и четверки»).

Кроме того, поскольку подавляющему большинству первоклассников не ставят оценки (как свидетельствует рис. 2, таких 81%), они были исключены из анализа. Таким образом, в построении дерева классификации участвовали школьники 2–8 классов.

В качестве независимых переменных, по которым строился профиль учеников с высокой успеваемостью, были отобраны следующие переменные.

- Характеристики детей:
 - пол ребенка (VH5¹);
 - класс обучения (2-й, 3-й, и т. д.);
 - размер класса (VK3.5);
 - тип образовательного учреждения (VK3.2);
 - наличие каких-либо дополнительных занятий вне школьной нагрузки (дамми-переменная, созданная из VK761.1A – VK761.6A);
 - занятия вместе с родителями или взрослыми родственниками спортом, уроками, творчеством и т. п. (дамми-переменная, созданная из VK771.1A – VK771.4A);
 - пользование Интернетом (VK123);
 - использование Интернета для различных целей: учеба, развлечение, расширение кругозора, получение справочной информации и т. п. (VJ125.1 – VJ125.10);
 - наличие культурной активности: посещение театров, музеев, выставок, зоопарков, экскурсий, участие в походах и т. п. (дамми-переменная, созданная из VK816.1A и VK816.2A);
 - социальная активность (общение со сверстниками на улице и/или дома / в гостях) (VK8.19.1 и VK8.19.2);
 - частота встреч со сверстниками (VK8.20).
- Характеристики домохозяйства:
 - размер домохозяйства (V1.0/ V1.N);
 - доход семьи.
- Характеристики семьи:
 - наличие работы у обоих родителей (VJ1);
 - полная/неполная семья (наличие обоих родителей);
 - наличие отца;
 - наличие матери;
 - наличие бабушки и/или дедушки;
 - уровень образования обоих родителей (VJ72.18A).

¹ В скобках даны коды переменных RLMS-HSE 2017 г. (26-я волна обследования).

Что касается параметров модели, то они были заданы следующим образом: уровень доверительной вероятности = 0,8, минимальное количество респондентов в конечных и родительских узлах – 30 и 50 соответственно; максимальная глубина дерева – 7 уровней. Сниженная строгость данных параметров прежде всего обусловлена маленьким объемом выборки, на которой это дерево строилось, – 822 наблюдения. Как известно, значимость статистики Хи-квадрат, среди прочего, зависит от объема выборки. Использование более строгих показателей данных параметров приводило к построению небольших и плохо дифференцирующих наблюдений по зависимой переменной деревьев. Кроме того, эти модели имели очень слабую предсказательную силу, т. е. плохо предсказывали принадлежность ученика к той или иной группе по успеваемости.

Некоторые показатели итоговой модели представлены в таблице 1. Прежде всего необходимо заметить, что модель обладает достаточно слабой предсказательной силой. Общая доля правильных предсказаний равняется 60%. Однако усредненный показатель корректных предсказаний при 10-кратной кросс-валидации несколько ниже и равняется 57%. Это может свидетельствовать о том, что модель в небольшой степени «переобучена», т. е. в каком-то смысле скорее подстраивается под структуру имеющихся данных, нежели улавливает некие общие паттерны.

Таблица 1

Показатели дерева классификации успеваемости школьников

Показатели	Значения
Риск	0,40
Среднее значение риска при 10-кратной кросс-валидации	0,43
Глубина	6
Всего узлов	21
Конечных узлов	12
Наибольший индекс аффинити, %	158
Доля целевой группы в узле с наибольшим индексом аффинити, %	9
Второй узел по индексу аффинити, %	163
Доля целевой группы в узле со вторым индексом аффинити, %	4

Переходя к содержательному описанию получившейся модели, необходимо отметить, что не все переменные, включенные в анализ, оказали дифференцирующий эффект на зависимую переменную, т. е. на успеваемость школьников. Что касается тех переменных, по которым наблюдаются различия, то наибольшую связь с успеваемостью, как и ожидалось из предыдущего дескриптивного анализа, имеет пол. Девочки гораздо чаще мальчиков имеют высокую успеваемость в младшей и средней школе. Интересно, что последующее ветвление дерева для двух подгрупп по полу имеет совершенно разную структуру. Это позволяет говорить о том, что для мальчиков и для девочек характеристики, которые связаны с отличной успеваемостью, заметно отличаются.

Так, например, для девочек следующей по важности переменной, отличающей отличников от хорошистов и троечников, является практика использования Интернета в учебных целях. В то время как для мальчиков важнее наличие дополнительных занятий вне школьной программы. Единственной общей особенностью в структуре дальнейшего ветвления дерева для обоих полов и общей характеристикой в группах с наибольшей долей учеников с высокой успеваемостью является переменная наличия бабушки в домохозяйстве. В итоге в качестве дифференцирующих переменных выступили:

- пол;
- пользование сетью Интернет для учебы;
- тип населенного пункта;
- класс (2-й, 3-й и т. д.);
- наличие бабушки в домохозяйстве, в котором живет ребенок;
- наличие дополнительных занятий после уроков;
- наличие отца в домохозяйстве;
- наличие культурной активности (посещение театров, музеев, выставок, зоопарков, экскурсий, участие в походах и т. п.).

В итоге можно выделить четыре профиля школьников по их социально-демографическим и другим характеристикам, среди которых доля учеников с успеваемостью на «отлично» заметно выше, чем в среднем по выборке (53%). Причем три профиля из четырех являются исключительно женскими, т. е. состоят только из девочек (см. рис. 14).

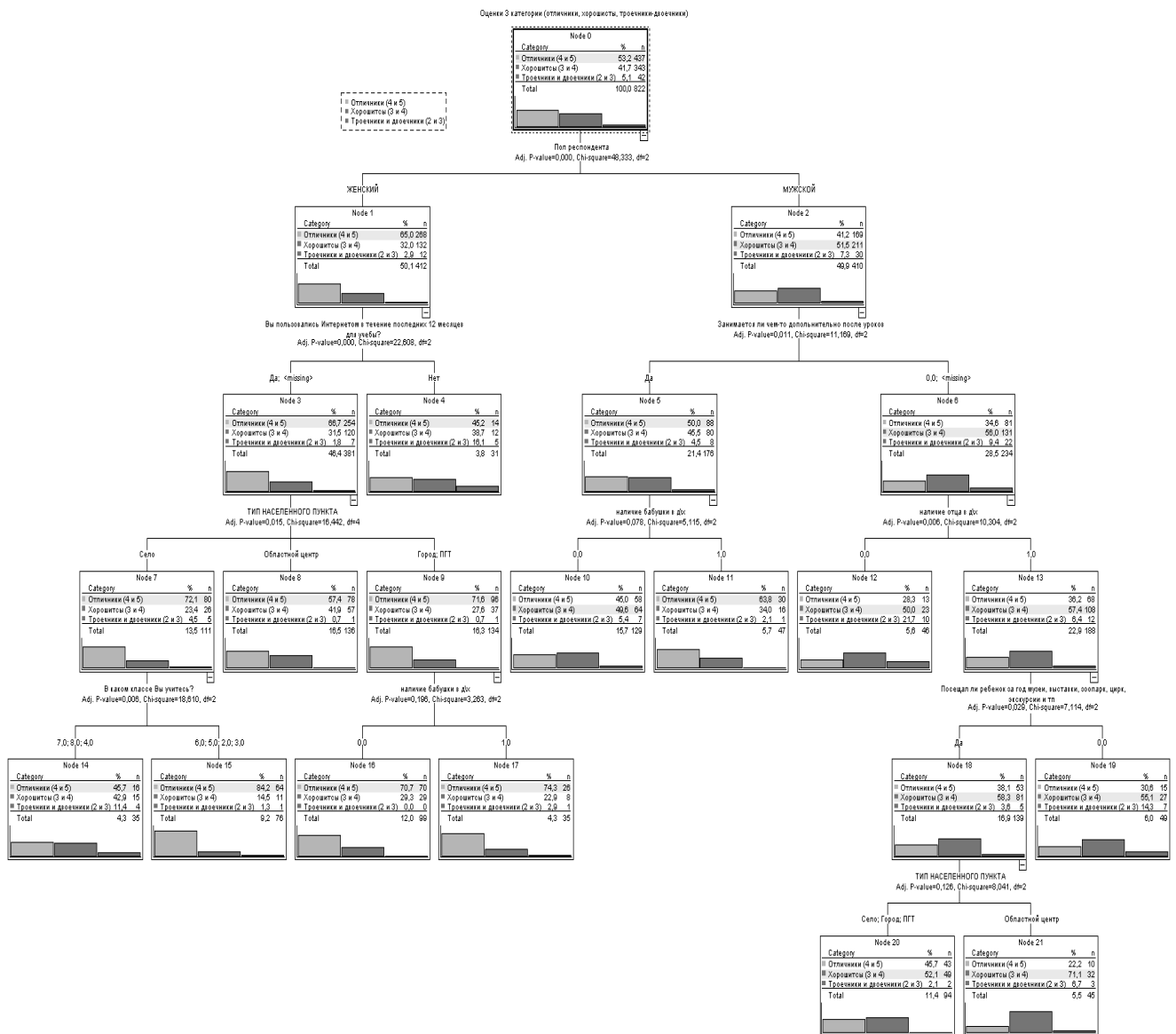

Рис. 14. Диаграмма дерева классификации школьников со 2-го по 8-й класс по уровню успеваемости

Первый профиль: девочки, которые проживают в сельской местности, учатся в начальной школе или 5–6 классах, а также пользуются Интернетом в учебных целях. В этой группе доля отличниц составляет 84%, что на 58% больше, чем в среднем по выборке, а размер этой группы составляет 9% от всей анализируемой выборки.

Второй профиль: девочки, живущие в городах или поселках городского типа в одном домохозяйстве со своей бабушкой, которые также используют Интернет для учебы. Доля отличниц в этой группе 74%, что на 40% больше, чем в среднем по выборке. Размер группы этого профиля – 4% от всей выборки.

Третий профиль: девочки, которые пользуются Интернетом для учебы, живут в городах или поселках городского типа, однако проживают в домохозяйстве без бабушек. Доля отличниц в этой группе 70%, т. е. на 33% больше, чем в среднем по выборке. Размер группы этого профиля – 12% от всей выборки.

Четвертый профиль: единственный мужской профиль с успеваемостью выше среднего по выборке. Это мальчики, которые живут в одном домохозяйстве со своей бабушкой, а также имеют дополнительные занятия до или после школь-

ных уроков (например, пение, рисование, спортивная секция и т. п.). Доля отличников в этой группе равна 64%, что на треть больше, чем в среднем по выборке школьников 2–8 классов.

В каком-то смысле слабая предсказательная сила получившейся модели может свидетельствовать о том, что успеваемость профилируется еще и по другим характеристикам школьников, например по психологическим чертам. Некоторые исследования российских школьников показали, что на обобщенную успеваемость (латентная переменная была сконструирована из оценок сразу по нескольким предметам) в большей степени влияли психологические характеристики учащихся, а именно: экстраверсия, открытость и психотизм. Причем эффект от этих психологических переменных в совокупности по своей силе был больше, чем влияние пола, возраста, типа школы и достатка семьи вместе взятых¹. Другое исследование российских старшеклассников социальными психологами показало, что позитивное мышление тесно связано с успеваемостью².

В завершении анализа нужно еще раз отметить, что описанная выше модель имеет достаточно слабую предсказательную силу и не может использоваться для того, чтобы предсказывать успеваемость учеников. Однако она может быть использована как эксплораторная, т. е. показывающая некоторые связи между характеристиками детей и домохозяйств, в которых они живут, и школьной успеваемостью, а также комбинации взаимосвязей между этими характеристиками.

Список литературы

Балина Т. Н., Дерипаско Д. А. Личностные детерминанты успеваемости студентов // Вестник ТИУиЭ. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-determinanty-uspevaemosti-studentov> (дата обращения: 12.11.2018).

Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Позитивное мышление как фактор учебных достижений старшеклассников // Вопросы психологии. 2010. Т. 1. С. 24–33.

Деметрио Т. Г. Э. Занятия спортом и образовательные достижения в школе: российские данные // Вопросы образования. 2018. № 2. С. 46–70.

Кайкова Л. В., Евстафьева А. В., Тихомирова Л. Ф. Социально-психологические предпосылки успеваемости студентов // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-predposylki-uspevaemosti-studentov> (дата обращения: 12.11.2018).

Колесникова Е. И. Индивидуально-психологические и личностные факторы академической успеваемости студента вуза // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2014. № 1 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-psihologicheskie-i-lichnostnye-factory-akademicheskoy-uspevaemosti-studenta-vuza> (дата обращения: 12.11.2018).

¹ Слободская Е. Р., Сафронова М. В., Ахметова О. А. Личностные особенности и стиль жизни как факторы школьной успеваемости подростков // Психологическая наука и образование. 2008. № 2. С. 76.

² Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Позитивное мышление как фактор учебных достижений старшеклассников // Вопросы психологии. 2010. Т. 1. С. 30.

Лапкин М. М., Яковлева Н. В., Прошляков В. Д. Исследование психологических и физиологических детерминант успешности обучения студентов в медицинском вузе // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2014. № 1 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-psihologicheskikh-i-fiziologicheskikh-determinant-uspeshnosti-obucheniya-studentov-v-meditsinskom-vuze> (дата обращения: 12.11.2018).

Рощина Я. М. Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников // *Вопросы образования*. 2012. № 1. С. 257–277.

Слободская Е. Р., Сафронова М. В., Ахметова О. А. Личностные особенности и стиль жизни как факторы школьной успеваемости подростков // *Психологическая наука и образование*. 2008. № 2. С. 70–79.

Хавенсон Т. Е., Соловьева А. А. Связь результатов Единого государственного экзамена и успеваемости в вузе // *Вопросы образования*. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-rezultatov-edinogo-gosudarstvennogo-ekzamena-i-uspevaemosti-v-vuze> (дата обращения: 12.11.2018).

Янбарисова Д. М. Работа во время учебы в вузах Татарстана: влияет ли она на успеваемость? // *Вопросы образования*. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-vo-vremya-ucheby-v-vuzah-tatarstana-vliyaet-li-ona-na-uspevaemost> (дата обращения: 12.11.2018).

doi:10.17323/978-5-7598-2038-3_157-174

THE FACTORS OF EDUCATION ATTAINMENTS IN RUSSIA: HIGH ARCHIVES AMONG RUSSIAN CHILDREN AND TEENAGERS

Bogdanov M. B., Lebedev D. V.

Abstract. The article explores how socio-demographic characteristics of Russian children and teenagers affect their academic performance at school. As the RLMS-HSE data for 2013–2017 shows, higher academic attainments are positively associated with gender, the level of parental education, class size, extracurricular and leisure activities. Meanwhile, the type of school, place of residence, and per capita household income has little to no effect on academic performance. The detailed profile of high-achievers, obtained on the basis of the decision tree algorithm CHAID, confirms that high academic performance is strongly associated with gender: girls tend to outperform boys during the years of primary and secondary education. An important factor of high academic attainments is the Internet use for educational purposes among girls and extracurricular activities among boys. Although the model obtained on the basis of CHAID performs not that well, it clearly demonstrates the link between academic attainments and the characteristics of children and household, where they live.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS–HSE, children, schools, grades, academic attainment, CHAID, decision trees.

References

Balina T. N., Deripasko D. A. Lichnostnyye determinanty uspevayemosti studentov // *Vestnik TIUie*. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnyye-determinanty-uspevaemosti-studentov> (data obrashcheniya: 12.11.2018).

Gordeyeva T. O., Osin E. N. Pozitivnoye myshleniye kak faktor uchebnykh dostizheniy starsheklassnikov // *Voprosy psikhologii*. 2010. T. 1. S. 24–33.

Demetrio T. G. E. Zanyatiya sportom i obrazovatel'nyye dostizheniya v shkole: rossiyskiye dannyye // *Voprosy obrazovaniya*. 2018. № 2. S. 46–70.

Kaykova L. V., Evstaf'yeva A. V., Tikhomirova L. F. Sotsial'no-psikhologicheskiye predposylki uspevayemosti studentov // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-predposylki-uspevaemosti-studentov> (data obrashcheniya: 12.11.2018).

Khavenson T. E., Solov'yeva A. A. Svyaz' rezul'tatov Edinogo gosudarstvennogo ekzamena i uspevayemosti v vuze // Voprosy obrazovaniya. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-rezultatov-edinogo-gosudarstvennogo-ekzamena-i-uspevaemosti-v-vuze> (data obrashcheniya: 12.11.2018).

Kolesnikova E. I. Individual'no-psikhologicheskiye i lichnostnyye faktory akademicheskoy uspevayemosti studenta vuza // Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Psikhologiya. 2014. № 1 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-psihologicheskie-i-lichnostnye-faktory-akademicheskoy-uspevaemosti-studenta-vuza> (data obrashcheniya: 12.11.2018).

Lapkin M. M., Yakovleva N. V., Proshlyakov V. D. Issledovaniye psikhologicheskikh i fiziologicheskikh determinant uspevayemosti obucheniya studentov v meditsinskom vuze // Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'ye, adaptatsiya, razvitiye. 2014. № 1 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-psihologicheskikh-i-fiziologicheskikh-determinant-uspevayemosti-obucheniya-studentov-v-meditsinskom-vuze> (data obrashcheniya: 12.11.2018).

Roshchina Ya. M. Semeynyy kapital kak faktor obrazovatel'nykh vozmozhnostey rossiyskikh shkol'nikov // Voprosy obrazovaniya. 2012. №. 1. S. 257–277.

Slobodskaya E. R., Safronova M. V., Akhmetova O. A. Lichnostnyye osobennosti i stil' zhizni kak faktory shkol'noy uspevayemosti podrostkov // Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye. 2008. №. 2. S. 70–79.

Yanbarisova D. M. Rabota vo vremya ucheby v vuzakh Tatarstana: vliyaet li ona na uspevayemost' // Voprosy obrazovaniya. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-vo-vremya-ucheby-v-vuzah-tatarstana-vliyaet-li-ona-na-uspevaemost> (data obrashcheniya: 12.11.2018).

Демин П. А.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ДОВЕРИЕ ИНСТИТУТАМ В РОССИИ

doi:10.17323/978-5-7598-2038-3_175-185

Аннотация. В работе на данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)» 2012 и 2017 гг. исследуется влияние экономического кризиса 2014 г. на доверие населения различным институтам. В 2017 г. структура институционального доверия не претерпела значительных изменений по сравнению с 2012 г., что свидетельствует об отсутствии непосредственной связи между экономическим кризисом и отношением населения к экономическим и политическим институтам. Как и в 2012 г., мужчины были менее склонны доверять институтам, чем женщины. В целом доверие к институтам не зависело от возраста, однако молодые люди были более склонны доверять частному бизнесу, чем остальные возрастные группы. Дифференциация уровней доверия в зависимости от материального положения прослеживалась слабо. Наименьшее доверие к государственным институтам выражали самые состоятельные респонденты. Уровень доверия к частному бизнесу был низок во всех доходных группах.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS–HSE, доверие институтам, экономический кризис.

В последние годы российское общество переживало довольно непростые времена. Осложнение международных отношений и заметное ухудшение экономической ситуации, начавшиеся в 2014 г., негативно отразились на социальном самочувствии россиян. Несмотря на волну патриотических настроений, связанных с вхождением полуострова Крым в состав Российской Федерации, люди все более пессимистично оценивали окружающую действительность и ближайшее будущее. Патриотическая мобилизация, с одной стороны, и возросшая обеспокоенность материальным положением своих семей, с другой, формировали контекст, в котором эволюционировали общественные настроения россиян на протяжении последних нескольких лет.

Анализ причинно-следственной связи между внешнеполитической обстановкой, экономическим кризисом и ухудшением социального самочувствия населения является нетривиальной задачей, которая не может быть должным образом решена без изучения динамики институционального доверия. Исследование колебаний уровня доверия является необходимым для анализа того, каким образом определенные политические решения соотносятся с материальным благополучием и самочувствием рядовых граждан. Недавние исследования ясно продемонстрировали то негативное влияние, которое не слишком успешные меры по борьбе с последствиями мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. и последовавшего за ним затяжного кризиса в Еврорегии оказали на уровень доверия институтам в различных европейских странах и в США¹. Неадекватность политических решений, предложенных правительствами своему населению, очевидным образом снизила доверие к ключевым политическим и экономическим институтам.

Задачей данного раздела является анализ динамики институционального доверия в России на основании данных RLMS-HSE. К сожалению, в ходе обследования вопросы об уровне доверия институтам задавались не каждый год, поэтому предлагается сравнить уровни доверия в 2012 и 2017 гг. В этот временной промежуток укладываются описанные ранее явления, что позволяет оценить, как изменившаяся политическая повестка и сопутствовавшие ей экономические реалии отразились на уровне институционального доверия. В ходе анализа использовались репрезентативные данные, содержащие сведения о респондентах старше 18 лет. Во всех переменных респонденты, затруднившиеся ответить, рассматривались как пропущенные наблюдения.

Проблематику доверия следует рассматривать, начиная с уровня обобщенного межличностного доверия, так как в ряде исследований уже на протяжении длительного времени доказывается его связь с уровнем социального капитала в обществе в целом и уровнем институционального доверия в частности.

В анкете RLMS-HSE респондентам предлагалось ответить на вопрос «Считаете ли Вы, что 1) большинству людей можно доверять, 2) в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным, 3) и то и другое, в зависимости от человека, условий». Если рассматривать ответы на этот вопрос, представленные в таблице 1, в динамике, то доля респондентов, доверяющих большинству людей, осталась практически неизменной, на уровне 15%, однако уровень межличностного доверия в целом несколько вырос за счет того, что доля людей, ориентированных на осторожность, значительно снизилась. Снижение составило более 5 п. п.

Таблица 1

Уровень межличностного доверия, респонденты старше 18 лет, 2012 и 2017 гг., %

Ответы на вопрос о доверии	2012	2017
Большинству людей можно доверять	15,2	15,0
И то и другое, зависит от человека, условий	37,6	43,5
В отношениях с людьми всегда надо быть осторожным	47,2	41,5

¹ Uslaner E. M. Trust and the economic crisis of 2008 // Corporate Reputation Review. 2010. Vol. 13. No. 2; Tonkiss F. Trust, Confidence and economic crisis // Intereconomics. 2009. Vol. 44. No. 4; Roth R. The effects of the financial crisis on systemic trust / CEPS Working Document No. 316 / July 2009. URL: <http://aei.pitt.edu/11334/1/1877-1.pdf> (дата обращения: 27.11.2018).

В работе Я. М. Роциной уже было отмечено существенное снижение доли «осторожных» респондентов между 2006 и 2012 гг.¹ Дополнив эту картину результатами 2017 г., можно констатировать наличие одиннадцатилетнего тренда на снижение доли «осторожных». Однако важным остается тот факт, что доля респондентов, считающих, что большинству людей можно доверять, во всех трех раундах остается практически на неизменном уровне порядка 15%. Ориентированные на осторожность люди, таким образом, переходят в группу «контекстно-ориентированных» (доверяющих в зависимости от человека и сложившейся ситуации), что позволяет говорить о повышении уровня межличностного доверия, хоть и с определенными ограничениями.

В обследовании RLMS-HSE институциональное доверие измеряется с помощью вопросов «В какой степени Вы доверяете...» различным институтам, где варианты ответа изменяются от «полностью доверяю», до «полностью не доверяю» и закодированы от «1» до «5» соответственно (см. табл. 2).

Таблица 2

Уровень институционального доверия, респонденты старше 18 лет, 2012 и 2017 гг., %

Доверие	Год	Полностью доверяете	Скорее доверяете	И да и нет	Скорее не доверяете	Совсем не доверяете
Правительству	2012	6,9	30,2	29,4	19,9	13,6
	2017	10,7	35,2	27,8	15,3	11,0
Государственной Думе	2012	4,2	19,7	28,1	26,8	21,2
	2017	5,9	23,6	30,3	23,2	17,1
Судам	2012	3,9	20,5	35,1	25,4	15,1
	2017	7,0	26,5	31,8	20,2	14,6
Армии	2012	9,1	35,9	28,0	16,7	10,2
	2017	23,9	42,5	20,4	7,5	5,7
Полиции	2012	4,2	19,0	31,3	25,8	19,6
	2017	8,4	26,3	35,1	17,8	12,5
Российским банкам	2012	4,2	29,5	32,6	20,3	13,3
	2017	5,0	26,2	34,0	20,9	13,8
Иностраным банкам	2012	2,8	16,9	28,2	28,0	24,1
	2017	2,5	11,2	26,2	30,3	29,8
Страховым компаниям	2012	2,2	16,8	30,7	27,8	22,4
	2017	3,0	14,9	29,4	28,8	23,9
Мелкому и среднему частному бизнесу	2012	3,5	21,8	36,4	23,0	15,3
	2017	3,7	24,9	35,1	20,7	15,6
Политическим партиям	2012	2,1	9,2	24,9	30,3	33,5
	2017	2,3	10,3	29,1	29,1	29,2

¹ Роцина Я. М. Россия до и после политического кризиса 2011–2012 гг.: факторы спроса на демократические институты // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Вып. 4. М., 2014. С. 169.

Из таблицы 2 видно, что в 2017 г. всем институтам, кроме банков (российских и иностранных) и страховых компаний, люди стали доверять больше. При этом процессы повышения доверия и снижения недоверия в абсолютном большинстве случаев проходят параллельно. За счет этого некоторым институтам, например армии, удалось достичь колоссального прироста доверия. Такой всплеск доверия, вероятно, был спровоцирован успешной операцией по присоединению Крыма и участием России в войне в Сирии, в ходе которой демонстрировались боевые возможности отдельных видов войск. Не исключено, что рост доверия к армии, а также общее обострение внешнеполитической ситуации в целом, подняло вслед за собой и доверие остальным государственным институтам.

Динамика доверия к иностранным банкам демонстрирует обратную тенденцию. С 2012 по 2017 г. доля полностью доверяющих и доверяющих в зависимости от ситуации снизилась, а доля не доверяющих, напротив, существенно возросла. Это наблюдение вместе с предыдущим косвенно подтверждает факт непрямой конфронтации России и Запада: люди направляют свое доверие «внутри» страны, возможно, более четко расставляя для себя приоритеты.

Стоит обратить внимание на доверие российским банкам и страховым компаниям. Доля тех, кто полностью доверяет этим институтам, немного увеличилась, на 0,8% в каждом случае, однако категория «скорее доверяю» испытала существенное снижение, равно как и увеличилась доля не доверяющих, что привело к совокупному снижению доверия.

Качественные различия в уровне доверия к перечисленным институтам подтверждаются сравнением средних значений показателей доверия и их проверкой *t*-критерием. Наименее выраженное изменение уровня доверия в целом наблюдается у российских банков, страховых компаний и частного бизнеса. Однако даже самые незначительные, на первый взгляд, изменения оказываются значимыми на уровне 95-процентной доверительной вероятности.

Рассмотрев пятилетнюю динамику доверия, следует остановиться подробнее на данных 2017 г. и оценить социально-демографическую структуру доверия различным институтам. Далее будет рассмотрено распределение доверия по полу, возрасту и доходным группам населения. Для удобства анализа категории доверия укрупнены до бинарного выбора «доверяете» и «не доверяете». В первую категорию вошли ответы «полностью доверяете» и «скорее доверяете», во вторую — «скорее не доверяете» и «полностью не доверяете». Категория «и да и нет» осталась без изменений.

Распределение доверия по полу, представленное в таблице 3, в очередной раз наглядно подтвердило ставшую уже классической гипотезу: женщины доверяют больше, чем мужчины. Единственным исключением стало доверие частному бизнесу. Среди женщин доля доверяющих частному бизнесу на 1,5% ниже, чем среди мужчин.

Различие доли доверяющих правительству среди мужчин и женщин оказалось достаточно небольшим, чтобы говорить о каком-то существенном противопоставлении. Однако у женщин не только выше уровень доверия, но и ниже уровень недоверия. Так, Государственной думе доверяют 28,2% мужчин и 30,3% женщин. Однако доля мужчин, которые не доверяют Государственной думе, составляет 44%, в то время как среди женщин аналогичный показатель 37,6%. Подобная ситуация,

когда разница между не доверяющими существенно больше разницы между доверяющими, характерна также по отношению к судам, российским банкам и политическим партиям.

Таблица 3

Распределение уровня институционального доверия по полу, респонденты старше 18 лет, 2017 г., %

Доверие	Пол	Доверяете	И да и нет	Не доверяете
Правительству	Муж.	42,9	26,3	30,8
	Жен.	48,1	28,9	23,0
Государственной думе	Муж.	28,2	27,8	44,0
	Жен.	30,3	32,0	37,6
Судам	Муж.	31,8	30,1	38,1
	Жен.	34,6	33,0	32,4
Армии	Муж.	65,8	19,9	14,3
	Жен.	66,8	20,8	12,4
Полиции	Муж.	33,1	34,8	32,1
	Жен.	35,7	35,3	29,0
Российским банкам	Муж.	29,2	32,8	38,0
	Жен.	32,7	34,9	32,3
Иностранным банкам	Муж.	13,4	25,4	61,2
	Жен.	14,0	26,8	59,3
Страховым компаниям	Муж.	17,3	28,9	53,9
	Жен.	18,4	29,8	51,8
Мелкому и среднему частному бизнесу	Муж.	29,4	33,0	37,6
	Жен.	27,9	36,7	35,4
Политическим партиям	Муж.	11,7	27,0	61,2
	Жен.	13,3	30,7	56,1

Распределение институционального доверия по возрастным группам удобно разбить на две части: доверие государственным институтам и доверие бизнесу и общественным организациям. Такое деление обосновывается и факторным анализом, результаты которого приведены ниже. Как показано на рис. 1, уровень доверия государственным институтам варьируется по возрастным группам. Так, несмотря на то что правительству и армии в принципе доверяет весьма значительная доля респондентов, наибольшее доверие к этим институтам выражают люди старше 65 лет. С другой стороны, судам и полиции больше других доверяет молодежь 18–24 лет. При этом нет какой-либо явной зависимости между возрастом и доверием.

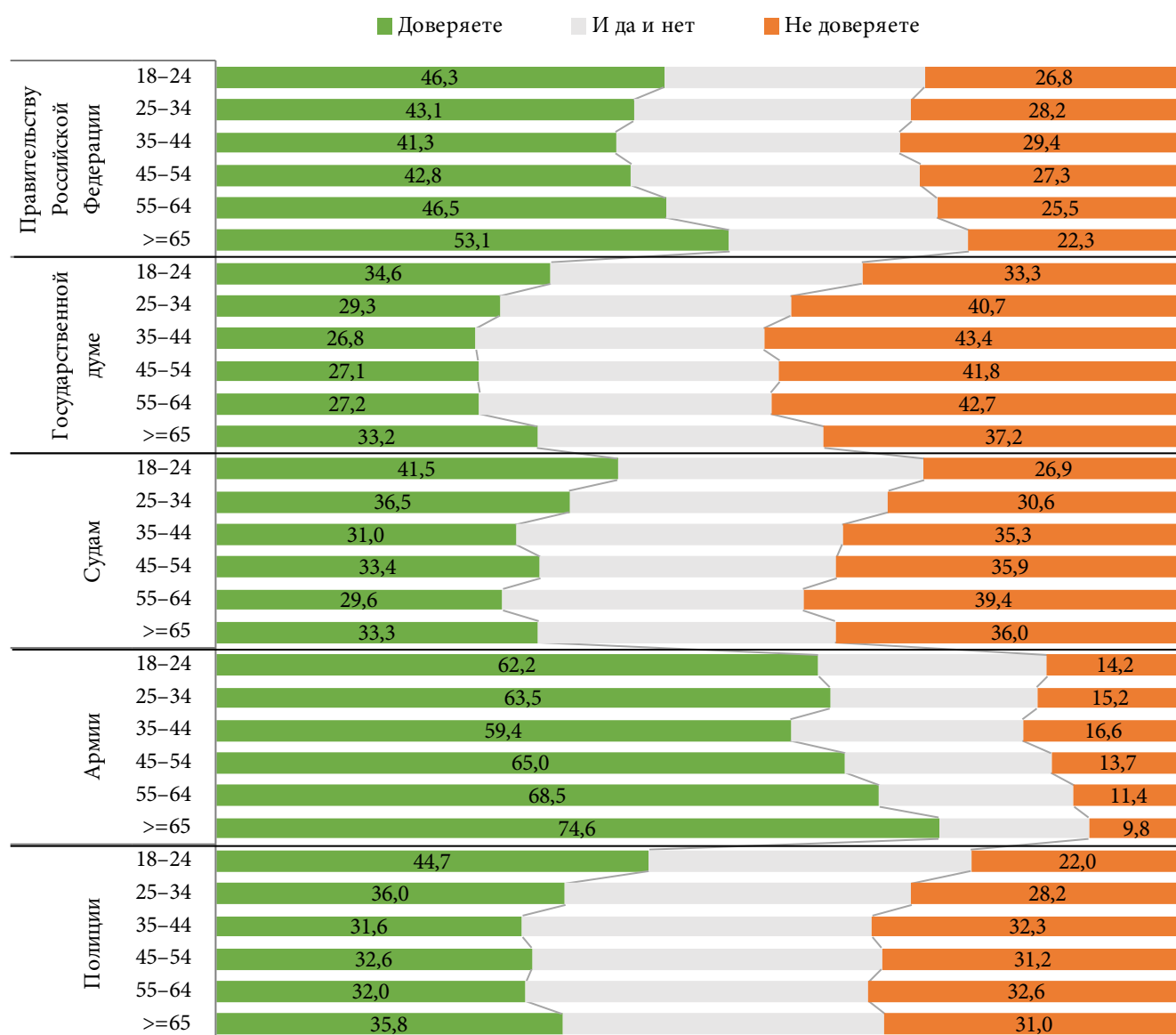

Рис. 1. Распределение доверия государственным институтам по возрастным группам, 2017 г., %

Несколько иная картина формируется при рассмотрении доверия бизнесу и общественным организациям. Как видно из рис. 2, структура доверия российским банкам и политическим партиям выглядит как доверие государственным институтам, но с небольшим смещением в сторону возрастной группы 18–24 лет. Это в целом понятно, учитывая что Сбербанк, самый крупный банк в стране, принадлежит государству. Вполне вероятно, если человек доверяет правительству, то он доверяет Сбербанку. Доверие иностранным банкам, страховым компаниям и частному бизнесу распределилось в явной зависимости от возраста: чем старше, тем меньше доля доверяющих.

Таким образом, доверие государственным институтам характерно для всех возрастных групп, в то время как доверие бизнесу и общественным организациям (политическим партиям) в большей степени характерно для более молодых возрастов.

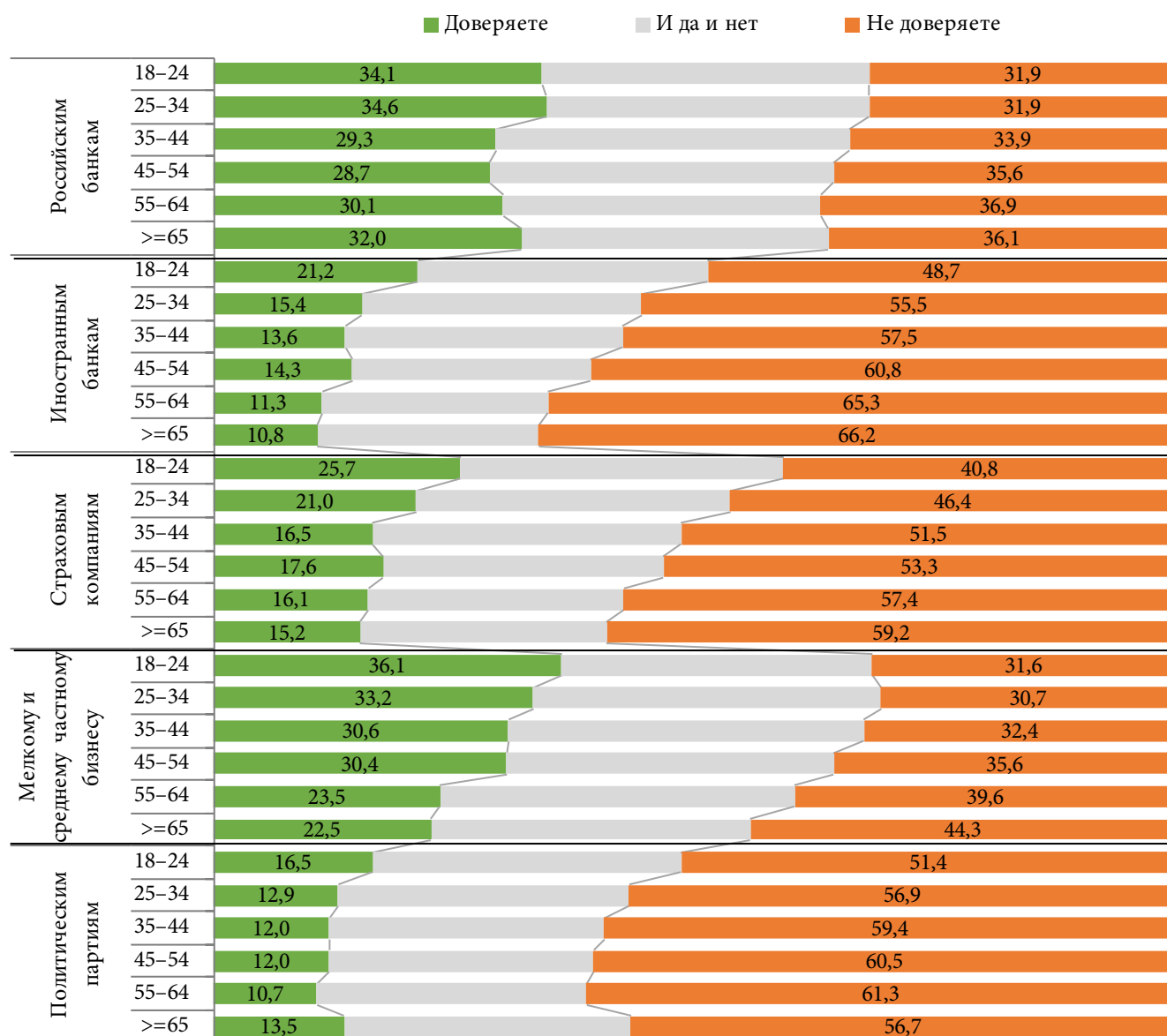

Рис. 2. Распределение доверия бизнесу и общественным организациям по возрастным группам, 2017 г., %

Уровень душевого дохода также оказывает некоторое влияние на степень доверия тем или иным институтам. Распределение доверия по квинтилям среднедушевого дохода показано на рис. 3 (первая группа обладает минимальным доходом, пятая группа – максимальным доходом).

Несмотря на то что в целом доверие правительству растет вместе с уровнем среднедушевого дохода, среди наиболее богатых (пятая квинтильная группа) уровень доверия резко падает. Среди наиболее состоятельных респондентов правительству доверяют 43,2%, тогда как в предыдущем четвертом квинтиле доверяющих насчитывается 49,1%. Обратная ситуация складывается, когда речь идет о доверии судам. Больше всего судам доверяют наименее состоятельные респонденты (первый квинтиль), меньше всего – наиболее состоятельные. В целом пятый квинтиль, включающий респондентов с самым высоким доходом в выборке, менее всего склонен доверять каким-либо государственным институтам. Тем не менее все доходные группы демонстрируют почти одинаково очень высокий уровень доверия армии.

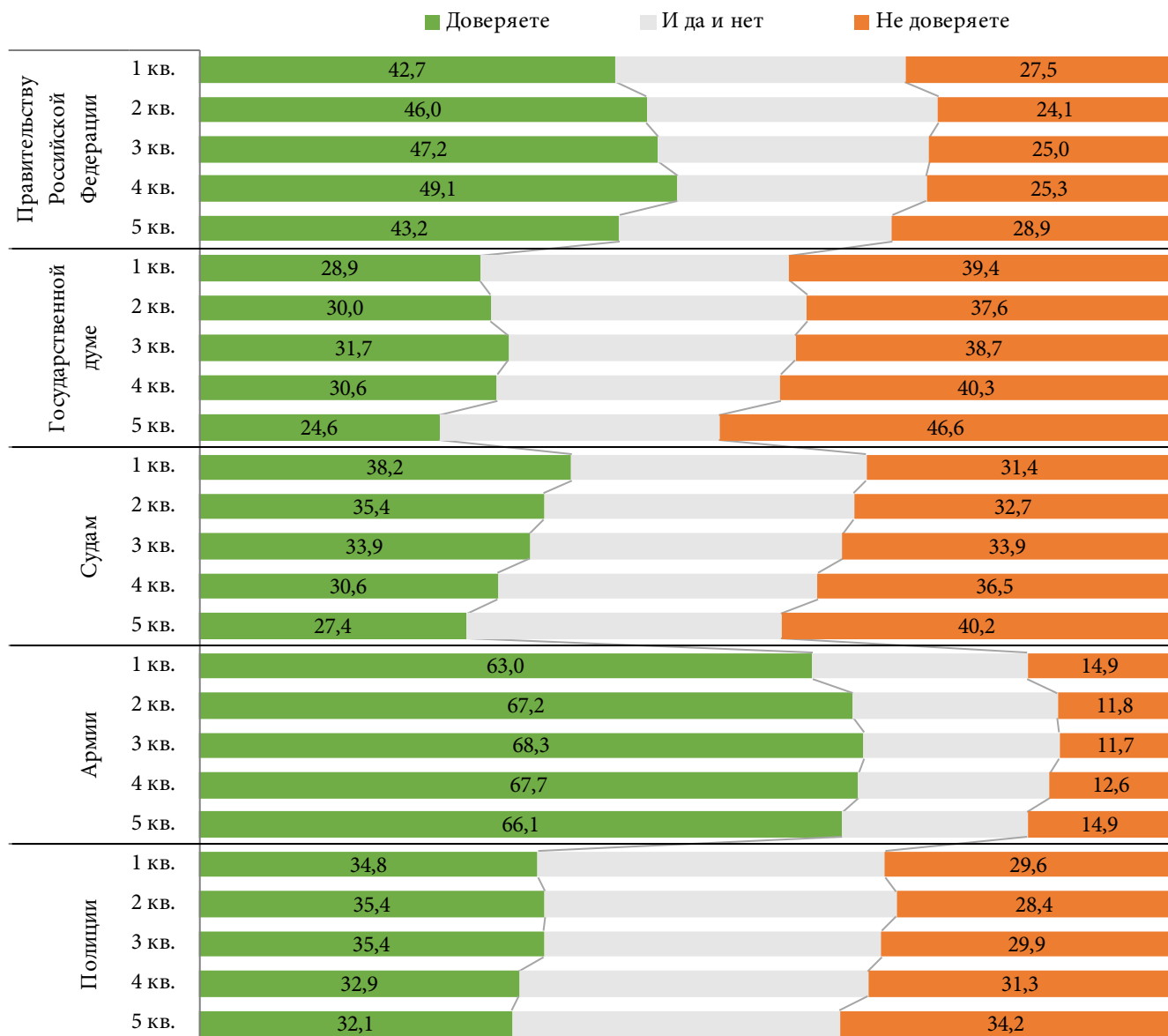

Рис. 3. Распределение доверия государственным институтам по доходным группам, 2017 г., %

Как следует из рис. 4, уровень доверия частному бизнесу и общественным организациям одинаково низок во всех доходных группах. Единственным исключением является доверие страховым компаниям. Доля респондентов, доверяющих страховым компаниям, сравнительно высока среди лиц наименее обеспеченных, в этой первой квинтильной группе она доходит до 19,8%.

Как хорошо видно на рис. 4, респонденты не просто выражают низкий уровень доверия частному бизнесу и политическим партиям, они выражают высокий уровень недоверия. Причем если распределение доверия по возрастным группам свидетельствовало о некоторых различиях между более молодыми, склонными доверять частному бизнесу, и всеми остальными группами населения, то распределение по уровню дохода говорит об отсутствии каких-либо значимых различий между богатыми и бедными. Все слои населения, независимо от уровня среднедушевого дохода, выражают недоверие к частному предпринимательству и политическим партиям.

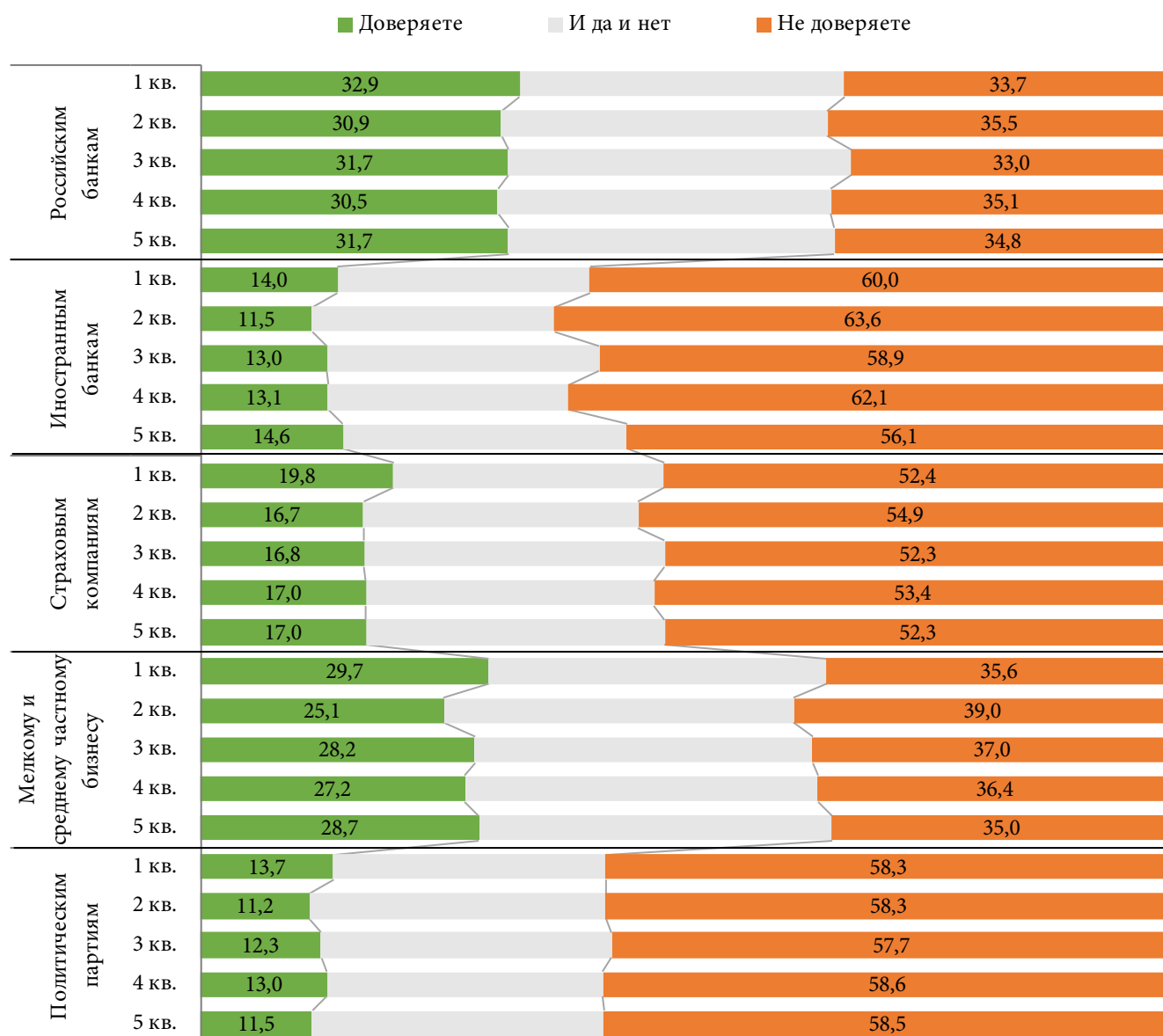

Рис. 4. Распределение доверия бизнесу и общественным организациям по доходным группам, 2017 г., %

Показатели доверия десяти институтам (правительству, Государственной думе, судам, армии, полиции, российским банкам, иностранным банкам, страховым компаниям, частному бизнесу, политическим партиям) были подвергнуты факторизации методом главных компонент с применением ортогонального вращения Варимакс. В качестве критерия отбора количества факторов был выбран критерий Кайзера. В результате была получена двухфакторная модель, представленная в таблице 4. Данная модель объясняет 70,99% дисперсии.

Первый фактор включает высокие нагрузки на такие компоненты, как доверие к правительству, Государственной думе, судам, армии и полиции, и в целом отражает то, что можно назвать «доверие государству». В состав второго фактора входит доверие к государственным и частным банкам, страховым компаниям, мелкому и среднему бизнесу, политическим партиям. С определенными допущениями, касающимися отношения населения к государственным банкам как части государственного аппарата, второй фактор можно охарактеризовать как «доверие

к бизнесу и общественным организациям». Таким образом очевидно, что доверие к государству и доверие к негосударственным институтам составляют два непересекающихся пласта в структуре институционального доверия.

Таблица 4

Факторный анализ компонент институционального доверия, респонденты старше 18 лет, 2017 г.

Вопросы анкеты RLMS-HSE	Фактор	
	1	2
В какой степени Вы доверяете правительству Российской Федерации?	0,820	0,277
В какой степени Вы доверяете Государственной думе?	0,777	0,386
В какой степени Вы доверяете судам?	0,757	0,422
В какой степени Вы доверяете армии?	0,802	0,112
В какой степени Вы доверяете полиции?	0,734	0,387
В какой степени Вы доверяете российским банкам?	0,466	0,687
В какой степени Вы доверяете иностранным банкам?	0,154	0,872
В какой степени Вы доверяете страховым компаниям?	0,250	0,843
В какой степени Вы доверяете мелкому и среднему частному бизнесу?	0,311	0,707
В какой степени Вы доверяете политическим партиям?	0,404	0,704

Описанная модель практически полностью соответствует той факторной модели, которая была получена Я. М. Рощиной на данных RLMS-HSE за 2012 и 2016 гг.¹ Для сравнения модель Я. М. Рощиной приведена ниже в таблице 5.

Таблица 5

Факторный анализ компонент институционального доверия, респонденты старше 18 лет, 2006 и 2012 гг.

Доверие	Фактор	
	1	2
Правительству Российской Федерации	0,834	0,175
Государственной думе	0,838	0,241
Судам	0,767	0,335
Армии	0,689	0,204
Милиции	0,740	0,313
Иностранному банкам	0,156	0,826
Страховым компаниям	0,272	0,777
Мелкому и среднему частному бизнесу	0,205	0,718
Российским банкам	0,372	0,690
Политическим партиям	0,520	0,512

Сходство факторных моделей, построенных на основании данных 2006 и 2012 гг. и 2017 г., свидетельствует о том, что ни общий рост доверия на протяжении 2012–2017 гг., ни экономические трудности, начавшиеся в 2014 г., не оказали значительного влияния на структуру институционального доверия в России. На этом фоне значительный интерес представляет доверие политическим партиям. Если в рамках факторного анализа данных за 2006 и 2012 гг. эта переменная фигурировала как пограничная, одновременно принадлежащая и к первому фактору, отражающему доверие

¹ Рощина Я. М. Указ. соч. С. 173–174.

к государству, и ко второму фактору, отражающему доверие к бизнесу¹, то факторный анализ данных 2017 г. показал, что произошло очевидное размежевание доверия политическим партиям и доверия государству. Выявление причин этого явления требуют дополнительного анализа, выходящего за пределы задач представленной работы.

Список литературы

Рощина Я. М. Россия до и после политического кризиса 2011–2012 гг.: факторы спроса на демократические институты // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Вып. 4. М.: НИУ ВШЭ, 2014. С. 166–179.

Roth R. The effects of the financial crisis on systemic trust / CEPS Working Document No. 316 / July 2009. URL: <http://aei.pitt.edu/11334/1/1877-1.pdf> (дата обращения: 27.11.2018).

Tonkiss F. Trust, Confidence and economic crisis // Intereconomics. 2009. Vol. 44. No. 4. P. 196–202.

Uslaner E. M. Trust and the economic crisis of 2008 // Corporate Reputation Review. 2010. Vol. 13. No. 2. P. 110–123.

doi:10.17323/978-5-7598-2038-3_175-185

ECONOMIC CRISIS AND TRUST IN INSTITUTIONS IN RUSSIA

Demin P. A.

Abstract. The article uses the data from 2012 and 2017 waves of the “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE)” to analyze the effect of the 2014 economic crisis on institutional trust in Russia. As the data suggests, the economic crisis had no immediate impact on trust in institutions as the level and structure of trust changed little from 2012 to 2017. Men were less likely to trust institutions, compared to women. The level of trust varied little with age, although young people were generally more sympathetic towards institutions in the private sector. Likewise, the level of trust was hardly affected by income since all income groups appeared equally wary of the private sector institutions. The wealthy also expressed some reservations about the state and its institutions.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, institutional trust, economic crises.

References

Roshchina Ya. M. Rossiya do i posle politicheskogo krizisa 2011–2012 gg.: faktory sprosa na demokraticheskiye instituty // Vestnik Rossiyskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSHE. Vyp. 4. M.: NIU VSHE, 2014. S. 166–179.

Roth R. The effects of the financial crisis on systemic trust / CEPS Working Document No. 316 / July 2009. URL: <http://aei.pitt.edu/11334/1/1877-1.pdf> (data obrashcheniya: 27.11.2018).

Tonkiss F. Trust, Confidence and economic crisis // Intereconomics. 2009. Vol. 44. No. 4. P. 196–202.

Uslaner E. M. Trust and the economic crisis of 2008 // Corporate Reputation Review. 2010. Vol. 13. No. 2. P. 110–123.

¹ Рощина Я. М. Указ. соч. С. 173.

Сведения об авторах

Богданов Михаил Богданович

Студент магистратуры «The Applied Statistics with Network Analysis»
Международной лаборатории прикладного сетевого анализа НИУ ВШЭ,
стажер-исследователь Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ в 2016–2018 гг.

E-mail: bogdanovmikle@mail.ru

Бычкова Татьяна Юрьевна

Магистр Высшей школы современных социальных наук
МГУ им. Ломоносова.

E-mail: bychkovatanya95@gmail.com

Воронин Геннадий Леонидович

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН.

E-mail: voroning@isras.ru

Демин Павел Андреевич

Студент магистратуры факультета социальных наук НИУ ВШЭ,
стажер-исследователь Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ в 2018 г.

E-mail: paveldemin@me.com

Евграфова Ксения Олеговна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

E-mail: skenya@list.ru

Козырева Полина Михайловна

Доктор социологических наук, первый заместитель директора
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Заведующая Центром лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ.

E-mail: pkozyreva@hse.ru

Косолапов Михаил Самуилович

Кандидат философских наук, руководитель Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.

E-mail: mkosolapov@isras.ru

Лебедев Даниил Вадимович

Студент магистратуры КСА факультета социальных наук НИУ ВШЭ, стажер-исследователь Центра лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ ВШЭ в 2016–2018 гг.

E-mail: zenon-daniil@yandex.ru

Низамова Алфия Энварьевна

Кандидат социологических наук, главный эксперт Центра лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ ВШЭ.

Старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

E-mail: anizamova@hse.ru

Рощина Яна Михайловна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ ВШЭ.

E-mail: yroshchina@mail.ru

Сивкова Ирина Викторовна

Младший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

E-mail: ishustova@demoscope.com.ru

Смирнов Александр Ильич

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

E-mail: smir_al@bk.ru

Соколова Светлана Борисовна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

E-mail: sveta@demoscope.com.ru

Тонис Елена Игоревна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

E-mail: ea163100@mail.ru

Научное электронное издание

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО МОНИТОРИНГА
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ
НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)**

Корректор: В. В. Камышан
Компьютерная верстка: Е. И. Григорьева, И. М. Ситдииков

Уч.-изд. л. 11. Объем 2,46 Мб.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 621 7983; 628 7931
E-mail: hse@hse.ru